М. Громер. «Нищий»

ISSN 0130—1640. «Знание — сила». 1992, № 10, 1—128.

ISSN 0130—1640

„Knowledge is power" *(F. Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 10/92

К. Петров-Водкин
«Купание красного коня»

Голубая роза — отныне реальность. А красный конь?

Самореклама

Какие черты характерны для любого живого существа? С какого момента можно считать, что перед нами не косная материя, а живой организм?

Ф. Леже. «Создание мира».

Эль Греко. «Король».

Всякое изображение несет искажение

С. Красаускас. «Освенцим»

И вот она, тайна,— мы ли приближаем к себе тех, кого уже нет, или они невидимо проникают в нас, сближая не только с собой, но и с живыми?

Г. Мясоедов. «Земство обедает».

У народа было очень отчетливое ощущение некоего должного государства

В квадрате нейросеть — элемент суперсовременного нейрокомпьютера. Используется для активизации видения и автономной работы искусственной рабочей силы

Открывая в 1907 году в Москве выставку со странным названием «Голубая роза», художники-символисты хотели, видимо, подчеркнуть таким образом свое стремление к недостижимым сущностям. Сегодня голубая роза стала реальностью.

(«От розы к картофелю», стр. 52.)

ЗНАНИЕ — СИЛА 10/92

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

№ 10 (784)
Издается с 1926 года

Э. Штейнберг. «Композиция: октябрь — ноябрь».

Мозаика — портрет Петра I. Цветная смальта на железной основе. Работа исполнена собственноручно М. В. Ломоносовым.

С. Лурье

Российская государственность и русская община

Русские создали огромное мощное государство — нмперию, которая просуществовала сотни лет. До самых послединх десятнлетий она продолжала расширять свои пределы. В теченне веков русскнй народ выдерживал то громадиое напряжение (в том числе психологическое), которого требует поддержаиие такого гигаитского государствениого здания. Фактически вся жизиь российских поддаиных была устроеиа так, что каждый без исключения на своем месте служил иитересам государствеиного целого: по своей ли воле, помимо ли нее... Сферы жизни, непосредственно связанные с государственными или военными функциями, всегда были сильио развиты, порой даже гипертрофированы, а прочие — запущены. Государствеиный подход определял взгляд иа человека. Да и сами русскне никогда не мыслили себя вне государства, будь они истыми государственниками или аиархистами. Семействениое иачало в России было развито относительно слабо, оно затмевалось началом общинным. Государственная же парадигма присутствовала в сознании всегда очень четко, хотя описать ее качества представляется делом непростым. Так, в отношении к государству русскнх крестьян второй половины XIX — начала XX века (период времени, за который мы имеем больше всего достоверных материалов о крестьянстве) поражают очевидио противоречащне друг другу факты. Крестьяие старались избегать любых встреч с представителями государственной власти; как огня, боялись попасть в суд хотя бы в качестве свидетелей, государственным учреждениям не доверяли, в их легитнмиости сомиевались, а при появленин представителя власти в деревие прятались по избам. Но эти же крестьяне, те самые, о которых крупный знаток русской деревни Глеб Успенский писал, что их не может интересовать ничего, что не имеет прямого отношения к сельскохозяйственному труду, в своей массе очеиь неплохо разбирались во внешней политике государства. В периоды войн народ, согласно воспомниаииям современников, виимательно следил за ходом боевых действий, и чтение газет заиимало значительную долю деревенского досуга. Объяснения крестьянами политических целей и задач России весьма разумны и близки к реальному положению дел. Даже народные фантазии иа темы внешнеполитических отношений поражают четким инстинктивным схватыванием существа дела, не столько государствениым мышлением, сколько

ощущением государственности. Народ, с одной стороны, чуть не демонстративно стремился избежать государственных повинностей и упорно не соглашался смотреть на них как на нечто для себя обязательное, а с другой — многие свои действия сам расценивал как служение государству (например, колонизацию новых районов).

Русские крестьяне были связаны со своим государством великим множеством тонких нервных нитей, но это никогда не были отношения гражданства и законности в современном смысле слова. Эта связь была очень личной, конкретной, и посредническая роль каких-либо гражданских институтов народом не признавалась. Любой крестьянин в конечном счете считал себя самого вправе решать, что государству нужно от него, а что — нет, и никакие государственные учреждения переубедить его были не в состоянии.

Свобода, с которой крестьяне обсуждали политические и социальные темы, поражала современников. У народа было очень отчетливое ощущение некоего **должного** государства — и в этом психологическая подоплека и русского этатизма и русского анархизма, причина постоянной конфликтности русского государственного сознания, его глубинной противоречивости, с одной стороны, и его упругости, интенсивности, прочности — с другой. Каким образом сформировалось русское государственное сознание, в чем его содержание? Как видел свое государство народ, чем было государство для него, как видел себя в государстве? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять ряд явлений, ключевых для русской жизни, их взаимосвязь и прежде всего связь общины и государства.

Общину можно рассматривать как основной тип русской социальности. Синонимом слова «община» является слово «мир», и это понятие было центральным в сознании русских крестьян. Крестьянин осознавал себя членом русского общества не как индивид, а как член конкретной общины, конкретного «мира». «Мир» — это автономная самодостаточная целостность. С правовой точки зрения, это административная единица, с церковно-канонической — приход; с точки зрения имущественного права, «мир», поскольку он распоряжался землей, был поземельной общиной.

Община — специфически русское явление, как полагали многие писатели XIX века, но отличительная черта именно русской общины — ее центральное место в самосознании подавляющего числа членов русского общества и, следовательно, та значительная роль, которую она играла в общественной жизни в целом.

Община — это очень гибкий организм, способный менять свои внешние формы и приспосабливаться к различным условиям жизнедеятельности. В любом новом крае, где происходила русская крестьянская колонизация, очень быстро образовывались крестьянские общины. Форма землепользования была захватной, то есть каждый крестьянин мог взять столько земли, сколько хотел. Общины-деревни возникали из-за уплотнения населения, а земельный дефицит приводит к уравнительной системе землепользования. Если крестьяне выселялись в новый район, где земли было достаточно, то форма землепользования вновь становилась захватной, а общиной становилась волость. Общины-волости были широко распространены в Сибири еще в начале XX века.

Но во всех случаях внутренняя сущность общины оставалась неизменной — она была самоуправляющимся «миром». В древности «мир» занимал место государства, но и с ростом централизации «мир» в глазах народа оставался самодовлеющим целым и пользовался верховным авторитетом. Вплоть до последнего времени «мир» обладал определенными атрибутами государственности: самоуправление по установленному порядку, суд по «обычному праву», карательные функции (вплоть до ссылки по приговору схода), сохранение норм общественного быта и морали, целый ряд административных и культурных функций. «Мир» просили о заступничестве, к нему обращались с челобитной. «Мир» собирал подати (налоги) и выплачивал их государственным властям как дань. Во всех внешних контактах (с государством или с другими аналогичными «мирами») он выступал как единое целое и защищал каждого из своих членов от посягательств извне. Еще в начале XIX века, в период Отечественной войны 1812 года, «мир» принимал на себя и оборонные функции. Были распространены деревенские отряды самообороны, которые защищали от врага только землю, находящуюся в пользовании их общины.

Структура русского общества еще в XV веке, а на Севере вплоть до XVII века, представляла собой конфедерацию «миров» на основе общих экономических и военно-стратегических интересов при полной автономии каждого конкретного «мира». «Мир» в этот период не был структурой, присущей только лишь крестьянству. В него входили члены различных сословий, проживающие на данной территории. «Миром» был и город или улица, городской «конец» (район города). «Миры» каждого конкретного региона объединялись в земство, а земство уже входило в состав Московского государства. Эта модель очень долго воспринималась как нормативная, вне зависимости от того, насколько она воплощалась практически. Само государство, с этой точки зрения, понималось как система, объединяющая многочисленные «миры», то есть, как писал исследователь северорусской общины Н. Богословский, «миром» в более широком объеме, различающимся от своих образующих элементов скорее количественно, чем качественно. Мир — как бы часть федеративного целого в миниатюре, обладающего теми же свойствами, что и целое. Россия оказывалась в восприятии народа большой общиной.

Вот с этой точки и начинаются противоречия в русском государственном сознании. Реальное государство Российское никогда таким «миром» не было. И если в какой-то начальный период его внешние проявления были таковы, что русский народ мог воображать его себе в качестве «мира» посредством определенной коррекции восприятия, свойственной традиционному сознанию, то с ростом централизации и установлением крепостного права, с петровскими ревизиями, которые прикрепляли крестьян не только к земле, но и к помещикам, получившим право бесконтрольного вмешательства во внутреннюю жизнь «мира», вплоть до запрещения крестьянских сходок, положение крестьянской общины в русском государстве стало двусмысленным. Появилась внешняя, чужая власть, держащаяся на принуждении. И отношение народа к ней порой напоминало отношение к оккупантам. Даже к концу XIX века, когда прежние функции мира, казалось бы, начали возвращаться к нему, когда снова признавалась его определенная автономия, его юридические нормы («обычное право») изучались и вводились в официальную судебную практику,— все эти нововведения не вызывали доверия крестьян. Народ продолжал чувствовать себя в глухой конфронтации к государству, упрямо не выполняя неправящиеся ему постановления властей, избегая по возможности всяких встреч с представителями государства, и всегда был готов, дай только повод, перейти к открытому противостоянию, как это бывало в эпохи крестьянских войн.

В. Суриков.
«Боярыня Морозова».

Государство же, в свою очередь, смотрело на народ главным образом как на источник пополнения казны и формирования армии. Отношение к общине было чисто утилитарное. Общинная солидарность была обращена в круговую поруку, удобную для сбора налога. Даже в тот период, когда проводилась официальная политика на поддержку общины (конец XIX века), правительственные распоряжения допускали полное отрицание ее прав. Так, по закону 1893 года земским начальникам предоставлялось право отменять все приговоры о земельных переделах, которые они сочтут нерациональными. Такая политика властей заставляла некоторых экономистов предполагать, что она может свестись к замене общинного землевладения общественно-государственным, то есть к подавлению общины государством.

Крестьянская революция 1905 года впервые заставила власти задуматься о сущности общины, и тогда со стороны государства начинается целенаправленная атака на общинный строй. Эту позицию занимает большинство русских «государственников». Уже в 1906 году по инициативе графа Витте, до того бывшего сторонником общины, издается указ об облегчении отдельным домохозяевам выхода из общины. Затем следует столыпинская аграрная реформа, которая изначально была направлена на разрушение общины не только как хозяйственного, но и как психологического организма. Сопротивление крестьян реформе было яростным и иррациональным, что особенно бросается в глаза ввиду сверхактивного участия в ней женщин.

Но что при этом представляется парадоксальным: восприятие крестьянами себя в качестве членов большого государства — общины очень ярко проявлялось еще в начале XX века и определяло, например, психологию массового и переселенческого движения крестьян, когда любая официальная бумага, касающаяся переселенческих вопросов, воспринималась народом как царский клич на переселение. И мотив колонизации как государственного служения достаточно ясно просматривался в характере народной молвы и слухов о колонизации окраин Российской империи.

Более того, народ повсеместно верил в «черный передел» — всероссийское поравнение, справедливое перераспределение русской земли между всеми членами русского общества на тех же принципах, на которых происходило «поравнение» внутри отдельных общин. Народ не просто хотел этого передела, а был уверен, что он непременно скоро произойдет и Россия примет свой образ, который был заложен в народном созиании.

Ссылка на народную веру в царя мало что способна прояснить, поскольку сама нуждается в объяснении. Цари в России появились относительно недавно, значительно позднее, чем сформировался механизм мирского самоуправления. Почему же образ царя как народного защитника столь глубоко укоренился в сознании русского народа? Ведь ничего подобного в реальности никогда не было. Другое дело, что крестьяне времен Ивана Грозного могли считать: царь казнит бояр за то, что те притесняют крестьян; да и в позднейшее время крестьяне с маниакальной настойчивостью истолковывали в свою пользу любые действия царя. Можно предположить, что столь интенсивный образ царя-защитника сложился в сознании народа именно в ответ на постоянный конфликт между народом и государством, как психологическая защита. Царь воспринимался «своим» в стране «чужих» вплоть до того, что народная молва приписывала ему занятие хлебопашеством. И тогда вся государственная администрация оказывалась как бы «пятым колесом в телеге», «неверными и лукавыми царскими слугами», которые мешают непосредственной связи царя и народа. При этом, однако, крестьяне очень часто были недовольны царем, правящим в настоящее время. Таким образом, надежда возлагалась часто не на реального царя, а на какой-то уже совершенно мифический его образ. И если этот образ веками сохранялся в сознании народа, то это тоже факт, нуждающийся в особом объяснении. В сознании народа должно было быть нечто, что постоянно поддерживало этот образ, нечто такое, что, несмотря на постоянный конфликт государственного и мирского начал, пронизывает их оба. Ведь факт остается фактом: вопреки почти открытой враждебности между русским народом и государственной властью Российская империя не просто существовала и сохраняла свое могущество, но и укрепляла его, расширяя свои пределы, и стала одной из великих держав мира.

Однако взгляд на идеологическую подоплеку Российского государства обнаруживает еще более глубокое противоречие между официальной идеологией России и ее народной идеологемой.

У истоков русской государственности лежит серьезная психологическая драма. До Москвы дошла весть о том, что греки, учителя и руководители русских в делах веры, заключили с латинянами-католиками Флорентийскую унию и отступили от православия. Затем последовал следующий удар — пала столица православного мира — Константинополь. И русским представляется, что они остались единственным православным народом в мире, а это означает, что «если утеряют или исказят русские вверенное им на хранение Православие, то оно утратится тогда в целом мире, и вся страшная ответственность за его гибель падет исключительно на русских, от которых только и могут последующие поколения наследовать истинное Православие и благочестие»[1]. Чтобы понять чувства русских, надо вспомнить, что при нарастающих центробежных тенденциях в Византии, когда все народы, входящие в ее культурный ареал стремились эмансипироваться от греков, лишь Русь осталась в стороне от этой тенденции, она сохранила преданность Византии и решительно поддерживала исихастское движение и исихастское руководство византийской церкви.

Два события — Флорентийская уния и падение Константинополя связываются русскими книжниками воедино: Константинополь пал потому, что греки отступили от православия. Именно в это время псковский монах Филофей и написал свое знаменитое: «...два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти», ведь утеря вверенного русским на хранение сокровища веры означало бы «гибель истинного благочестия во всей вселенной и воцарение на земле антихриста»[2]. Прошло немного времени, и выяснилось, что Флорентийская уния была делом политиков, греческий народ не принял ее, и что православие на Востоке с приходом турок не исчезло. Но след от душевной травмы, от пережитого чувства одиночества, когда русским казалось, что всякое общение с любыми иноземцами и иноверцами грозит опасностями и бедствиями, поскольку может повредить русской вере — это чувство осталось... И на прежних учителей, греков, хотя их и признали вновь православными, многие книжники смотрели уже как на народ шаткий и нестойкий в делах веры. Здесь корень русской недоверчивости к другим народам, самоизоляции, скрытности, всегда бросавшейся в глаза иностранцам, ощущение своей особой миссии в мире, миссии, которая требовала постоянного внутреннего напряжения и самозамкнутости.

А процесс формирования русской государственности и в целом шел не просто. К XV веку еще только успела закончиться колонизация Центральной России, и Москва была сравнима с военной колонией, возникшей на чужой земле. Основную массу населения составляли финские племена, постепенно ассимилировавшиеся русскими. И это при том, что русские по своей природе вовсе не были воинственны. В народных песнях поражает невнимание к военным походам и подвигам древнерусских князей. Например, Владимир Красное Солнышко — «народная память навсегда запомнила про пиры его и ничего об его походах»[1]. Однако характер Московского государства изначально сугубо военный. Так, в судебнике Ивана III (1497 год) все население делится на две категории — служилых и неслужилых, воинов, которые «собирают русскую землю», и всех прочих, тех, кто кормит армию во время походов. Безразлично: купцов и земледельцев — все они подчинены единому порядку, который возлагает на них прежде всего податное бремя. И это понятно, ведь «в течение долгого времени соотношение между количеством населения и размерами населенных территорий оставалось неблагоприятным для интенсивной хозяйственной и социальной культуры»[3].

Это государство, чтобы не распасться, должно было иметь мощную идеологическую доминанту, которая оправдывала бы постоянное перенапряжение сил. Было ли так на самом деле?

Московские цари считали себя преемниками византийской государственности и претендовали на то же значение в православном мире, которое имели греческие императоры. Цари перенесли на русскую почву византийскую идеологию государственной власти, где могущество православия зримо выражалось через государственное могущество. Руководимое единой религиозно-государственной идеей, Российское царство должно было стремиться к гомогенности своей территории. Заметим, что это никак не вытекало из

[1] Каптерев Н. Характер отношения России к православному Востоку в XVI—XVII столетиях. Москва, 1883 год.
[2] Там же.

[3] Пресняков А. Московское царство. Пг., 1918 год.

сути православия, но было неизбежным следствием взгляда на него через призму государственности. Единообразие населения империи становилось символом победы религиозно-государственной идеи. Поскольку идентификация граждан империи строилась не по этническому признаку, а по религиозному, национальное разнообразие государством игнорировалось, так же как и разнообразие населения различных русских регионов и этнографических зон. Оно не преследовалось, оно просто не признавалось, и по мере упрочения государства ему должно было оставаться все меньше места.

Унификация обширной территории Российской империи происходит постепенно, и вплоть до XVIII века большинство ее окраин сохраняло автономию юридически либо только фактически, хотя первая попытка упорядочить областное управление была сделана еще Иваном Грозным. Но здесь важен не темп изменений, а изначальная общая направленность, неизменная тенденция практического воплощения государственного «византизма» — более скрупулезного, чем в реальной Византии, — мы сейчас говорим о духе византизма. Молодое Московское государство приняло из рук погибающей Византийской империи ее богатое наследство: культурное и, прежде всего, мировоззренческое. Как точно определил Константин Леонтьев, «византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими ся от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем.. наклонность византийского нравственного идеала, разочарованного во всем земном, в счастии, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу»[1].

Популярная лубочная картинка «Как мыши кота хоронили». Первая треть XVIII века.

Эта суровая, не оставляющая места радостям, жизни, расслабленности и самоудовлетворенности установка вполне гармонировала с общим военным строем Российского государства, где война не была средством обогащения народа, не имела романтического ореола, а превратилась в служение религиозно-государственной идее — «сплошь и рядом без всякого экономического расчета, — в силу чисто политических побуждений, иногда даже не для самосохранения и независимости, но для внешнего могущества и величия»[2].

Этот процесс не сопровождается одним лишь идеологизированием. Правительство действовало так, как ему казалось правильным и удобным, исходя каждый раз из конкретных политических обстоятельств, — направление действия задавалось общим духом государственной идеи. Идеология шла постфактум. Даже версия русской истории как сознательного и целенаправленного собирания земель вокруг Москвы была создана лишь Карамзиным.

История же русского народа была иной. Когда автор XIX века Л. Сокольский говорит, что «бегство и уход от государственной власти составляли все содержание народной истории России», то кажется, что он не далек от истины. Народ упорно не признавал над собой единицей, сглаживающей все различия и препятствующей самодеятельности государственной власти. Означало ли это, что идеология Москвы — Третьего Рима не имела к народу никакого отношения? Нет, народ по-своему воспринял ее и усвоил очень глубоко, но в иной форме. Для него Третьим Римом было не Российское государство, а он сам, русский народ. Любое место, где живут русские уже тем самым становится Россией, вне зависимости от того, включено ли оно в состав российской государственной территории или нет. Это и давало возможность бежать от государства. Россию беглецы несли с собой — уносили Святую Русь от ставшей антихристовой, как считали старообрядцы-раскольники, власти.

[1] Леонтьев К., Византизм и славянство. Москва, 1876 год.

[2] Игнатьев Е., Россия и окраины. Санкт-Петербург, 1906 год.

Идеологемы Москвы — Третьего Рима и Святой Руси очевидным образом связаны между собой — и в той, и в другой речь идет о царстве истинного благочестия и святости, единственном во всем мире; и там и там главная опасность состоит в утрате благочестия — тогда Антихрист воцарится во всем мире. Разница лишь в том, что доктрина Москвы — Третьего Рима связана с конкретным местом, конкретным государством, а идеологема Святой Руси носит более выраженную этническую окраску, локализация же ее, можно сказать, скользящая: то град Китеж, то Беловодье. В двадцатые годы XIX века Вас. Москвин проповедовал, что Святой Град возникнет на месте Каспийского моря, а молокане ожидали его на горе Арарат.

Характерно, что всем раскольничьим толкам и мистическим сектам, распространившимся в России, был свойствен определенный анархизм, в большинстве случаев выражавшийся лишь в устранении себя от государственных дел, но часто связанный и с открытым противостоянием государственной власти. Причем границы между православными и раскольниками могли быть четко проведены лишь на бумаге: практически они были размыты, и влияние старообрядцев в крестьянской среде было столь велико, что даже порой высказывалось мнение, что все русское крестьянство при известных обстоятельствах готово отпасть в раскол.

Легенды раскольничьего происхождения широко расходились в среде русского крестьянства. Со старообрядчеством был, видимо, связан и постоянно обнаруживающий себя миф о «скрывающемся истинном царе», — миф, служащий благодатной почвой для самозванчества и, очевидно, коррелирующий с легендой о Святой Руси: до поры до времени скрывается от взоров Русь, скрывается от взоров и царь. Не случайно то тут, то там возникают прямо антигосударственные секты, такие, как бегуны, видевшие в Москве не Третий Рим, а падший Вавилон, и отказывавшиеся от любых контактов с государственной властью.

Однако бросается в глаза специфическая государственность русских анархических сект, например наличие в обиходе бегунов своих особых паспортов граждан Беловодья. Потрясающий факт: Святая Русь имела свое гражданство! Она мыслилась именно как государство.

Но во что реально выливался поиск Беловодья? К чему приводило бегство народа от государства? К колонизации новых земель. Конечно, государственная власть шла в новые места вслед за народом, укрепляя за собой вновь заселенные области и обращая беглых вновь под свое владычество. Но государство не возвращало их на прежние места поселения, оно дозволяло им жить там, где они оседали сами, лишь устанавливая в новых местах свою юрисдикцию. Государство поначалу всегда мало вмешивалось во внутренний быт беглецов, и их отношения с представителями власти, той самой, от которой они когда-то бежали, устанавливались вновь и, как правило, вполне нормально. Хотя вплоть до конца XIX века государство запрещало самовольные переселения, но практически на них закрывали глаза, и, начиная с первого правительственного указа о запрещении переселений и учреждении застав (1683 год), первыми его нарушителями были царские же воеводы, о чем хорошо знало и центральное правительство. Воеводы, вместо того чтобы разорять самовольные поселения, налагали на них государственные подати и оставляли их спокойно обрабатывать землю.

Так бегство народа от государства выливалось по сути в выполнение важнейшей по тем временам государственной функции — колонизации новых территорий. Но еще более поразителен тот факт, что крестьяне-беглецы это понимали. В народных слухах, сопутствующих массовым переселениям (которые очень походили на бегство и сплошь и рядом были несанкционированными), постоянно присутствовал мотив государственных льгот для переселенцев: крестьяне чувствовали, что делают нечто необходимое государству, служат государству, от которого бегут.

Мы видим, что круг парадоксальным образом замыкается. Конфликт между народом и государством приводил к укреплению государства, более того, без этого конфликта русская государственная власть вряд ли смогла бы прочно утвердиться на столь огромной территории. Известно, что общественный конфликт может быть функционален, и очевидно, что в этом случае речь идет именно о таком конфликте. Он сам служил залогом могущества Российской империи. Американский востоковед Люсьен Пай писал о «чувстве ассоциации», которое позволяет различным частям этноса, находящимся между собой в состоянии вражды, действовать, не сговариваясь, так, что результат оказывался позитивным для этноса в целом.

Однако это не снимает другого вопроса: чем в таком случае была государственность для народа, что поддерживало в нем чувство государственности? Вспомним, что народная община сама была мини-государством со всеми его функциями и даже некоторыми атрибутами. Пластичность общины, частые переходы из одной в другую свидетельствуют, что крестьяне не были привязаны к какой-то одной общине. Родным для них был общинный, «мирской» дух вообще. Можно сказать, что их связь с Российским государством была столь же поверхностной. Вспомним, что если говорить о народном восприятии, то парадигму Третьего Рима нужно отнести не к Российскому государству, а к русскому народу или, поскольку слова «народ» и «мир» для русских крестьян синонимичны, к России как «миру». А Россия как «мир» не знает границ, она везде, где поселятся русские. Но поскольку русские живут в том или ином месте, оно само по себе уже воспринимается как территория России и включается в ее сакральные границы, можно сказать, «границы святой Руси». Этот своеобразный перенос понятий обеспечивал на практике силу русской экспансии. В этом смысле русский этатизм не был идеологией, четкой идеологии российской государственности не существовало, не было и правильных, регулярных отношений между государством и его членами. Государство, то, которое было в реальности (как его воплощал народ), сильно отличалось от того, чем оно само себя мнило и что выражало в официальных идеологиях. И если государство игнорировало общину, то и община игнорировала это государство и жила в том, которое представляла себе сама, и вела себя в соответствии с его законами, вступая в конфликт с реальными представителями власти. И, разумеется, верхушечное Российское государство не могло представляться народу истинным, истинной была Россия — община.

Игнорирование народом государственной власти приводило в истории даже к таким курьезам, когда народ сам начинал вести свою внешнюю политику, отличную от внешней политики государства. В семидесятых годах XIX века, например, русский народ осознал себя находящимся в состоянии войны с Турцией и в массовом порядке выступил в поход (добровольцы на Балканах) тогда, когда правительство всеми силами стремилось этой войны избежать и, по сути, было вынуждено народом признать войну официально. Народ вел себя как государство и брал на себя государственные функции, как когда-то в Смутное время.

Русский народный этатизм имеет мирскую форму, и, таким образом, этатизм официальный и этатизм народный различны между собой, и каждый со своей стороны отвергает внешние проявления другого. Однако есть, по крайней мере, один атрибут, присущий и той, и другой форме, — это образ царя. Через этот образ проходит зримое пересечение официальной государственности и народного государственного сознания. В двух этих системах образ царя имеет отчасти различное содержание, но тем не менее дает определенную возможность прямой коммуникации между ними: государственная пропаганда может обращаться к народу на понятном для него языке.

Итак, оппозиция «русская община — Российское государство» оказывается на поверку неверной. Даже в своих крайних антигосударственных проявлениях русские оставались по своей сути государственниками. Выходом из структуры общинно-государственных понятий было не бегство от государства (при котором общинная парадигма не страдала), а воля, когда человек в одиночку выходил из социальных рамок. Трудно восстановить народную рефлексию бунтов, но в нашем распоряжении записи толков народа времен последней гражданской войны. И в них доминирует именно мотив выхода на волю: «Теперь дом на слом, сам на конь и летай вольным соколом по над родными полями», «Подхватила нас воля ветром, закрутила нас воля вихрем», «Вожу носом по воздуху — только волей потягивает. Я же порядка жду, а под ноздрей одна воля»[1].

Но воля — это отнюдь не свобода. Однако это тема уже другой статьи ●

---

[1] Федорченко С., Народ на войне. Книга третья. Гражданская война, «Литературное наследство», т. 93. Москва, 1983 год.

Астероид промахнулся чуть-чуть

В ночь на 17 января 1991 года американский астроном Дэвид Рабиновиц обнаружил в созвездии Рака неизвестный науке астероид. Вместе с коллегой Джимом Скотти он следил за этим небесным телом пять часов.

Получив об этом сообщение, известный специалист по таким телам Брайан Марсден вычислил орбиту астероида. Это дало ему возможность установить, что через несколько часов после наблюдений Д. Рабиновица и Дж. Скотти «их» астероид прошел всего в 170 тысячах километрах от Земли.

До сих пор ни один известный ученым астероид еще не подходил к нашей планете на столь малое расстояние, составляющее менее половины того, что отделяет нас от Луны. Самым близким прохождением такого тела до сих пор считалось то, которое случилось в марте 1989 года, когда астероид 1989 FC миновал Землю на дистанции 690 тысяч километров.

«Новичок», официально именуемый 1991 ВА, принадлежит к группе «Аполлона» и, значит, его орбита пересекает земную. В этой группе известно около ста подобных небесных тел.

Астероид 1991 ВА установил еще один «рекорд». Он оказался самым маленьким из всех известных науке — его диаметр составляет всего от пяти до десяти метров.

Не ждет ли нас в следующий раз «прямое попадание»? Маловероятно, но полностью не исключено...

Как изучить подводный вулкан?

В тридцати пяти километрах от острова Гавайи, под водой, на глубине около километра расположен вулкан Лоихи. Геофизики установили: это молодой активный вулкан, рост которого продолжается, так что спустя «каких-нибудь» 50 тысяч лет он поднимет голову над волнами и образует еще один остров Гавайского архипелага. Специалисты считают, что не изучать столь интересный процесс в сравнительно доступных условиях (это единственный действующий подводный вулкан в пределах США, к тому же расположенный относительно близко к суше) было бы непростительно. Так родился план создания на вершине Лоихи автоматической обсерватории.

В этом году вокруг подводного кратера и на склонах горы будут установлены сейсмографы, датчики, измеряющие поток тепла, идущий из недр, регистрирующие химические и иные процессы, происходящие в периоды извержений и между ними. Здесь будет также постоянно действовать видеокамера и ходить маленький автоматический «вулканоход», выполняющий приказы ученых, находящихся на суше. Проект настолько заинтересовал общественность, что обычно далекая от фундаментальной науки корпорация «Америкен телеграф энд телефон» бесплатно предоставила в распоряжение вулканологов 40 километров электронно-оптического кабеля, по которому роботам будут подаваться команды и поступать их отчеты о выполненных наблюдениях.

Эксцентричный «динозавр» в Солнечной системе

В 1977 году между орбитами Сатурна и Урана был открыт очередной астероид. Назвали его Хирон. От тысяч известных тогда его собратьев он отличался лишь своей необыкновенной орбитой — резко эксцентричной, сильно наклоненной к плоскости эклиптики и при этом очень нестабильной. Десятью годами позднее, приближаясь к Солнцу, Хирон удивил наблюдателей еще одной своей тайной — яркость его начала резко возрастать и к 1988 году удвоилась. Подлинный астероид так не поступает.

Другой вопрос — если это комета. Нагреваясь при приближении к Солнцу, ее ядро все больше испаряется, газово-пылевая корона растет, и все тело начинает выглядеть ярче. Оказалось, что Хирон действительно имеет корону, однако — очередная загадка — состав ее отнюдь не «кометный».

А вот и новые неожиданности, которые содержатся в данных недавних наблюдений американских астрономов. После того как они уточнили величину альбедо (отражающей способности поверхности) Хирона, они определили, что диаметр его ядра превышает 370 километров. Этот результат не лезет ни в какие рамки. Для кометы это слишком гигантский размер. Можно предположить, что странное тело — «убежавший» спутник Урана или Сатурна, но каких-либо научных подтверждений подобной гипотезы нет. Остается сенсация: считать Хирон чудом уцелевшим протопланетным куском вещества — одним из самых древних тел в Солнечной системе, возникшем при самом ее зарождении.

Себе на уме

Существует такая шутка: «Животные не способны мыслить, но они себе на уме». Подходит эта шутка больше всего к тараканам. Удивительно, как удалось этим насекомым на протяжении длительного развития постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям существования. Они сумели, например, выработать у себя в организме защитные вещества против сильнейших ядов и не только выжить, но и сделать своих потомков иммунными к этим ядам. Они обладают необычайно быстрой системой информации, мельчайшие внешние изменения вроде легкого сквозняка или света вызывают у них быстрее, чем у человека, необходимую реакцию — бегство. Ученые хотят выяснить, как тараканы ухитряются это делать, и надеются, что эти знания помогут создать новое поколение роботов.

Американский исследователь насекомых Филипп Келлер и его сотрудники полагают, что они нашли все-таки эффективное средство против тараканов. Химическое вещество, получившее название «гидраметилнон», мешает таракапам превращать принятую пищу в энергию, и они погибают через 48 часов.

Мы продолжаем разговор с экономистом Виталием Найшулем.

Почем деньги?

Беседа вторая*

Три шага до счастья или хотя бы до нормального рынка

— В каких бы конкретно исторических условиях, в каких бы странах ни шло движение к экономике рыночного типа, оно обязательно проходило три стадии. Первая — институциональное развитие. Прежние экономические структуры распадаются, новые еще не оформлены. Как бы полный хаос. Каждый день все меняется, поэтому невозможно вести долгосрочную экономическую политику, ни один серьезный человек не будет в такой обстановке вкладывать значительные средства в производство. Недавно мне жаловались знакомые предприниматели: как мы можем начинать большое дело, если не знаем, что правительство выдумает завтра?!

Это касается не только законодательной сферы, всяких законов и указов, которые стремительно сменяют друг друга. Это относится и к появлению множества самых разнообразных организационных форм. Но еще важнее, что такой же хаос царит в сознании людей. Они как бы дезориентированы: прежние ориентиры устарели, новых пока нет. То есть о них все время говорят, это обсуждают на каждом углу, об этом с каким-то страстным мазохизмом постоянно пишут газеты, твердит телевидение: вот, в нормальных странах с развитой рыночной экономикой люди ведут себя так-то и так-то, а мы не можем...

Да, пока не можем, и это нормально. Чтобы люди приняли новые нормы и представления, новые ориентиры, по которым будут строить стратегию поведения, все это должно быть легитимизировано культурой. Культурой данного народа, прожившего свою собственную историю, выработавшего определенную картину мира и определенную систему ценностей. И пока рыночные нормы не будут вписаны в культуру, освоены ею, люди не смогут им следовать.

В такой период «устаканивания» успешнее всего действуют, пожалуй, люди, склонные к авантюризму. Это время стремительных и непонятных обогащений. Ведь часто подвижнее всех оказывается тот, кто не скован ни старыми, ни новыми, вообще никакими нормами. А по ним судят о грядущем рынке — как о грядущем хаме и авантюристе. Но это всего лишь пена, издержки глубокой внутренней перестройки общества.

Когда этот период завершится — очертания новой экономики станут определенными, люди примут и освоят новые структуры, а их судьба станет наконец предсказуемой,— тогда придет второй этап, время инвестиций. Перед этим все ресурсы общества, и материальные, и интеллектуальные, и моральные, поглощены перестройкой. Теперь они идут на строительство, выражаясь прежней терминологией, «материальной базы капитализма». Ведь капитализм, как известно, зиждется не на радостях текущего потребления, а на превращениях капитала. Спрос на капитал в этот период резко возрастет, потому что выяснится, что выгодно, а что — нет, станут выгодными долгосрочные проекты.

Но до радостей текущего потребления нам и тогда будет еще далеко. Слабая экономика, как показывает опыт развивающихся стран, в этот период в основном реагирует на импульсы извне, ибо внутреннего импульса к развитию пока не имеет. Внутреннюю мобилизацию задает внешний спрос мирового рынка. А интересы других стран вовсе не сосредоточены на проблемах данного нацио-

* Беседа первая — в № 9 за этот год.

ального потребительского рынка, скорее наоборот. Иностранные деловые круги, разумеется, привлечет дешевая рабочая сила, и это — единственное, что еще долго будет у нас дешевым. Их может заинтересовать нефть, или лес, или, например, как в Чили, «рождественский фрукт». Он был одним из основных предметов чилийского экспорта — фрукт, который в Европе и Америке принято дарить и есть на Рождество. Отрасль, специализирующаяся на его выращивании и транспортировке, процвела одной из первых. И женщины, которые плели специальные корзиночки для перевозки фруктов, зарабатывали больше университетских профессоров, потому что мировой рынок интересовался их трудом гораздо живее, чем профессорским, а сама страна долго не могла предоставить своим профессорам условия жизни, соответствующие мировым стандартам.

Наконец, третий период начинается с насыщения экономики капиталом, хоть на каком-то уровне. Только с этого момента можно рассчитывать на постепенный рост оплаты труда (адекватный подорожанию потребительских товаров) и среднего уровня жизни. Это происходит, когда экономика обретает внутренние импульсы развития, когда уже включены и исправно действуют нормальные рыночные механизмы, в том числе и механизм, который делает выгодным развитие национального потребительского рынка. А граждане страны в большинстве своем перестают быть только дешевой рабочей силой, но становятся активными субъектами экономики и в качестве потребителей.

— Ну и на каком этапе мы сегодня находимся? И сколько нам еще добираться до благословенного третьего периода?

— Конечно, сейчас — период институциализации рынка. Сколько он, да еще и этап насыщения страны капиталом, будет продолжаться? Не знаю. Чили на это понадобилось пятнадцать лет.

— И сейчас там живут хорошо?

— Вернулись к уровню потребления, достигнутому до Пиночета.

— Так зачем было огород городить?

— А они бы все равно на том уровне не удержались. Как и мы — на брежневском.

— Но в прошлый раз вы говорили, что мы за брежневское время почти вплотную подошли к созданию рынка (по крайней мере, я именно так вас поняла). И особенно в том, что касается норм и отношений купли-продажи; они уже были освоены обществом к началу перестройки. Тогда почему мы до сих пор находимся в периоде институализации, культурного освоения рынка?

— То был все-таки принципиально иной рынок и принципиально иная экономика. Да, она сыграла огромную роль, раскачав жесткие перегородки между стратами, по сути разрушив сословно-иерархическую структуру общества.

Но ведь конкуренция, обязательная для нормального функционирования рынка, разворачивалась не в битве за покупателя, а в борьбе за благосклонность начальства. Торги разворачивались не в магазинах, а в коридорах власти. Купля-продажа шла не на деньги; во всяком случае, деньги имели значение весьма скромное. И это как раз верный показатель «нерыночности» бюрократического рынка.

— Вы говорили, что эту экономическую систему разрушили директора, когда прямой товарообмен между собой предпочли бюрократической процедуре получения ресурсов от Центра.

— Да, именно горизонтальные связи стали базой, «несущей конструкцией» новой, постперестроечной экономики.

Перестройку-то начала сама власть, надеясь сохранить себя, сменив рычаги управления. Я думаю, сначала никто толком не понимал, что из этого выйдет...

И все-таки мы непобедимы!

— Интересно: мгновенный шок от распада централизованной системы пережили и те, кто более всего жаждал экономической свободы,— директора. Очевидно, они все-таки действительно до конца не понимали, что исподтишка разваливали целую эпоху. Впрочем, нельзя говорить о целой социальной группе, довольно разношерстной, как об одном человеке — дальнейшая история еще больше разнесла их на принципиально разные позиции, а кое-кого даже поставила по разные стороны баррикад. Во всяком случае, поначалу многие из директоров растерялись.

Помните, как с трибун съездов и конференций, всяческих встреч по городам и весям они требовали от Горбачева наведения порядка? Чтобы выполнялись поставки. Чтобы прекратили вздувать цены на оборудование, станки и машины. Чтобы Горбачев вернул жесткую дисциплину на производство. Они как будто захотели назад, в сталинскую экономику.

На самом деле это чистая иллюзия. Достаточно вчитаться в тексты их громовых речей, обратить внимание на то, кто именно и чего требует, чтобы увидеть наивную хитрость этих требований: порядок для других — свобода для моей отрасли, моего завода, снижение цен на комплектующие — повышение их на то, что я произвожу из этих комплектующих. И всегда найдутся резоны для особого моего положения: в нашей отрасли ситуация наиболее катастрофическая, мой завод необходимо поддержать, иначе страна лишится самой дефицитной продукции...

— Я хорошо это помню. И помню, как вдруг прекратились все эти воззвания, требования, всхлипы. Прошло какое-то время — и как отрезало, редкий директор начинает плакаться по телевизору. У меня появилось четкое ощущение, что это вдруг превратилось в признак профнепригодности.

— Правильно!

— А что, собственно, произошло?

— Началась эпоха новой экономики — бартерной. Стеная и всхлипывая, директора под жалостно требовательные речи быстренько нашли друг друга — те, кто не нашел друг друга гораздо раньше,— и начали прямой товарообмен. То есть они давно начали, а теперь перешли на него полностью.

— Когда примерно?

— Года два с половиной назад. И заметьте: никакого спада производства тогда не было. Даже некоторый подъем в отдельных отраслях.

Потрясающе быстро все наладилось, начало развиваться. Произошла консолидация регионов. Раньше, когда все-таки скорее подторговывали, чем торговали, меняли лес на станки, цемент на лес, нефть на кирпич. Но если все производство основано на бартерном обмене, это хлопотно и неудобно. Стали «скидываться» по регионам и торговать списком, как в СЭВе: социалистические страны всегда так торговали между собой. Список на список: «Это мне надо, это тоже, это — большой дефицит, много не дадут, а это мне не надо, но придется взять «в нагрузку» — ничего, потом кому-нибудь столкну».

— Послушайте, но это же экономика племени мумба-юмба!

— Нет, в первобытной торговле товар идет на товар, а тут — список на список. Большой шаг вперед. Меня этот механизм привел в полное восхищение.

— Но почему не на деньги?

— А кому нужны ваши деревянные деньги, на которые ничего не купишь?

Бартер вообще есть вотум недоверия деньгам. Если я хочу вписаться в эту систему, я должен предложить нечто, имеющее несомненную ценность для всех участников. Лес, цемент, кирпич, нефть, зерно — это понятно. Деньги — это совершенно непонятно.

— А как они устанавливают, сколько тонн цемента стоит кузнечный пресс? И сколько — если перевести в лес?

— Долгое время директора обменивались по стабильным ценам. 1984 года.

— То есть все-таки пересчитывали продукцию в деньги?

— Примерно.

Павел Широнин провел такое исследование: выяснял, что ценится в бартерных сделках и почему. Ценность номер один — стабильность отношений: мы друг друга хорошо знаем и не подведем. Тут может быть совсем другой коэффициент пересчета, чем со случайным партнером,— платят за доверие. Это, между прочим, верный показатель недостаточной институциализированности рынка. Когда разрабатывают всякие модели рыночного взаимодействия и потом пытаются запихнуть в них предприятия, часто забывают, что нормы таких взаимодействий не сложились ни юридически, ни социально. Найдите поставщиков... А где их искать? Как? Поэтому теми, что имеются, дорожат. Если поставщик подведет, какой механизм выдаст соответствующую санкцию? Нет такого механизма, никто не застрахован от обмана, и каждая новая сделка — риск. Потому для мелкого производителя наилучший вариант — семейное дело: тут уж точно не подведут. И с предприятиями то же самое — предпочитают иметь дело с теми, кого хорошо и давно знают.

Второе — ценность самого предмета обмена — у всех разное. Предприятию прежде всего нужны сырье и оборудование для производства. Ну, еще продовольствие и ширпотреб для работников, чтоб не разбежались. Бывшие конторы Госснаба действуют как посредники: они тоже прежде всего имеют в виду интересы «своих» предприятий, но если твоя продукция никому не нужна — это, в конце концов, твоя головная боль.

Еще один субъект бартерной торговли — местные власти, они для такого рода сделок забирают 10—12 процентов продукции предприятий на своей территории. Этим нужно совсем другое: канализацию починить, свой пассажирский транспорт спасти,— короче говоря, обеспечить выживание города, поселка. Если городское хозяйство на грани полного краха, если производство на грани остановки, тут за ценой не постоят.

Ну и, наконец, только в-третьих берется в соображение объективная эквивалентность обмена, то есть пересчет выбрасываемой на рынок продукции в деньгах и сопоставление цен. Когда доперестроечные цены окончательно перестали соответствовать чему бы то ни было, участники бартерных сделок сначала обратились к ученым: рассчитайте нам «правильные» цены. А потом как раз для этих надобностей и завели биржи.

— То есть принципиально рыночную структуру создали директора?

— В общем-то да. Биржи появились в ответ именно на эту потребность установить цену обмена. На самом деле реальные товары через биржу почти не проходят — биржевая торговля составляет процента два-три всего товарообмена. В основном продукция идет по другим каналам, по прямым связям: регион — регион, крупный завод — регион. Биржи торгуют на деньги — вот вам истинная ценность денег. Так было до тех пор, пока сами деньги не оказались в дефиците — когда зарплату платить нечем. Но этот мотив появился сравнительно недавно как результат политики правительства. Об этом мы еще поговорим. Вы лучше вглядитесь в естественный процесс рождения нормального рынка.

Как изобретаются деньги

— Конечно, без относительно всеобщего эквивалента торговать неудобно. И он появился — не деньги, разумеется, а все те же лес, нефть, кирпич. Вагоны с лесом, цистерны с нефтью начали кочевать по всей стране как платежное средство, то есть их вообще не разгружали, а гоняли с места на место в уплату за что-то нужное в каждом данном случае.

— Варварство.

— Не варварство, а исторический процесс становления рынка естественным путем. Рано или поздно они должны были изобрести деньги, которым можно верить. И представьте себе, изобрели.

Я знаю как минимум три таких попытки, предпринятые еще до Гайдара. Самая интересная, конечно,— это производственные деньги. Изобрели их почти случайно. Омский кирпичный завод выдавал своим потребителям расписки, по которым те в любой момент могли получить со склада кирпич. И вдруг обнаружили, что кирпич у них лежит, а расписки гуляют по региону. Понимаете, это же твердая валюта, обеспеченная ценным товаром.

Отсюда рукой подать до настоящих денег. Положим, я соберу такие расписки с разных заводов, за ними будут стоять совершенно реальные кирпичи, шины, холодильники, лес, нефть. И все — могу печатать деньги. Это будет твердая валюта, тверже трудно придумать. И ее оторвут с руками, потому что все понимают: бартерный обмен — не лучшее дело. Гуляющая по стране цистерна с нефтью — это нефть, выпавшая из производства, это огромные накладные расходы на транспортировку, это хлопоты и страх, что она пропадет.

— А почему не торговали на доллары? Зачем надо велосипед изобретать?

— И на доллары торговали, но вытеснить остальные валюты доллар не мог. Иностранная валюта ориентирована вполне определенно, она тянет владельца в свой ареал. Доллары — для закупок «там», они в принципе рвут хозяйственные связи внутри отечественного производства, а бартер их сохраняет.

Еще раз скажу: деньги — такой же товар, как и любой другой. Вам очень нужны босоножки зимой на Крайнем Севере? Что вы будете делать с долларами в лондонских магазинах?

— Зайду в любой банк и обменяю. Это же не рубли!

— Правильно, только надо, чтоб банк был открыт, и операцию обмена вам придется оплатить. При крупном торговом обороте все эти операционные расходы составляют величину достаточно ощутимую. Так что тяготение валюты к собственному рынку — закон, который всегда стоит иметь в виду.

Англичане где только не поставят ногу, в любой точке земного шара,— немедленно заводят местную валюту, жестко ориентированную на фунт стерлингов. На каком-нибудь островке Тихого океана и по сей день действуют ими введенные тугрики; один тугрик равен одному фунту. В английском банке лежат эти фунты, обеспечивающие тугрики, и приносят проценты — очень выгодно островному государству. А его национальная валюта тверда ровно настолько же, насколько и фунт, если, конечно, не набезобразничают с эмиссией. И у нас был такой твердый рубль, обеспеченный фунтом, в английской оккупационной зоне в 1918 году. Так вот, вся торговля, все финансовые операции с этими тугриками, за которыми стоят фунты, ориентированы на Англию, хотя она и далеко.

Итак, перед приходом кабинета Гайдара у нас сложилась типичная многовалютная система, и каждая валюта обслуживала свой рынок. На первом месте, конечно же, стоял бартер.

— Все-таки я не понимаю, почему бартерная экономика приводит вас в такой восторг. Сколько раз против нее выступали!

— А вы обратили внимание, кто? Прежде всего и громче всех — представители военно-промышленного комплекса. Танки, понимаете ли, никому не нужны, ими производство не поддержишь, их не наденешь, не съешь. Бартерная экономика — естественная, она возвращает товарам их подлинную потребительскую ценность. Во время расцвета бартера производство наиболее ходовых товаров даже росло. На рынок выкинули на 10 процентов больше холодильников, на 14 процентов больше цветных телевизоров, чем в предыдущем году,— ничего, и комплектующие нашлись, и связи все работали, несмотря на политические неурядицы. Но именно бартер нанес первый мощный удар по ВПК.

Не надо мне приписывать полный восторг по поводу бартера — его недостатки очевидны. Но оцените же и его достоинства, главнейшие из которых — нормализация экономических ценностей и экономических отношений, явное тяготение к стабильности и ориентации не на спад, а на подъем производства.

Вторым по значимости был, пожалуй, рынок административных услуг.

— Осколки административно-командной системы еще играли какую-то роль?

— Нет, какие там команды, кто их слушать будет — я же говорю: услуг. Кое-что Центру предприятия все-таки выделяли, можно сказать, на добровольных началах, так что какие-то фонды у Центра оставались, и он ими мог распоряжаться. Но главное не в этом. Ходили по старым, протоптанным тропкам, несли, как и прежде, секретарше духи французские, чиновнику подношение — прежде всего за информацию и связи. Связи у центральных ведомств колоссальные, десятилетиями накопленные, а этому товару цены нет. И если чиновник из Центра что-нибудь у директора попросит — не прикажет, а именно попросит, давно уже так,— директор постарается выполнить. Пригодится воды напиться..

Ну и, наконец, валютный рынок: рубли, доллары.

— Но такая «многовалютность», включая странствующие цистерны с нефтью и кирпич,— это же ненормально?

— Кто вам сказал? Вот Хаек, например, уверен, что это самое нормальное состояние экономики.

Почему туфель должно быть много, а деньги — одни?

— Действительно, почему? Если деньги — такой же товар, как и любой другой, то одна валюта на всю экономику страны — это типичный монополизм. И монополист в таком случае хорошо известен — государство.

— Извините, но так обстоят дела во всех цивилизованных странах: в США торгуют только на доллары, в Англии — на фунты, в Германии — на марки. И ничего, живут неплохо при таком зловещем монополизме.

— Да, именно так обстоят дела, и именно против этого выступает Хаек. Целую книгу написал — «Денационализация денег». Он в ней верен себе — последовательнейший либерал. Его логика проста: экономика нормально функционирует только в условиях конкуренции и свободных цен, потому что лишь свободные цены несут подлинно объективную информацию о процессах, идущих в экономике, и порождают адекватные реакции на них. Если же в ход этих, лишь на поверхностный взгляд хаотичных процессов вмешивается человек со своей волей, своими целями и интересами, картина немедленно искажается, в любой момент все может пойти наперекосяк. Справедливость этого тезиса давно принята применительно к любому рынку — товаров, рабочей силы, земли и так далее. И только для рынка денег почему-то делается исключение.

Валюты совершенно неравноправны на любом национальном рынке. Своей собственной валюте всегда делаются поблажки, для нее создают привилегии, ее поощряют, вынуждая пользоваться ею, даже если она исключительно слаба и не конвертируется почти ни во что — ни в другую валюту, ни в достаточное количество хороших товаров. Например, в любой стране мира налоги, судебные из-

держки можно оплатить только в национальной валюте. Во всем мире запрещена частная эмиссионная деятельность. А почему, собстаенно, если деньги — товар?

Государство, как и любой производитель тоаара, отвечает передо мной за твердость своих денег, раз я их взял в руки. Но оно может наплевать на эту свою обязанность и увлечься социальной защитой, военными расходами или еще какой-нибудь чисто политической задачей и допустить падение своей валюты по отношению к другим.

Надо сказать, все на свете государства по отношению к своей валюте — немножечко социалистические. В их финансовой стратегии обязательно присутствуют политические соображения и порой берут верх над экономическими. Даже в Америке, которая гордится своей приверженностью свободному рынку, финансоаая политика накануне президентских выборов всегда сильно отличается от того, что делается в этой сфере после выборов: принимаемые решения и для американского правительства делятся иа «популярные» и «непопулярные», и накануне выборов это становится важнее экономической целесообразности. Но так вести себя может только монополист, избавленный от всякой конкуренции.

Там, где нет конкуренции, решения принимает чиновник, в лучшем случае — классный специалист, в самом лучшем случае — чуждый политическим страстям и не поддающийся давлению никаких лобби. И все же это всего лишь человек, он может ошибаться. Мне кажется, самые крупные ляпы с самыми трагическими последствиями может допустить именно классный специалист. Посредственность делает множество мелких ошибок, они могут как-то уравновесить друг друга, да и живое течение процессов пробьется через непоследовательную, некомпетентную, не уверенную в себе политику. Классный спец уверен в себе, жестко держит в руках ситуацию, ошибается действительно редко, но зато уж катастрофически. Между прочим, Милтон Фридман уверен, что Великая депрессия в Америке началась из-за ошибки федеральной резервной системы, которая неправильно поняла импульсы, идущие от рынка. Относительно случайное колебание цен эксперты восприняли как начало инфляции, стали сжимать денежную массу. Производство реагировало спадом; если бы государственным финансистам хватило силы воли оставить все, как есть, начался бы просто очередной кризис; но они спохватились, осознали свою первоначальную ошибку и начали срочно эмитировать массу денег, когда этого уже не нужно было делать. Тогда-то кризис стал катастрофой. Ошибки в принципе неизбежны, но в условиях свободного рынка они переносятся куда легче.

Кошелек и композиция — В. Бреля.

— «Социалистичность» вы понимаете как склонность к планированию и управлению естественными процессами, которые лучше идут в режиме самоорганизации?

— Хаек так понимает социализм, и это действительно главное в социалистической экономике.

— А вам не кажется, что, доведенный до крайности, этот тезис просто теряет смысл? Например, все знают, что любое государство пользуется насилием как инструментом управления. Все, кроме патологических типов, не любят насилие. Но мы не можем на этом основании отказаться от государства как способа организации жизни общества. Мы можем стремиться к минимизации насилия, смягчению его форм; мы можем отречься от него в своей личной жизни; но вообще отказаться от государства — это же ненаучная фантастика. Пока, по крайней мере.

— Вы уверены, что моновалютность настолько же неизбежна? Хаек так не считает. Да, честно говоря, в чистом виде моновалютности и нет. Нигде нет.

Смотрите: американец покупает авиабилет. Он может пользоваться услугами разных авиакомпаний. Одна, чтобы завлечь его, подарит ему в самолете сумку. Другая — тапочки. Третья — майку. Во всех случаях он заплатил, положим, одну и ту же сумму долларов, но в каждом случае его доллары — одни и те же — равны разной сумме благ. Американцы, расплачиваясь, пользуются кредитными карточками — и банки, их выпускающие, соревнуются между собой, прибавляя к своим кредиткам еще нечто: дополнительную услугу, удобство обслуживания. Опять получается, что один и тот же доллар не равен сам себе.

Хаек предложил разрешать всем желающим печатать свои деньги. Под любое обеспечение устраивать эмиссию своей валюты, если хочется. И конкурировать на многовалютном рынке. Хотите пользоваться уральскими франками? Пожалуйста. И они «пойдут», если за ними будет что-то реальное: золото, твердая валюта, дефицитные товары. Я уверен, что лучше всего «пошли бы» производственные деньги. Лучше, чем доллары, потому что в открывающейся экономике курс доллара сильно смещается. Вы, положим, зарабатываете в день полтора доллара, а бутылка кефира будет стоить пять — как у них там, на Западе. Этот перекос делает доллар нестабильным на внутреннем рынке. Но зато его явно предпочтут те, кто занят операциями на внешнем рынке. Ну и пусть, пусть каждый пользуется той валютой, которой больше доверяет и которая ему удобнее. Каждая российская область начнет свою эмиссию и выкинет на рынок кучу обесцененных бумажек? Так кто их брать будет? Вот вам и узда на государственную эмиссию.

Не навреди!

— Но все это прямо перпендикулярно политике кабинета Гайдара. Вы считаете ее просто некомпетентной?

— Ни в коем случае. Они — профессионалы высокого класса, это несомненно. Мне не близок их подход — вот в чем дело.

Они стремятся поступать, как написано в учебниках, и могут уклоняться от общепризнанной схемы только под сильным давлением. Запад их понимает и приветствует, потому что исповедует ту же схему. Она апробирована на практике: почти все страны, шедшие от своих командных систем к рынку, шли тем же путем.

— Так в чем же дело?

— Если вы захотите выпускать автомобили и будете решать, какого именно типа машина завоюет рынок,— как вы поступите? Поедете в Америку, встанете на шоссе и начнете подсчитывать, какая машина мелькает чаще всего? Ее и будете производить? Тогда вы обречены на отставание. Но мы же в экономической политике именно так и делаем.

— Слушайте, а может, хватит экспериментов? Мы все-таки не кастрюли нового типа производим, а всю жизнь перестраиваем, тут осторожность становится условием выживания. А осторожный человек всегда предпочтет нечто тысячу раз проверенное, какой-нибудь бабушкин рецепт, вашей яркой новомодной теории.

— Так ведь и я о том же. Была живая экономика, шли в ней по своим собственным законам сложные процессы, рождался рынок. И деньги занимали на этом рынке очень скромное место, обслуживали довольно узкий его сегмент. Мы решили все остальные сегменты задавить, все другие виды обмена вытеснить наличным рублем. Все перетерпеть: спад производства, прекращение производственных инвестиций — ради рубля, ради схемы. Так рубль для экономики или экономика для рубля?

Гайдара часто упрекают в том, что он начал укрепление финансов, не проведя полную приватизацию, не пройдя через этап стабилизации. Это, по-моему, чисто схоластический спор, все три аспекта взаимосвязаны, влияют друг на друга, и очередность не имеет особого значения. Лучше всего бы, конечно, осуществлять все одновременно, но так ни у кого не получается.

Мое возражение в другом. Принципу оптимальной схемы я предпочитаю принцип «Не навреди!». Вы вот возражаете против очередного эксперимента потому, что он предполагает некое насилие над жизнью. Правильно. И эксперимент по вытеснению всех форм обмена налично-денежной — тоже. Это ведь не шоковая терапия, это шоковая хирургия: надо отсечь громадный кусок живой экономической ткани. Живой, развивавшейся, нас кормившей. Исключительно ради того, чтобы у нас было, «как у людей».

— Знаете, иначе Международный валютный фонд нам денег не даст и долги не заморозит.

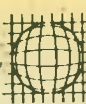
— А и Бог с ним, с МВФ. Чилийцам никто не помогал за то, что у них царила диктатура Пиночета. Чилийские экономисты считают, что им в этом крупно повезло. Ни на кого не надеялись, ни под кого себя не ломали, сами встали на ноги.

Я не думаю, что вся стратегия кабинета Гайдара продиктована жаждой получить деньги МВФ. Это было бы непрофессионально. Я полагаю, они хотят использовать поддержку МВФ для реализации своей программы. Другой акцент. Но сама программа все-таки инженерная.

Вы говорите, я призываю перестроить жизнь «по Хаеку». Но она сама так шла — смешно сказать, почти «по Хаеку». Была же реальная многовалютность. Была конкуренция валют: один предпочитал доллары, другой — лес, третий — расписки на получение кирпича. Рубль в этой конкуренции проигрывал. Можно было постепенно возвращать ему доверие, наполнять его товарами, поставить за ним те же доллары,— возможно, он укрепил бы свои позиции. Если же нет,— значит, его сфера совсем съежилась бы, а сфера другой валюты, хотя бы тех же производственных денег, росла. И главное — это бы ничему не мешало.

Все-таки лучший принцип — «Не навреди!»

Беседу вела И. ПРУСС

ВО ВСЕМ МИРЕ

Прерии не должны исчезнуть

Благодаря усилиям Организации по охране природы США часть прежней американской природы будет восстановлена в виде Оклахомской прерии. Когда программа создания национального заповедника прерий с высокой травой потерпела недавно крах в конгрессе, Организация по охране природы приобрела в округе Осэдж ранчо «Бернард» площадью около трех тысяч акров, чтобы положить начало заповеднику, который будет принадлежать этой организации и находиться в ее ведении.

После того как земля в течение трех лет «отдохнет» от выпаса скота, Организация по охране природы планирует засеять ее всеми видами растений, характерными для прерии, и завести там стадо бизонов, которые, как известно, играют важную роль в поддержании природного баланса прерии.

Заповедник должен обеспечить места обитания для редких растений и животных, служить уникальной территорией для проведения научных исследований и позволить будущим поколениям воочию увидеть прерию такой, какой она была два столетия назад.

Дружба металла и керамики

Уже несколько лет в Японии проводятся успешные опыты по замене металлов керамикой. Одно было плохо: никак не удавалось создать прочные соединения металлических деталей с керамическими. Но недавно там была разработана технология соединения деталей из нитрида кремния с металлами. Прочность на разрыв получилась отличная: сорок килограммов на квадратный миллиметр — значительно выше, чем у металлов, соединенных электросваркой, где прочность на разрыв не превышает тридцати килограммов на квадратный миллиметр. Кроме того, новая технология дешева и допускает изготовление керамических деталей с сложной геометрией, что при обычных процессах было недостижимо.

А. Модильяни. Портрет молодой девушки.

Фото Д. Лоллобриджиды. «Три портрета моего сына, сделанные с помощью фотоаппарата и сангины».

«И невозможное возможно...»

Е. Тимрот,

кандидат технических наук

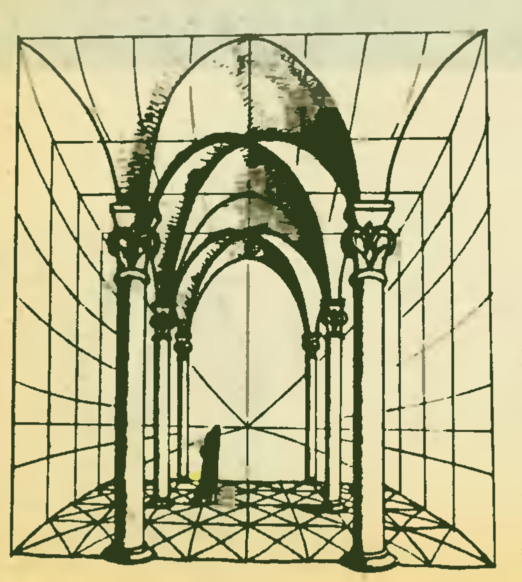
В журнале «Знание — сила» (1987 год, № 1) была опубликована статья академика Б. В. Раушенбаха «Некоторые психологические аспекты космонавтики и эстетики». Статья интересна и увлекательна. Для преемственности приведу несколько выдержек: «...поскольку невозможно отобразить пространство на плоскости экрана, то «невозможно» и то, что делают художники...» «Не существует никакой геометрической системы... которая передала бы зрительное восприятие неискаженным. Всякое изображение несет искажение». «Художник должен... вносить в картину искажения против зрительного восприятия». «Можно выбирать, в зависимости от решаемых художником задач, типы искажений». «Фотография сильнейшим образом искажает соотношение масштабов переднего и глубоких планов».

Художники, как известно, обладают особым, специфически острым, своеобразным восприятием мира. Из многих рассмотренных в статье систем перспективы для художников практически важными оказались три системы. Все они научно обоснованы и математически точны. Как отмечалось выше, адекватное изображение мира на плоскости невозможно. Ошибки неизбежны, и вопрос только в том, как их распределить, что в данной композиции художник считает главным.

В общей теории перспективы приведены формулы, по которым расчетным путем можно создать изображения пространственных сеток разных систем перспективы. Пользуясь ими, можно изображать перспективы архитектуры (интерьеров и экстерьеров) и другое. Вариабельность сеток очень велика.

В Московском художественном институте имени В. И. Сурикова были созданы сетки трех систем перспективы — для решения стоящих перед художником задач и в зависимости от его настроения. Все три сетки представляют собой изображения одного и того же «интерьера», построенные с одной точки зрения, сильно отличающиеся друг от друга.

В первом случае горизонтальные плоскости изображаются верно, ошибки «падают» на стены: они сжаты по глубине и вытянуты по высоте. Колонны и фигуры — удлиненны. Некоторые художники пользуются этой системой интуитивно, ибо она отвечает их внутреннему состоянию: Эль Греко и многие византийские и русские иконописцы при изображении в рост

Первый вариант сетки

---

* Б. В. Раушенбах. Системы перспективы в изобразительном искусстве: общая теория перспективы. Москва, «Наука», 1986 год.

П. Дельво.
«Экзамен».

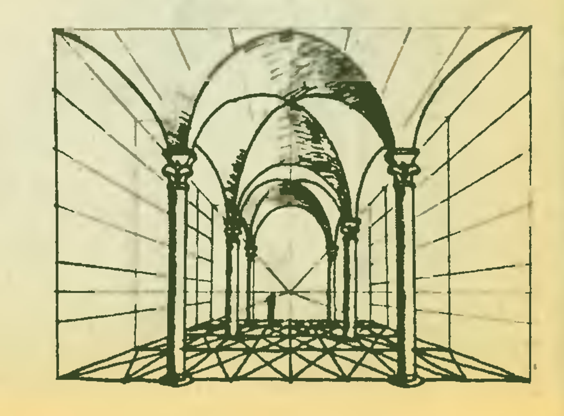
А. Гольбейн.
«Портрет молодого человека».

фигур ангелов и святых. Можно сказать, что у художника в этом случае возвышенное состояние.

Во втором случае практически верно изображаются стены, а горизонтальные плоскости сжаты. В этой системе интуитивно работали художники Ренессанса, передвижники и другие.

Третий вариант сетки — обычная линейная перспектива, «бытующая» в искусстве последние 500 лет. Ошибки здесь в основном относятся к изображению глубин, нарушению соотношений между передним и задним планами.

На иллюстрациях показаны студенческие работы, дающие три варианта перспективы одного и того же крестового свода, построенных с одной и той же точки зрения (рисунок пространственных сеток, с помощью которых строились изображения, просматривается). Это — первое практическое применение общей теории перспективы академика Б. В. Раушенбаха.

Третий вариант сетки

Второй вариант сетки

Вот кто делает погоду на планете! ●
Магнитная разведка газовых пластов ●
Берегитесь синергетики! ●

Мировой океан остывает. Получив тепло солнечных лучей и передав его вглубь, кое-что он возвращает в атмосферу, нагревая воздух своим дыханием. Закономерности этого теплообмена очень сложны и с трудом поддаются моделированию и прогнозированию. А ведь без них никак не понять причин формирования погоды и климата в целом. Ясно во всяком случае одно — теплоперенос идет через границу раздела вода — воздух и от ее состояния, пожалуй, зависит все остальное. Что же это за граница? В спокойную погоду она являет собой пленку в полмиллиметра толщиной, населенную массой живых существ — нейстоном. Не участвуют ли они в том самом глобальном теплообмене, от которого, оказывается, так сильно зависим все мы?

Эту гипотезу подвергли экспериментальной проверке в красноярском Институте биофизики СО РАН. Моделью океана здесь послужили ствканчики с водой, а моделью нейстона — ветвистоусые рачки, заурядные микроскопические обитатели поверхностной пленки в стоячих водоемах. Три десятка рачков в стакане очень скоро успокоились и сосредоточились у поверхности. Опыт заключался в измерении температуры воды в пленке и в «толще» воды, расположенной на глубине в два сантиметра. Пленка была, естественно, холоднее «глубинной» воды во всех случаях нв градус с лишним. Но присутствие рачков почему-то сразу понизило обе температуры. Как полагают ученые, дело здесь в том, что организмы, будучи подвижными, создают в пленке биотурбулентности, то есть завихрения, что приводит к уменьшению толщины пленки, а значит — и к усилению теплоотдачи из воды в воздух. Да намного ли? По численным оценкам, вктивность рачков усилила поток тепла из воды в воздух почти на четверть по сравнению с контролем — просто стаканчиком с водой. Значит ли это, что и в масштабах Мирового океана погода и климат в той же степени определяются живым населением тончайшей поверхностной пленки?

Природный газ метан обычно сопутствует нефтяным залежам, но иногда встречается и сам по себе. Это бывает в случаях, когда он образуется в морской воде и ниже, в толще донных осадков. Как показывают исследования новосибирских ученых из Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН, весь метвн, рождающийся в море, есть результат деятельности бактерий.

Эти микроскопические существа, а их тут до семнадцати видов, испокон веков живут в морских отложениях ила. Здесь они используют массы пылинок гидрата железа — практически частиц ржавчины, молекулы которого, переходя из одной химической формы в другую, выделяют свободный водород. Бактерии дышат им, а еще и углекислым газом. Их организм неплохо переваривает эту эфемерную пищу, синтезирует необходимый белок, а «выдыхает» ненужный метан. Вот откуда берется этот газ в воде, где никаких других углеводородов из-за физико-химических условий не образуется.

Но самое интересное происходит потом. Использованная микробами ржавчина слеживается постепенно в большие пласты минерала магнетита. Более того, похоже, что вся область подводного накопления природного газа оказывается словно заключенной в магнетитовые границы. А их, в свою очередь, легко можно было бы обнаружить с корабля при помощи магнитного компвса. Отсюда и напрашивается идея нового геологоразведочного решения — нет ли здесь перспективы поиска подводных залежей и скоплений газа с помощью обычной магнитной стрелки? Ответ на него дадут, видимо, исследования в условиях морских экспедиций.

Все газы подаются по трубам «куда надо». Трубы прочные и, если нет в них щелей, утечки быть не должно. Разумеется, прочность трубы рассчитана на определенные условия давления газа и при их соблюдении она гарантируется. Так, да не совсем так, отчего стоит насторожиться газовикам-эксплуатационникам.

Еще основатель синергетики германский физик Г. Хакен предупреждал: в любых однородных движущихся газах возможны самопроизвольные уплотнения — пульсации. А для сверхзвуковых потоков характерен целый «букет» таких упорядоченных макроскопических пространственно-временных структур. Вот их-то в последнее время интенсивно исследуют физики из подмосковного города Калининграда. Результвтом проведенных там работ может быть и ответ на вопрос, насколько опасны все эти эффекты. Да, более чем опасны. Например, в одном из опытов по прочной стеклянной трубке пропускали смесь водорода и кислорода со сверхзвуковой скоростью, но при «приемлемом» давлении. Однако самоорганизация газовых частиц в пульсации вызывала неожиданные скачки давления, когда оно внезапно возрастало в десятки раз и трубка разлеталась на мелкие осколки. Хорошо, что ученые были к этому готовы — заранее обклеили трубку липкой лентой и заключили в изолированную камеру, иначе бы не миновать беды. В другом опыте смесь ацетилена с кислородом также начала генерировать «скачки уплотнения», где давление подскакивало уже в сотни раз, и трубы разлетались вдребезги.

Твкой феномен, делают вывод исследователи, следует учитывать в практике при проектировании разнообразных промышленных установок, там, где могут возникать сверхзвуковые газовые потоки.

● **Не топите печь седуксеном!**
● **Токсичные металлы нейтрализуются витаминами!**
● **Когда физики-ядерщики считают деньги**

Говорят, однажды Д. И. Менделеев, глядя, как в топке сжигают горючие ископаемые, якобы сказал, что с таким же успехом можно печь топить и ассигнациями... Это сравнение невольно вспоминается при знакомстве с работвми химиков из Уфы. Здесь, в Институте химии Башкирского научного центра РАН, проверяли возможную биологическую активность различных хинонов — продуктов переработки угля и нефти. Вещества эти известны больше как красители, а одно из них — гидрохинон — еще и как реактив в фотографической лаборатории. Ученые в своих опытах перебрали множество разных хинонов, отбраковывая те из них, которые имели высокую токсичность. Вполне безопасными в этом смысле оказались восемь соединений. Вот их-то и стали далее испытывать в малых дозах на белых мышах и крысах.

В экспериментах животным вначале вводили растворы новых препаратов, а затем следили за изменениями в поведении. В результате выяснилось, что все вещества имеют выраженное психотропное действие. По характеру влияния среди них нашлись аналоги анальгина, седуксена, галоперидола. Четыре препарата были отнесены к транквилизаторам, два — к антидепрессантам, еще два оказалнсь способными вызывать гипотермический эффект. По степени воздействия на организм все они были заметно более сильными, чем соответствующие им известные лекарства. Кроме психотропного, некоторые из соединений могли оказывать противорвотное и противовоспалительное действие, продлевали или сокращали сон, вызываемый обычными снотворными.

Так что простое сжигание в печах и топках горючих ископаемых выглядит действительно расточительным.

В незначительных количествах молибден обязательно присутствует в организме животных. Он входит в состав ДНК — основу генетического аппарата, в различные ферменты, участвует в окислительно - восстановительных процессах. Отсюда — весьма болезненное отношение организма к недостатку либо избытку этого тяжелого металла в окружающей среде. А там как раз очень часто наблюдается не только переизбыток, но даже прямое загрязнение соединениями металлов, особенно в промышленных районах с металлургической промышленностью. Как отражается это ненужное молибденовое изобилие на генетической системе организма? Оказывается, очень плохо.

Таков вывод из исследований, выполненных в Северо-Осетинском государственном университете в городе Владикавказе. В опытвх ученых соединения металла добавляли в пищу — сахарный сироп — плодовым мушкам дрозофилам, известным в роли постоянной и завзятой жертвы в генетических опытах. После твкой пищи у нвсекомых уменьшалась выживаемость, а в половых клетках, видимых в микроскоп, появились многочисленные нарушения. Попробовав отравленной пищи, мушки массами вымирали, причем в большей степени это касалось самок и новорожденного потомства. Но вот интересный феномен — если до пищевой токсикации мушек некоторое время кормили витамином С, то у них количество генетических дефектов оказывалось вдвое меньшим, чем у остальной массы отравленных животных.

Похоже, витаминная терапия может в значительной мере компенсировать избыток в организме тяжелого и весьма токсичного молибдена.

Для «разжигания» термоядерной смеси предполагается использовать мощные лазеры. Поскольку от них требуется создавать ежесекундные импульсы с энергией излучения в миллионы джоулей, они должны обойтись очень дорого — стоимость промышленного образца может превысить миллиард долларов. Вот почему их пока только проектируют. Но одновременно идет поиск других, более дешевых вариантов и принципов создания мощных лазерных импульсов.

Один из таких проектов разрабатывают совместно в Физическом институте имени П. Н. Лебедева РАН и в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова. Поставив задачу создать исследовательский лазер, без необходимости его немедленного включения в термоядерный синтез, ученые ограничили его «скорострельность» всего одним импульсом в час, что заметно удешевило всю конструкцию. В упрощенном виде новая модель представляет собой химический лазер — длинную трубку, наполненную рабочим телом и некой добавкой. Добавка в свою очередь отличается тем, что резонансно поглощает свет на той же частоте, на которой работает входной обычный маломощный лазер. Он подключается к торцу трубки и имеет мощность не более тысячи джоулей. При его включении световой луч проникает в трубку, разрушает ближний объем добавки, а продукты разрушения начинают цепную реакцию наквчки молекул рабочего вещества трубки. Дальше постепенно в этот процесс вовлекаются последующие объемы добавки, возникает бегущая волна «самоинициации», причем скорость ее фронта близка к световой. Запускающий генератор — лазер на входе — свое дело уже сделал, и дальше процесс генерации мощного импульса идет без него, поскольку теперь сам себя поддерживает. Характерно, что таких трубок можно состыковать несколько, и мощность луча на выходе возрастет.

Вещество добавки и технические характеристики всей системы еще требуют своей доработки.

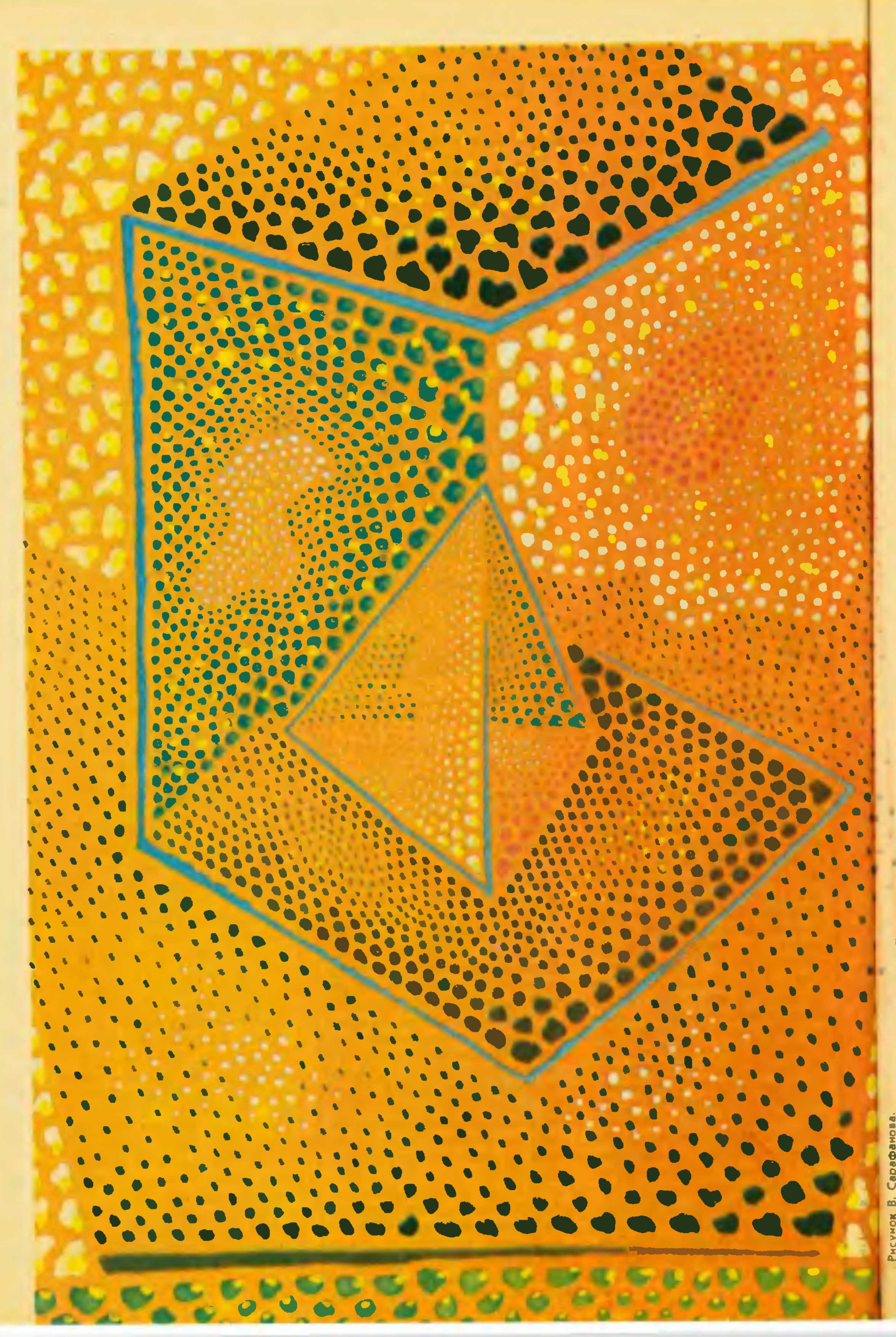

Рисунок В. Серафанова.

«Настоящая» или «дешевая» — эти слова первыми приходят на ум, когда заговаривают о сенсации. Публикуя статью В. Труфанова, редакция испытывает двойственное чувство. Нимало не сомневаясь в ее содержании,— конечно, сенсация! — мы понимаем, что подходящий эпитет читатель вправе выбирать сам. Ведь о самом главном в своих исследованиях автор так и не сообщает. Почему?
Ответ, надеемся, читатель найдет при чтении.

БЕСЕДЫ О ТЕХНИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ

В. Труфанов

Сплавы с заданными свойствами? Их пока нет

1
Интуиция здесь фигурирует не случайно. Выявить математические закономерности самого явления никому не удавалось. Все понимали, что при превращении кристалла в иной кристалл изменение его структуры выступает причиной скачка свойств. Но как количественно связаны эти феномены? В поисках ответа прошла жизнь нескольких поколений исследователей. Проблема за давностью лет постепенно забывалась. А пока сошлись на одном: свойства кристалла при полиморфном превращении изменяются индивидуально закономерно для каждого конкретного вещества. Это означает, что для меди, например,

Чего не знала экспедиция Скотта

Все, о чем здесь говорится, или почти все, сегодня «проходят» в школе. И эта глава адресована тем, кто успел прочно забыть школьный курс. Как говорится, только для взрослых.

В 1912 году погибла экспедиция капитана Роберта Скотта. Покорение Южного полюса завершилось трагедией. Причины ее давно установлены: дали течь запаянные канистры с керосином, и весь керосин вытек через разгерметизированные швы. Холод забрал последние силы людей, и на обратном пути они погибли один за другим. Это тем более горько, что явление, вызвавшее трагедию, наука объяснила еще за девяносто лет до похода.

В 1822 году немецкий химик Э. Мичерлих сделал важное открытие. Наблюдая процессы кристаллизации различных веществ, ученый заметил, что сера, как и углекислый кальций, при разных условиях образует кристаллы разной формы. Именно тогда и возникло представление о полиморфизме, то есть о «многоформенности» веществ. Наконец-то стали понятны общие закономерности явления, давно знакомого людям, и в частности оловянной чумы. Так когда-то назвали загадочное изменение металла, происходившее при сильных холодах. Обычное белое олово словно заболевало на морозе и превращалось в серый рыхлый порошок.

Оказалось, способность существовать в нескольких кристаллических модификациях проявляют практически все металлы, имеющие кристаллическое строение. И переход вещества из одной кристаллической формы в другую зачастую можно вызвать незначительным охлаждением или нагревом. Самое же интересное — при таком структурном изменении резко меняются свойства кристалла.

Вот почему погибла экспедиция Скотта. Белое и серое олово различаются структурой своих кристаллов, а значит — физическими свойствами, такими, как тепловое расширение, упругость и прочие, о чем организаторы экспедиции, видимо, не знали или забыли. Из-за суровых антарктических морозов обычное белое олово превратилось в рыхлое серое. И трагедия не заставила себя ждать. Именно оловом были запаяны канистры с керосином.

Подобные примеры издавна заставляли задумываться над загадкой двух очевидных превращений — превращения кристаллической структуры и превращения свойства, и какова истинная взаимосвязь между ними. Когда прямая зависимость свойств от кристаллической структуры при полиморфных превращениях была наконец доказана и признана, в обращении утвердилось соответствующее интуитивно содержательное понятие — структурная чувствительность свойств **(1)**.

Но вот время выдвинуло новую задачу — создание сплавов с заданными свойствами. И проблема структурной чувствительности вновь напомнила о себе.

существует один набор закономерностей — по числу свойств, для олова — другой, и так практически до бесконечности...

2

Итак, что происходит с атомами различных металлов, когда они попадают в сплав? Оказывается, благодаря особому характеру связи друг с другом они вовсе не теряют прежней индивидуальности. При кристаллизации сплава из таких атомов формируется как бы особая смесь, называемая твердым раствором. Здесь каждый атом сохраняет свои прежние размеры и микроскопические свойства. Но вот что интересно: располагаются атомы в глобальной кристаллической решетке сплава не всегда так, как в чистых металлах. Перейти в естественную для чистого металла кристаллическую форму мешают атомы других компонентов, стремления которых могут быть прямо противоположными. В итоге атомы каждого химического элемента вынуждены занимать новые, характерные для данного сплава пространственные положения в соответствующих узлах кристаллической решетки. Такое явление, вполне понятно, назвали вынужденным полиморфизмом компонентов сплава.

3

Известно, что монокристаллы различных металлов обладают разными физическими свойствами: электро- и теплопроводностью, способностью деформироваться и т. д. Оказывается, что вследствие правильного расположения атомов почти все эти макроскопические свойства могут зависеть от выбранного в кристалле направления. Например, вырезав из некоторых кристаллов

Положа руку на сердце, следовало бы признать, что крылатое выражение «сплав с заданными свойствами» употребляется до сего дня больше для красного словца. Как говорится, где уж там «заданные свойства». Да какими получатся, такими и будут, хорошо, если не хуже прежних. Ведь свойства сложных по составу, то есть многокомпонентных сплавов практически невозможно предсказать, если исходить из свойств чистых компонентов. Поэтому прогноз свойств для вновь проектируемого сплава приходится давать, отталкиваясь от свойств аналога — сплава с близким химическим составом и технологией изготовления.

Предпринимая по отношению к аналогу не одну-две, а десятки и сотни попыток изменить что-нибудь в его составе или пропорциях компонентов, исходя при этом из полуэмпирических теорий, а чаще следуя интуитивным соображениям, опирающимся на индивидуальный опыт, продвигаются металлурги-разработчики к рецептуре сплава с новыми, но заранее, увы, все же не известными свойствами.

Читатель вправе спросить: при чем же тут полиморфизм, с которого началось повествование? Ответ не лежит на поверхности. Здесь уже необходимо заглянуть внутрь кристалла и увидеть его атомное строение (**2**).

Ясно, что макроскопические (совокупные) свойства компонентов в сплаве могут быть вовсе не такими, как в чистых веществах: кристаллическая-то структура здесь иная. И вот эти новые не известные разработчикам свойства компонентов уже определяют результирующее свойство сплава. Но каким образом? По какому закону?

Нет, без математики здесь явно не обойтись. Иначе структурная чувствительность свойств будет по-прежнему оставаться более интуитивным, чем научным понятием. Как тут не согласиться с Иммануилом Кантом, говорившим своим студентам, что в естественной отрасли науки присутствует истинной науки ровно столько, сколько в ней содержится математики.

Без тензоров это не объяснить

Рассчитано на людей, уже прикоснувшихся к высшему техническому образованию, а если честно,— на специалистов. Впрочем, любознательные школьники тоже почерпнут здесь уйму интересного и даже больше, чем профессионалы. А потому все это — детям до 16 лет.

Нет занятия более бессмысленного, чем попытка объяснить на пальцах высшую математику. Да это и не входит в задачу данной публикации. Скорее, наоборот, раскрывать здесь суть найденной математической закономерности вообще преждевременно, пока закон об интеллектуальной собственности не обрел в нашей стране реальной силы.

Прочитав эти строки, настоящие специалисты в лучшем случае снисходительно улыбнутся. Но никакой ошибки нет. После многолетних поисков автору настоящей статьи действительно удалось вывести математические формулы, связывающие между собой изменение структуры вещества с изменением его свойств. Сегодня работой заинтересовались фирмы Великобритании, США, Франции и другие. Говорится об этом не для похвальбы. Просто пока, к сожалению, мерилом настоящего успеха у нас остается признание за рубежом. Что же касается сути открытия, то о многом говорит подход к нему. А потому — о подходе (**3**).

Оказывается, общие тензорные закономерности выполняются независимо от физической природы какого-то свойства. Например, если для компонент тензора второго ранга найдена какая-либо математическая закономерность, то ей будут подчиняться все соразмерные тензорные свойства — тепловое расширение, электропроводность и другие. Иными словами, тензорные формулы универсальны.

Читатель, наверное, догадался, что именно с помощью формул и удалось расшифровать, как связаны изменения структуры вещества с его свойствами. А сделано это открытие на стыке двух дисциплин — теории симметрии и тензорного исчисления. И то, и другое направления успешно используются в кристаллофизике, изучающей, в частности, тензорные свойства кристаллов. Однако в силу того, что окончательное объединение двух теорий не завершено, автору этих строк и посчастливилось выйти на «неразработанное месторождение». В итоге найдено математическое доказательство существования структурной чувствительности свойств кристаллов!

Решение охватывает самые разнообразные структурно-чувствительные свойства веществ, то есть, попросту говоря, носит характер закона. Его можно трактовать как закон взаимосвязи состава, структуры и свойств кристаллов.

Что происходит после перехода к новому структурному состоянию? Выведенные формулы доказывают: новые компоненты материальных тензоров наследуют значения старых компонент по определенному, хотя и достаточно сложному алгоритму. А потому они не содержат никаких иных исходных параметров, кроме старых и новых компонент рассматриваемых материальных тензоров, а также старых и новых элементов симметрии кристалла. Ведь именно они характеризуют индивидуальные качества конкретного вещества.

Данный набор параметров минимально необходим (**4**).

Следует заметить, что структурные превращения, хотя и основной, но не единственный признак полиморфизма. Другие, не структурные факторы также влияют здесь на свойства кристаллов, изменяя характер взаимодействия между атомами. Однако выведенные формулы позволяют учесть и эти изменения. Возможно, они — единственный мостик, соединяющий математическую модель чистой, но абстрактной структурной чувствительности с более сложными и реальными физическими моделями.

Разумеется, выведенный математический закон описывает и случай вынужденного полиморфизма в сплавах. Только здесь он проявляется как закон наследования сплавом тензорных свойств своих химических компонентов.

Тверже... алмаза

Комментарии излишни. Все и всем понятно. Можно сказать, глава для семейного чтения.

Со школьной скамьи известно, что любая научная теория должна обладать предсказательной силой. Только тогда она становится настоящим **законом**, позволяющим использовать теоретические сведения на практике. И хотя истинная ценность полученного знания вовсе не обязательно измеряется немедленной практической отдачей, мы воспитаны так, что ожидаем ее фактически от любого открытия.

Да, конечно, фундаментальные исследования имеют самостоятельную ценность, послушно соглашаемся мы, но вот закон всемирного тяготения, например, позволяет еще и орбиты искусственных спутников рассчитывать. А что же здесь?..

Предвосхищая подобные вопросы, поговорим о перспективах. Хорошо известно, что свойства сложных по составу

кубики, можно наблюдать, что их ребра, бывшие первоначально одинаковыми, при нагревании удлиняются неодинаково — нагретый кубик приобретает форму спичечного коробка. В других кристаллах происходят еще большие искажения размеров и формы — кубики превращаются в наклонные призмы. Однако при охлаждении до первоначальной температуры форма и размеры кристаллов, как правило, восстанавливаются. Получается, для описания даже такого простого свойства кристалла, как тепловое расширение, одной числовой характеристики может и не хватить. В общем случае это требует девяти чисел. Обычно их записывают в определенном порядке в клеточках таблицы 3×3. Такая таблица называется «тензором второго ранга», по количеству сомножителей в произведении 3×3. Числа в ее клетках именуются «компонентами тензора второго ранга». Число 3 выражает размерность нашего пространства. Чем сложнее какое-либо свойство, тем выше его тензорная размерность, или ранг, и тем больше количество компонентов материального тензора. Интересно, что один и тот же тензорный ранг может принадлежать свойствам, совершенно разным по своей физической природе. Так, и электропроводность, и тепловое расширение — тензорные величины второго ранга. Но, конечно, это два разных материальных тензора. Одинаково у них только количество компонент, равное 3×3=9.

4

Он, по-видимому, соответствует самой древней и простой модели кристалла, в которой атомы отдельных химических элементов рассматриваются

как шарики определенного размера и сорта. В шаровой модели тот или иной тип упаковки шаров определяет тип кристаллической структуры металла. Если бы можно было разобрать кристалл на составляющие его сферические атомы, а затем снова собрать их вместе, только иначе уложив, получился бы образец того же химического состава, но с новой структурой и новыми тензорными свойствами. Это, конечно, всего лишь наглядная иллюстрация. Но, думается, она позволяет понять прямую связь свойств со структурой, которую удалось выразить с помощью найденных формул.

5

Давайте посмотрим на такие возможности оптимистически. Предположим на миг, что мы уже овладели способами, позволяющими строить кристаллы из отдельных атомов различных металлов. Если обратиться для наглядности к шаровой модели, то это равносильно укладыванию шаров известных размеров и сортов в определенном порядке, благодаря которому рождается кристаллическая структура. Ясно, что число разных кристаллов, создаваемых таким способом, будет резко возрастать по мере расширения ассортимента строительных атомов. Между тем выбор здесь далеко не маленький: в Периодической таблице химических элементов — около восьмидесяти металлов. А еще следует учесть возможность варьирования концентрацией химических компонентов да плюс к этому — различные способы размещения разных атомов в теле кристалла.

многокомпонентных сплавов во многом зависят только от технологий изготовления и обработки. И та, и другая влияют как раз на структуру материала. Для ее формирования сегодня существует широкий выбор средств, вплоть до (если верить последним сообщениям печати) манипулирования отдельными атомами при их укладке в тело кристалла (5).

В итоге возникает неразрешимая проблема выбора: ведь количество кристаллов, которые можно построить, получается просто гигантским. И все их надо изготовить и испытать. Иначе как же отсортировать наиболее подходящие? Выходит, даже при самых благоприятных условиях технологическое могущество оборачивается бессилием. Надежда перебрать все варианты выглядит чистой фантастикой.

Однако фантастическая ситуация переходит в разряд реализуемых и даже вполне заурядных благодаря вышеупомянутому закону наследования свойств. Разумеется, быстродействие современных компьютеров играет здесь не последнюю роль. Они позволяют заменить натурный эксперимент вычислительным. Для этого нужны фактические данные всего лишь нескольких калибровочных испытаний небольшого количества кристаллов. Все остальное можно перепоручить компьютеру. Неутомимо перебирая всевозможные варианты кристаллов, «мысленно» выбрасывая из начального проекта одни атомы, добавляя другие, изменяя одновременно их концентрацию и расположение, он каждый раз будет определять, как это отражается на свойствах.

Таким образом, компьютерное моделирование даст возможность разрабатывать патентоохраняемые рецептуры сплавов и, возможно, технологические «ноу хау», обеспечивающие действительно заданный «букет свойств».

Уникальность открывающейся перспективы очевидна. А потому вполне закономерно возникает вопрос о наилучших формах ее реализации.

Что же, обратимся к опыту других стран. Интересен, в частности, пример американской фирмы «Майкрософт» — признанного лидера по производству компьютерных программ. По нашим меркам, это — малое предприятие, численность основного персонала здесь около ста человек. Однако годовой оборот составляет 1,5 миллиарда долларов!

Как известно, мировое лидерство свалилось им не с неба. Впрочем, зарабатываемые деньги тоже. Фирму основали энтузиасты «под идею», передовую идею технологии программирования. Принадлежала эта мысль основателю предприятия. Другие участники вошли в дело со своими деньгами, имуществом и опытом, сумев рассмотреть в предложении блестящие перспективы. Благодаря предприимчивости, то есть расчетливому профессиональному риску и трудолюбию, люди реализовали себя. В данном примере видится образец для подражания.

Успех таких фирм мог бы, наверное, стать ответом и на другой часто звучащий вопрос — о приоритете. Видимо, настоящий приоритет — это все же не бумага с печатью, а конкретный результат, воплощающий потенциально значимую идею. Если он налицо, всякие иные споры о первенстве теряют смысл: время и жизнь все равно неуклонно уходят вперед.

Навечно ли дан нам алмаз в эталоны твердости? Или в будущем его потеснят другие кристаллы? В будущем, которое, возможно, уже стучится в наши двери?

Разумеется, наши примечания — только шутка. И мы надеемся, что статья В. Труфанова заинтересует и тех, кому она предназначена,— профессионалов.

М. Курячая

«Какая вас связала нить?»

М.-К. Чюрленис.
Сотворение мира. № VI.
Сотворение мира. № XI.

Зачем это надо?

«Все зависит от воспитания. Один сразу спрашивает, зачем нужна эта работа, другой — под конец. Но сам вопрос возникает обязательно»,— заметил как-то в разговоре со мной исследователь-теоретик. Мы дружно рассмеялись, но грустная шутка запомнилась. С тех пор я старалась никогда не задавать подобных вопросов. А в беседе о происхождении жизни он казался мне и вовсе лишним. Проблема, которой занимается доктор медицинских наук А. Д. Альтштейн, настолько глубока и серьезна, что начисто исключала ненужные разговоры. И, конечно, я не стала спрашивать: «Зачем это надо?» Спросил... сам Анатолий Давидович.

«Очень часто приходится слышать, что объяснить происхождение жизни невозможно,— сказал он.— Считается, что созданное некогда Богом или Природой, первооснова, так сказать, все это «стерто» последующей эволюцией и запрятано так глубоко, что эксперимент здесь практически невозможен. А потому нечего заниматься ерундой — изучайте то, что существует сегодня.

И тогда мы подходим к главному. Действительно, а надо ли?.. Надо ли копаться в неведомом прошлом? Какое значение имеет, как там все развивалось? Не лучше ли изучать существующие живые организмы?

Хотя такая точка зрения достаточно распространена, есть люди, которые думают по-другому. Я отношусь к их числу. Я уверен, что эти вопросы чрезвычайно важны. Как могла химическая эволюция перейти в биологическую? Как из химических веществ могла возникнуть самовоспроизводящаяся эволюционирующая генетическая система? Я считаю, что это просто необходимо понять и проверить экспериментально (хотя бы в той мере, в какой оно возможно).

Иначе мы совершенно не в состоянии объяснить, как произошли клетки и вирусы, как возник ген — основа жизни. А значит, мы лишаем эволюционное учение фундамента. Эволюционное учение лежит в основе биологии, без него современная биология — не наука. Получается, основа без основы...

Это особенно неблагоприятно сказывается при подготовке специалистов. Если мы ставим цель — воспитывать эволюционно мыслящего биолога, но не можем достаточно логично объяснить, каким образом возникает первая живая система... Я думаю, в таком случае получится биолог неполноценный.

Чтобы рождались новые идеи, новые плодотворные направления, нужно понимание начала. Если эволюционное мышление развито, то, занимаясь даже совершенно конкретными вопросами, исследователь увидит такие возможности, такие сочетания, которых не заметит другой, делающий все то же самое».

Сейчас, анализируя тот долгий наш разговор, я думаю, что последние слова в какой-то степени относятся к самому Анатолию Давидовичу. Вот как он заинтересовался проблемой Начала.

— Я занялся этим вопросом отчасти случайно,— объяснял Анатолий Давидович,— хотя сейчас все чаще прихожу к выводу, что интерес мой был предопределен. В 1979 году мне и моему другу, Николаю Вениаминовичу Каверину (мы тогда работали в Институте вирусологии), заказали статью о происхождении вирусных генетических систем. Мне досталась та часть статьи, в которой я должен был опровергнуть возможность самопроизвольного возникновения вирусов и вирусоподобных организмов из неживой природы.

Надо сказать, и по сей день господствует представление о происхождении вирусов из клеточных генов: возникли клетки, а уже потом из клеточных генов — вирусы. Мы с Николаем Вениаминовичем придерживались такого же взгляда. И мне оставалось лишь походя расправиться с совершенно, казалось бы, абсурдной идеей о том, что вирусы могут быть до клетки. Ну каждому же ясно: вирус — это внутриклеточный паразит, и сначала должна появиться клетка, а потом только вирус.

И вот, начав смотреть литературу, продумывать чисто логическую последовательность событий, я обнаружил, что у меня концы с концами не сходятся.

Любая клетка, какой бы мы ее простой ни представляли, слишком сложна, чтобы возникнуть из простых органических веществ и их полимеров. Есть несколько обязательных функций, без которых она не может существовать. А эти функции не будут воспроизводиться без генетической системы. И тогда я понял, что первое живое существо должно быть вирусоподобным. (Впрочем, подобные идеи высказывались и раньше.)

Разумеется, это не значит, что современные вирусы имеют доклеточное происхождение. Нет, сначала возникла современная клетка, а потом вирусы современного типа. Но вот **самый первый** живой организм, по-видимому, должен быть вирусоподобным, а не клеткоподобным.

В общем, я стал думать о возможном механизме, о том, как мог такой организм возникнуть, и... подошел к проблеме происхождения жизни.

— Видимо, нам надо сразу договориться о терминологии,— предложила я.— Мы будем говорить о происхождении жизни, то есть о некоем процессе. Так что же такое самое простое, самое примитивное живое существо? Какие черты характерны для **любого** живого существа? С какого момента можно считать, что перед нами не косная материя, а живой организм?

— Сегодня, пожалуй, общепринятой можно считать точку зрения Германа Меллера. Еще в середине двадцатых годов вышла его знаменитая работа «Ген как основа жизни». В ней говорилось, что возникновение жизни по сути есть процесс возникновения гена. И видимо, такой взгляд наиболее верный. Говоря о самом первом живом существе, мы все-таки должны назвать самовоспроизводящийся и эволюционирующий ген...

С химической точки зрения, гены — это нуклеиновые кислоты, которые, в свою очередь, построены из нуклеотидов. Известно, что каждый ген кодирует вполне конкретный продукт,— как правило, это белок. Информация в гене задается строго определенной последовательностью нуклеотидов. Получается, само строение гена, определенная последовательность нуклеотидов — это и есть та информация, которая потом переводится в аминокислотную последовательность белка.

И если очень кратко, то работа современной генетической системы основана на трех молекулярных генетических механизмах: репликации, транскрипции и трансляции. Репликация — процесс воспроизведения гена. Транскрипция — процесс передачи информации от гена в «белоксинтезирующую машину». Трансляция — синтез белка, закодированного геном.

И вот здесь-то кроется одна из наиболее интригующих загадок современной биологии: как же возникла такая генетическая система? Как могли все три ее механизма — репликация, транскрипция и трансляция — зародиться в неживой природе? Ведь эти сложные процессы основаны на участии сотен высокоспецифических белковых катализаторов (ферментов). Даже если представить, что какой-то из подходящих ферментов случайно возник при комбинации аминокислот (в принципе такое возможно),— это была бы одна молекула. Одна! Она же ничего не решает.

Где искать начало?

С институтской скамьи я помнила о теории Опарина, по которой жизнь зародилась в первичном бульоне, в Океане, при удачном случайном взаимодействии молекул. Готовясь к беседе, я выписала понравившееся мне сравнение, принадлежавшее астроному Фреду Хойлу. Анализируя эту теорию, он ядовито заметил, что мысль о возникновении живого в такой ситуации «столь же нелепа и неправдоподобна, как утверждение, что ураган, пронесшийся над мусорной свалкой, может привести к сборке Боинга-747».

Но Анатолий Давидович и словом не обмолвился об Океане, а сразу заговорил о механизме. Случайность? Или, подобно Хойлу, он в корне отвергает эту идею?

— Начнем по порядку,— предложил Анатолий Давидович,— с тех кирпичиков, из которых складывается генетическая система. Для ее возникновения, по-видимому, необходимы нуклеотиды, аминокислоты и жировые вещества, чтобы образовать мембраноподобные структуры. Имеющиеся научные данные позволяют считать, что все три класса веществ могли возникать в условиях абиотической Земли. И здесь очень важна концентрация таких химических соединений. Если она недостаточна, синтез более сложных веществ невозможен.

Некоторым исследователям (в том числе и мне) наиболее оптимальной кажется такая схема. Исходные органические вещества образуются в вулканах и в атмосфере во время гроз или под действием ультрафиолетовых лучей. Все соединения в конечном итоге попадают в первичный Океан. Одни вещества будут распадаться в воде, другие окажутся стабильными (азотистые основания, сахара, аминокислоты, жирные кислоты). И на протяжении многих миллионов лет они будут накапливаться в Океане.

Но сколько бы ни шел процесс аккумуляции, густой первичный бульон, по-видимому, никогда не существовал, а был всегда сильно разбавлен. Вот почему центральное место событий — вовсе не Океан. Он скорее играл роль отдела снабжения, склада, лишь поставляя необходимые компоненты. Куда? На сушу. Точнее, на узкую полоску морского берега. Там и происходила дальнейшая концентрация веществ.

Приливы чередовались с отливами, день с ночью, океанская вода высыхала, и концентрация веществ на берегу увеличивалась. Солнечная энергия (точнее, ультрафиолетовое излучение) довершала остальное. Без нее дальнейший синтез был бы невозможен. Ведь если просто смешать аминокислоты, они не будут соединяться между собой. То же самое и с нуклеотидами. Чтобы они приобрели способность к взаимодействию, обязательно надо активировать соответствующие группы аминокислот и нуклеотидов. По-видимому, основным источником активации и было ультрафиолетовое излучение.

Примерно так протекала «грубая» концентрация. Она подготавливает следующий, самый важный этап — микроконцентрацию. Смотрите — грунт обогащен активированными веществами, среди которых есть и жироподобные соединения (липиды). Он высыхает, затем снова смачивается, при этом из липидов могут возникать мембраноподобные структуры, которые самопроизвольно сворачиваются в пузырьки. Поскольку все происходит в смеси веществ, пузырек в момент образования способен захватить микрокристаллики активированных нуклеотидов. В результате в нем создается большая концентрация этих вещества. Пузырьки становятся как бы

химическими микрореакторами. И вот в них уже могут протекать процессы синтеза.

Очень важно, что здесь теперь используется чисто химическая энергия. Ультрафиолет больше не нужен. Дальше пузырьки распадаются, и процесс начинается сызнова. И так на протяжении десятков и сотен миллионов лет. В конце концов в одном из астрономического числа таких микрореакторов возникает простейший вирусоподобный организм, который будет размножаться.

Легенды и мифы современной биологии

Пузырьки в океане, узкая полоска морского берега... Слушая все это, просто невозможно было не вспомнить об Афродите. Получается, легенда о богине, родившейся из морской пены, не так уж наивна? В ответ Анатолий Давидович вежливо улыбнулся.

— Из пены рожденная?.. — задумался он.— Что ж, подобное объяснение ничем не хуже других: главное здесь не обсуждается так же, как и во многих научных гипотезах. Как самопроизвольно без ферментов могла появиться способная к репликации и трансляции генетическая основа? Основной вопрос остается за кадром. Гипотеза А. И. Опарина вообще не обсуждала этой проблемы. Другие современные гипотезы в основном сосредоточены на возникновении репликации — воспроизведении гена.

Психологически такая ситуация вполне объяснима. Процесс репликации намного проще, чем синтез белка, закодированного геном, то есть чем процесс трансляции. Известно, что при репликации против соответствующего нуклеотида ставится комплементарный ему нуклеотид (против аденина — тимин, против гуанина — цитозин). Такая комплементарная нитка будет как бы зеркальным изображением исходного гена. И с нее уже идет воспроизведение того же гена.

Сегодня доказана принципиальная возможность синтеза РНК без ферментов, надо только дать подходящую матрицу, и на ней возникнет комплементарная цепочка РНК. А теперь выяснялась совсем уж невероятная вещь: оказалось, что рибополимеры обладают ферментативной способностью! Это открытие привело научные круги в большое возбуждение. В итоге появилась довольно остроумная идея происхождения жизни: по имени «главного героя» ее называют рибозимной гипотезой. Выглядит она в общих чертах следующим образом.

На пребиотической Земле идет спонтанный синтез РНК-молекул. В результате случайного сочетания нуклеотидов возникает рибозим, способный соединять нуклеотиды в цепочку (полимеризовать их). Он естественно ускоряет процесс. Но главное, что на матрице рибозима будет синтезироваться комплементарная нить. В итоге образуется двунитевая молекула из 50—100 пар нуклеотидных остатков. И это уже — простейшая двумолекулярная генетическая система! Ведь в ней есть ген (нить РНК) и продукт гена (тоже нить РНК).

А дальше такая система будет эволюционировать и... опять главный вопрос обходится стороной. Дается объяснение репликации, а трансляция откладывается «на потом». Мол, каким-то образом в процессе эволюции позже возник и механизм трансляции. И вновь рождение генетического кода, рождение трансляции остается тайной за семью печатями.

— А транскрипция — передача информации от гена в «белок синтезирующую машину» — понятна?

— Принципиально по своей сути она не отличается от репликации. Здесь тоже образуется комплементарная цепочка нуклеотидов — информационная РНК (так ее называют, потому что она снимает информацию с матрицы гена).

Но вот третий процесс — трансляция — наиболее сложен для понимания. Точнее, механизм самой трансляции в принципе ясен. Как происходит синтез белка, закодированного геном, выяснили еще в шестидесятые годы.

Однако, если исходить из рибозимной гипотезы, возникновение генетического кода и трансляции необъяснимо. Понимаете, сейчас распространено представление о том, что живые существа рождались в два этапа. Сперва возникла репликация, молекулы нуклеиновых кислот реплицировались и самосовершенствовались, потом появились ансамбли этих молекул, а уж после на их базе каким-то образом возникла способность делать белки.

Но как?! Как это произошло? Если исходить из подобных идей, разумного объяснения мы никогда не найдем.

Куда ведут следы?

Это «как» выдавало в Анатолии Давидовиче не дилетанта, конечно, но, скажем, «человека со стороны». В таком эпитете нет ничего обидного. Вот и Томас Кун замечал, что свежий взгляд на проблему присущ именно новичкам, которые еще не слишком увязли в привычных представлениях. Искренне стараясь собрать в единое целое детали рибозимной гипотезы, А. Д. Альтштейн увидел, что целого-то как раз и нет. Впрочем, и другие исследователи тоже замечали здесь некоторые неувязки.

Вывод, к которому пришел мой собеседник, был однозначен.

— Рибозимы — очень красивое и привлекательное направление, безусловно, важное для современной биологии, — сказал он,— однако серьезного объяснения происхождению первых живых существ, и особенно генетического кода, оно не дает.

Если исходить из рибозимной гипотезы, то в ней основной принцип действия генетической системы слишком сильно отличается от современного. Но код — консервативная вещь, это не то, чем можно манипулировать совершенно свободно. Разумеется, современный код — эволюционного происхождения, эволюция внесла в него много изменений и остановилась на определенном варианте. Но все же первичный код должен быть похож, по крайней мере в главных чертах, на современный. Какой-то след должен остаться. Что-то такое, что и сейчас есть.

Что же?..

Кажется, это — начало

О научном творчестве ныне наслышаны многие. Признаемся, мы привыкли, что после бесчисленных вопросов должен последовать рассказ о ярком озарении. Вот ничего не было ясно, никак «не сходилось», и вдруг какая-то случайная (еще лучше «сумасшедшая») идея — и разом все встало на свои места.

Честно говоря, я ожидала чего-то похожего и от беседы с Анатолием Давидовичем. Однако ничего «сумасшедшего» так и не последовало. Напротив, все было настолько логично, что... Впрочем, журналистские комплименты, как правило, вызывают у специалистов снисходительную улыбку. А потому перейдем к сути.

О чем сегодня спорят исследователи? Условно говоря, о том, что было раньше — яйцо или курица. Одни считают, что рождению первой генетической системы предшествовало появление белков. Другие столь же аргументированно доказывают: сначала появилась нуклеиновая кислота. (Оба подхода пытаются преодолеть очевидную трудность: современные белки синтезируются при обязательном участии нуклеиновых кислот, а последние — при непременном вмешательстве белков.)

У многих здесь, наверное, мелькнула мысль: а почему бы не одновременно? Столь простое и естественное предположение не нашло, однако, у исследователей поддержки, хотя с подобной идеей выступал и такой замечательный генетик, как Джошуа Ледерберг. Увы, все упиралось в неразрешимый вопрос: «Как?» Как именно могли одновременно возникнуть и нуклеиновая кислота, и белок? И при этом последовательность аминокислот белка должна быть закодирована в последовательности нуклеотидов!..

Теперь, видимо, самая пора перейти к гипотезе А. Д. Альтштейна.

— Наш главный подход,— сказал он,— заключается в предположении, что ген, построенный из нуклеотидов, и полипептид, построенный из аминокислот, исходно возникают не из отдельных нуклеотидов и аминокислот, а из неких регулярных «блоков», содержащих и нуклеотиды, и аминокислоты. Такой блок — мы назвали его прогеном — был своеобразным предшественником, из которого строилась первая генетическая система.

Поясню для столь же несведущих, как я. Слово «регулярные» означает, что «блоки» берутся каждый раз не какие попало, а одинаковые, стандартные. В них нуклеотиды и аминокислоты сочетаются только строго определенным образом. Потому что иначе ничего не получится. Структура прогена играет в дальнейших событиях главную роль.

И теперь о структуре. Чтобы уяснить, насколько она важна, не надо быть специалистом. Но им необходимо быть, чтобы понять саму структуру. А потому профессионалам лучше посмотреть рисунок 1, в котором есть все подробности. Здесь же только скажу (да и то с робостью), что проген — это тринуклеотид, но не простой, на конце он имеет три фосфатные группы, последняя из которых связана с аминокислотой.

— Специфической аминокислотой,— уточняет Анатолий Давидович. И, предвосхищая мои вопросы, поясняет: — Очень важно, что аминокислота в прогене не случайна, а зависит от последовательности его нуклеотидов. Так закладывается основа генетического кода: триплет «знает» свою аминокислоту. Прогены могут соединяться между собой. При этом происходят интересные вещи: соединение тринуклеотидных частей приводит к появлению полинуклеотида, а соединение аминокислот — к об-

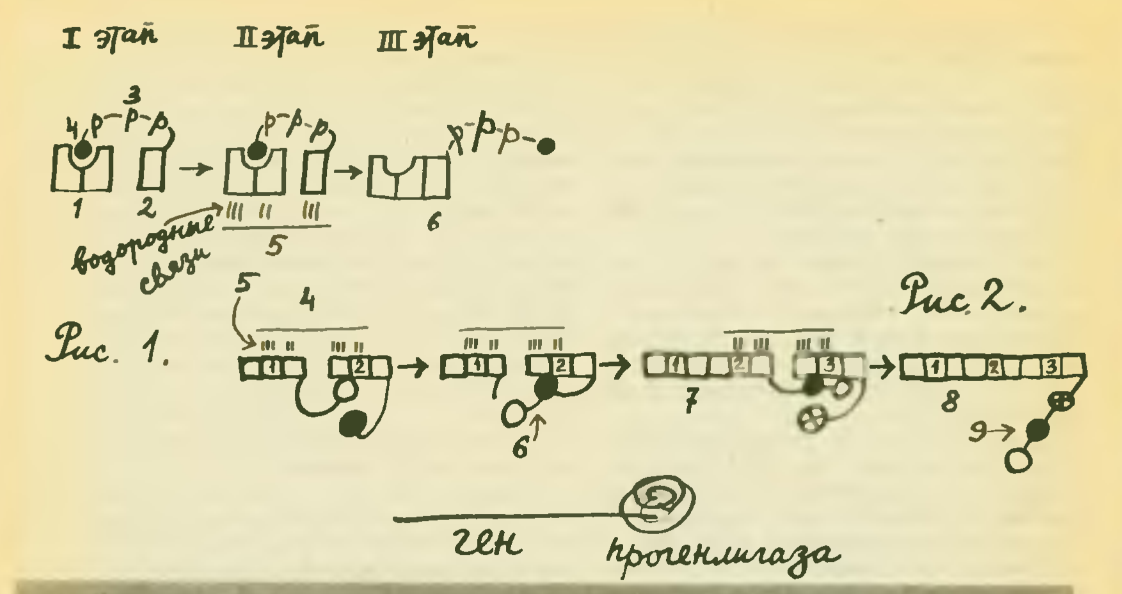

Рисунок 1. Схема образования прогена: 1 — динуклеотид; 2 — нуклеотид, имеющий трифосфатный «хвост» (3), соединенный с аминокислотой (4); 5 — олигонуклеотид; 6 — проген.

Проген образуется в три этапа. На первом этапе динуклеотид (1) объединяется с нуклеотидом (2). Во взаимодействии принимает участие аминокислота (4), расположенная на гибком трифосфатном «хвосте» (3). Чем сильнее взаимодействие, тем стабильнее образующийся временный триплет. При достаточной стабильности этого триплета наступает второй этап. Триплет связывается с комплементарным участком подходящего олигонуклеотида (5). Происходит дальнейшая стабилизация триплета и создаются условия для образования связи между вторым и третьим его нуклеотидами. На третьем этапе такая связь возникает, и в результате на свет появляется проген. Это тринуклеотид, имеющий на конце три фосфатные группы, последняя из которых связана со специфической аминокислотой. Так неслучайная аминокислота оказывается включенной в состав прогена.

Рисунок 2. Схема образования генетической системы из прогенов: 1, 2, 3 — первый, второй и третий прогены; 4 — олигонуклеотидная матрица; 5 — водородные связи; 6 — дипептид; 7 — шестичленный олигонуклеотид; 8 — девятичленный олигонуклеотид; 9 — трипептид (последовательность аминокислот соответствует порядку их прогенных триплетов). Сначала два прогена (1 и 2) объединяются друг с другом при участии аминокислоты первого прогена (1). Образуется довольно нестабильная шестерка нуклеотидов. Она перекрывается и стабилизируется олигонуклеотидной матрицей (4). При этом аминокислота второго прогена приближается к первой и между ними возникает пептидная связь. В результате образуется дипептид (6), связанный со вторым прогеном (2). Теперь благодаря дипептиду соединяются обе тройки нуклеотидов и образуется шестичленный олигонуклеотид (7) с дипептидом на конце. С помощью дипептида такой шестичленник эффективней удержит следующий проген (3), и процесс повторится.

М.-К. Чюрленис. «Соната моря. Аллегро».

разованию полипептида. (Энергия для этих процессов предусмотрена в их структуре.)

Признаюсь, я устала сопротивляться и предоставила моему собеседнику полную свободу слова. Все равно, думала я, нападок не избежать. Потому что, как ни банально это звучит, разных людей увлекают разные проблемы. И, разумеется, терпеливые объяснения Анатолия Давидовича адресованы прежде всего тем, кому это действительно интересно.

Возникшая генетическая система состоит из гена-полинуклеотида и белка-фермента, способного соединять прогены. Она самовоспроизводится за счет прогенов: их тринуклеотидная часть используется для воспроизведения полинуклеотида (репликация), а аминокислоты — для воспроизведения белка (трансляция). Прогены одновременно служат материалом для синтеза биополимеров и аналогом транспортной РНК, обеспечивающим установку каждой аминокислоты на ее «законное» место в белке. В принципе все происходит как в современных клетках, но на очень примитивном уровне.

Можно сказать, что для возникновения и существования первой генетической системы не нужно ничего, кроме прогенов и условий, в которых они образуются. Как это происходит, показано на рисунке 2.

За счет соединения двух генов и последующей изменчивости появятся организмы с двумя, затем тремя и т. д. генетическими функциями. Система способна усложняться, эволюционировать. Короче, начало биосфере положено.

— Итак, первая генетическая система строилась, по-видимому, из прогенов,— уточняю я.— А сам проген? Как он?

И здесь запинаюсь в поисках подходящего слова. Родился? Но он еще не живой, чтобы родиться. Или уже живой? Понимая, однако, что подобные рассуждения могут увести далеко от темы, спрашиваю:

— Как образовалась такая непростая структура?

И узнаю, что ответ на это и есть центральный постулат гипотезы Анатолия Давидовича Альтштейна.

Начало начала

Читатель, которого интересует только внешний ход событий, может смело пропустить эту главу. Те же, кого привлекает биология, сразу поймут: здесь — кульминация рассказа, развязка интриги. И действительно, с одной стороны, допустив существование прогенов, легко решить многие «неразрешимые» проблемы, а с другой — надо объяснить, как же предшественники могли регулярно появляться на свет.

— Если отталкиваться от структуры, что нужно для образования прогена? — рассуждал Анатолий Давидович.— Необходимы три компонента: динуклеотид, нуклеотид, соединенный с аминокислотой, а еще короткие, из трех — десяти членов, олигонуклеотиды. Считается, что все они вполне могли существовать в пребиотической природе. А теперь смотрите...

Мы снова вернулись к незамысловатому рисунку 1. Простенькая схема слегка помогла понять рассказ Анатолия Давидовича. И хотя порой казалось, что мой собеседник злоупотребляет терминологией, проще, по его словам, уже не получалось.

— Это все сегодня проходят в школе,— говорил он в оправдание.

Справедливости ради замечу, что где-то с третьего раза наконец и мне стала понятна роль аминокислоты в происходивших событиях.

Не стану уверять, что сразу же сообразила, каким должен быть следующий вопрос. Его подсказал сам Анатолий Давидович, заговорив о молекулярных моделях. Признаться, я не понимала, что же здесь еще доказывать? Разве схема образования прогена не достаточно убедительна? Как выяснилось, схема в принципе безупречна. Но одно взаимодействие, предложенное А. Д. Альтштейном, науке пока неизвестно. Речь идет о специфическом взаимодействии аминокислоты и динуклеотида. Все остальное практически доказано.

— Но специфичность — главное в вашей схеме. Как же без нее? — в растерянности спросила я.

— Примерно такой же вопрос задали мне в пущинском Институте белка, когда я рассказывал о своей идее,— улыбнулся Анатолий Давидович.— А если точнее, гипотезу критиковали именно за отсутствие доказательств этой специфичности. Обсуждение происходило на семинаре академика Спирина, и Александр Сергеевич посоветовал проверить все на молекулярных моделях. Что мы и сделали вместе с Александром Васильевичем Ефимовым в группе стереохимического анализа, которой руководит С. И. Лим.

К счастью, я знала, что такое молекулярные модели и более или менее могла понять, как шла дальнейшая работа. Молекулярные модели делаются из разных шариков, размер которых соответствует размеру конкретных атомов (точнее, размеру их ван-дер-ваальсовых радиусов). Шарики соединяются между собой под теми же углами, на таких же расстояниях (в масштабе, разумеется), как и атомы в исследуемой молекуле. На моделях удобно проверять, возможно ли взаимодействие между изучаемыми веществами.

— По нашей гипотезе,— сказал Анатолий Давидович,— в образовании прогенов участвуют динуклеотид и аминокислота. Мы складывали модели так, как того требует гипотеза, и смотрели, что получается. Как здесь может аминокислота взаимодействовать с динуклеотидом: оптимально ли взаимодействие, возникают ли нужные связи?

В результате кропотливой работы они обнаружили, какие конкретно группы динуклеотида и аминокислоты ответственны за успешное протекание процесса, какие группы предпочтительнее в том или ином случае (то есть выявили специфичность взаимодействия). И идя по этим следам, они в конце концов увидели объяснение практически всех основных черт современного генетического кода.

Здесь хочется остановиться и сделать паузу. Или сказать что-то торжественное, что-нибудь вроде: «Истина открылась им во всей красоте и совершенстве». Но никакие красивые слова не способны передать подлинную суть события. А потому удовлетворимся древним изречением: «Умному достаточно». Тем более, что сам исследователь вовсе не склонен останавливаться.

— Конечно, проверка на моделях достаточно убедительно подтвердила правильность постулата,— сказал Анатолий Давидович.— Но для большей достоверности необходим химический эксперимент — синтез самих прогенов. И здесь возникают большие сложности. Ведь я вирусолог, не химик. Наша лаборатория занимается проблемами генетики вирусов, разработкой нового типа вирусных вакцин. У нас нет необходимых профессиональных навыков для сложного химического эксперимента, нет ни необходимых материалов, ни оборудования (которое, кстати, стоит больших денег). Конечно, в Москве существуют лаборатории, в которых все это есть, но они заняты своими проблемами.

Так что эксперимент пока откладывается.

— Может быть, «заграница нам поможет»?

— Возможно.

Разговор наш подходил к концу. И я задала вопрос, который давно крутился на языке. Значит ли, что, постигнув тайну Начала, мы неизбежно приходим к мысли об отрицании Бога?

— Я все-таки думаю, что любое материалистическое объяснение происхождения жизни не противоречит идее о существовании Бога. Ведь для верующего все происходит по воле Бога и во всем проявляется божественная сила. Вот почему, когда мы обсуждаем вопросы, связанные с механизмом происхождения жизни, это не есть богоборчество. Что бы мы ни придумали, опровергнуть идею Бога никому не удастся. Однако вера в Бога не должна мешать изучению закономерностей, присущих природе. Происхождение жизни — такая же естественнонаучная проблема, как и другие, изучаемые современной наукой. Для верующих людей это будет изучение божьего промысла. Как Бог это делает? Ведь не как попало, а по определенным законам.

Об этом хорошо сказал А. К. Толстой. Задумываясь о гармонии «отдельно взятых черт всецельно дышащей природы», он спрашивал:

Какая вас связала нить
Одну другой светлей и краше?
Каким законом объяснить
Родство таинственное наше?

— Получается, вы заняты поиском нити, связавшей все сущее?

— Ну что вы. Наша задача гораздо скромнее: мы ищем всего лишь ее начало.

От редакции

Разумеется, наш рассказ дает лишь самое общее представление о работе члена-корреспондента Академии естественных наук России, заведующего лабораторией генетики вирусов Института биологии гена АН России А. Д. Альтштейна. Более подробное изложение его идей можно найти в научной литературе:

Альтштейн А. Д. Происхождение генетической системы; гипотеза прогенов. «Молекулярная биология», 1987 год, т. 21, с. 309—322.

Альтштейн А. Д., Ефимов А. В. Физико-химическая основа происхождения генетического кода: стереохимический анализ взаимодействия аминокислот и нуклеотидов на основе гипотезы прогенов. «Молекулярная биология», 1988 год, т. 22, с. 1411—1429.

●

География разорванного пространства

СССР — страна, в которой мы родились и жили, перестала существовать. Такова реальность. На его месте возникают иные страны, прокладываются новые границы. На одной шестой суши на наших глазах проступают контуры другой географической карты. Какой будет эта новая карта, какие новые экономические связи на ней прорисуются?

Такой была тема «круглого стола», собравшего в редакции ученых-экономгеографов.

В беседе приняли участие:
Аркадий АРЯНИН, кандидат экономических наук,
Юлий ЛИПЕЦ, доктор географических наук,
Борис РОДОМАН, доктор географических наук,
Леонид СМИРНЯГИН, кандидат географических наук,
Андрей ТРЕЙВИШ, кандидат географических наук.
Вела беседу сотрудница редакции
кандидат географических наук Галина ШЕВЕЛЕВА.

Г. Шевелева: — География меняется на наших глазах с такой стремительностью, что сегодня не знаешь, в какой стране ты завтра проснешься. И, естественно, меняется ее экономгеография, меняются связи, размещение производства, меняется, по сути дела, все...

А. Трейвиш: — Не так давно в журнале «Ньюсуик» была опубликована карикатура. На уроке географии американский школьник заявляет: «Уж лучше иметь дело с угрозой мирового коммунизма, чем изучать пятнадцать новых стран». Да и нам почему-то не очень хочется их изучать, хотя известны их границы, более или менее известен потенциал, природные и прочие условия. Однако нет полной уверенности в том, что именно столько независимых государств останется при развале империи, что это их окончательные границы. Поэтому нам надо бы разделить предстоящий разговор на две части: геополитическую и перспективу преобразования внутренней структуры теперь уже отдельных стран. России — в первую очередь.

Г. Шевелева: — Согласна. Делим. Но сначала, быть может, поговорим о самой науке географии?

Часть первая. Праздник географии?

Л. Смирнягин: — Ситуация парадоксальная. Мы видим — страна в кризисе, чрезвычайно тяжелое положение, а для географа — чуть ли не праздник. Потому что почти все процессы, которые тревожат страну, — наиболее тягостные процессы — почти все имеют резко выраженный пространственный характер. То есть наше время настало, время географии. Страна должна нас призвать под ружье, потому что существует социальный заказ — жгучий, злободневный, чрезвычайно важный. А что мы видим? Полная тишина в экономгеографии. Это фантастика!

Точно в такой ситуации были и историки, которые много нагрешили, и экономисты. Однако и те, и другие замаливают свои грехи изо всех сил. Мы видим их на первых полосах газет. Географы не проявляют никакой реакции, хотя, казалось бы, распад страны, позарез нужны здравые советы географа. Ну, скажем, еще недавно масса людей друг другу глотки грызли по поводу регионального хозрасчета, а географы в этом не участвовали. Фантастика! Эта тема уже отошла: возникла и прошла, и все — без нас. Так и другие. Вплоть до таких вопросов, казалось бы, частных, как вопросы конверсии, когда того и гляди целые города вымрут из-за безграмотного ведения этого процесса. Нас же это будто не касается. Прошел наш съезд в Казани в конце 1990 года, совершенно благостно выбрали новое руководство, абсолютно ничего не обсуждали по сути дела. Будто бы на дворе 1975 год! Почему?

Г. Шевелева: — Я тоже часто задаю себе подобные вопросы. Вот сейчас на первое место в мире вышла тема экологии. Наша, географическая тема получила номер один по важности. Но и географический факультет не очень-то слышен, и академический институт...

Л. Смирнягин: — Нет, вы знаете, у нас, в МГУ, есть кафедра природопользования, возникла недавно. И Институт географии много в этой области делает, но, по идее, географы должны быть здесь первее первых. Этого нет.

Фото В. Винокурова.

Я думаю, что частично это связано и с внешними обстоятельствами. Мне кажется, русский человек, русская культура в принципе довольно равнодушны к пространству, к месту, к району, к расстоянию, по сравнению со многими другими, с американцами например, даже с западноевропейцами. Русская культура довольно мало интересуется этими обстоятельствами — где, что, почему и т. д. Русский спокойно приживается и на Дальнем Востоке, и в Калининградской области. Отличить эти места друг от друга по культуре довольно трудно. У американской нации — совсем по-другому. Стоит проехать 300 километров, и вы попадаете в иную среду, принципиально иную,— там меняется все поведение человека. Я не говорю уж о Европе.

А у нас усреднение чрезвычайное. Это издревле родимое пятно нашей государственности, чрезвычайный централизм, для которого всякая географическая региональная особенность — досадное препятствие для осуществления власти: ее надо не использовать, а преодолеть прежде всего. Надо все выровнять! Поэтому практически все наши правители, включая и нынешних, абсолютно безграмотны географически и абсолютно не испытывают никакой нужды в том, чтобы стать грамотными. У нас постоянно проходили программы общенациональные, которые никак не менялись от места к месту и тем самым вырождались бог знает во что.

Б. Родоман: — Экономическая география не случайно оказалась неподготовленной как к распаду государства, так и к экологическим проблемам. География по своей природе делится на две половины — географию природы и географию человека. Человек у нас был подменен экономикой, но из экономической географии человек выпал. Уже потом его в виде населения стали пристегивать к экономике. А раз выпал человек, то выпала и его среда, потому что экология человека антропоцентрична. Человек — вот центр среды. А если человек не стал центром даже в экономической географии, то уж тем более он для географа не был объектом и центром изучения. Конечно, идеологический пресс давил на нас и наше мышление. Поэтому мы оказались так не подготовлены к новым временам. Хотя крупные географы пытались из этого вырваться: Николай Николаевич Баранский, Юлиан Глебович Саушкин пытались очеловечить экономическую географию. Но под нажимом времени она опять скатывалась к изучению одного лишь экономического пространства. В итоге и экономистов не заменила, и от географии отошла.

А. Трейвиш: — Вопросы экономической географии хоть как-то обсуждались. А вот географии политической не было вовсе. То есть практическая геополитика, не отделимая от поведения супердержавы, существовала, а теория — ни-ни. Само название этой дисциплины как заведомо реакционной было под запретом, хотя во многих странах она стала вполне серьезной, даже почтенной областью знаний. Знаний, а уж затем прямых политических действий. Но у нас ей повезло еще меньше, чем генетике и кибернетике. Так что нечего удивляться, когда теперь под этой рубрикой появляется столько благоглупостей и самых отчаянных спекуляций.

Да что говорить о специальных знаниях, если самая элементарная географическая продукция не пользуется спросом. Вот и в Белом доме, и в Российском Совмине, куда ни зайдешь, висит одна и та же карта — четырехмиллионная административная карта России либо всего бывшего Союза, где раскрашены старые административные единицы. А ведь все время происходят подвижки в их статусе, не говоря уже о горячих точках и т. д. Казалось бы, первая потребность — нанести это на карту, посмотреть, какие это площади, где расположены, что за истоки у конфликтов. И такие экспресс-карты есть. Их вручную делают мои коллеги-географы, постоянно обновляют. Но что-то не видно интереса у хозяев кабинетов...

Б. Родоман: — Географическое невежество как народа, так и наших правителей бросается в глаза. И отсутствие географической карты здесь не последняя причина. Действительно, раньше у нас карта отсутствовала, и вполне понятно, что люди забыли о ее существовании. Они перестали нуждаться в том, что редко видели, чем никогда не пользовались.

Л. Смирнягин: — Трагедия географии сегодня в том, что страна предъявила требования к познанию в пространстве внеэкономических процессов. Наши же, советские географы буквально уперлись лишь в экономгеографию. Сейчас нужен какой-то внятный анализ этнического состава, культурных особенностей в разных частях страны, политических предпочтений и прочего. Экономгеографы не имеют ответов, потому что они всю свою жизнь занимались производительными силами, размещением основных фондов и т. д.

Ю. Липец: — В тридцатых годах нашего века география, которая раньше развивалась как продолжение русской и мировой географии, была в нашей стране четвертована, то есть разрублена на четыре части. Первая часть, краеведение, была ликвидирована в двадцать восьмом — двадцать девятом годах. Картография была отправлена в НКВД, и поэтому до сих пор ни о какой культуре картографии речи быть не может, она только-только выходит из секретных подвалов. Первый реальный план Москвы появился только сейчас. А что касается физической и экономической географии, то между ними была возведена стена из-за невозможности, как тогда говорили, смешения естественных и общественных закономерностей. В физическую географию ушли люди, которые хотели заниматься географией и которых «стена» спасла от неминуемых репрессий. В экономгеографии в основном резвились партийные выходцы, либо творчески работали инженеры. Экономической географии ведь не было, как не было и нормальной экономики, была инженерная география...

А. Трейвиш: — ...которой вменялось в обязанность изучать процессы созидательные, позитивные. Отрицательные же, кризисные явления оставались за рамками внимания. Забота, например, о депрессивных старых промышленных районах, типичная для развитых стран, у нас вообще отсутствовала. Единственная попытка возродить старый район — это программа по Нечерноземью 1974 года, но там речь шла о земледельческой зоне.

Ю. Липец: — А идея о ТПК — территориально-производственных комплексах — полностью абстрагировалась от вопросов рынков сбыта и других экономических категорий.

Однако уже в шестидесятых годах появилось стремление к единству географии: во-первых, к слиянию всех четырех ее частей, во-вторых, к тому, чтобы в рамках экономической географии была география общественная. Так что перестройка нас застала в период определенного подъема, преодоления стены между географией физической и экономической. А внутри экономической географии — отход от чисто инженерных решений, с одной стороны, и переход к социальным аспектам — с другой.

Политическая география — наиболее хрупкая вещь. Сменить способ правления можно быстро. Но что касается инфраструктуры территории — всей системы электростанций, железных дорог, газо-нефтепроводов и т. д.,— то мы уже знаем на примере Армении или Украины, к чему приводит даже временное ее нарушение. Если дело дойдет до разрушения инфраструктурного каркаса, мир содрогнется.

А. Трейвиш: — Мы вот говорим, что география меняется на глазах. А собственно, что в ней меняется? Политические границы. Происходит распад огромного, формально федеративного, по сути унитарного государства. С изменением этого внешнего контура, конечно, меняется сама среда существования, меняются соседи, геополитическое положение и даже сознание. Но есть много такого, что меняется с большим трудом. Это прежде всего касается размещения производства. Особенно сейчас, при спаде экономической активности, оно быстро перестроиться не может. Со временем, конечно, что-то произойдет, о чем можно судить пока очень предположительно.

Л. Смирнягин: — Любопытно, что при этом сейчас переживает невероятный расцвет зарубежная географическая советология. Вот приехал недавно Рон Либовец из Вермонта. Он второй раз подряд выигрывает стипендию Национального научного фонда, и именно по этой теме — «География инвестиций в СССР». То есть на Западе внимание к нам огромное. Они не жалеют стипендий, чтобы человек именно этим занимался. У них статьи выходят: «География перестройки», «География конфликтов», «Что такое экономическое пространство?» и так далее. Мы, правда, слава Богу, тоже начали заниматься подобными вопросами. Но пока публикации только в широкой прессе, а не в научных работах.

Г. Шевелева: — Да, я тоже думаю, что разговоры о едином экономическом пространстве — это не пустые слова, это очень важно. А поэтому...

Часть вторая. Едино ли единое географическое пространство?

Ю. Липец: — В нашем экономическом пространстве есть два интегратора: один — экономический, другой — географический. Интегратор экономический — финансовая система. Это рубль и все связанные с ним кредитные, банковские организации и другие. Интеграторы географические — это вся инженерная инфраструктура, железные дороги бывшего СССР, трубопроводы, ЛЭП, линии связи со спутниками и так далее.

Г. Шевелева: — Сейчас общая финансовая система распадается. Почти все страны СНГ заводят собственные деньги. Значит, остается только связывающая географическая структура.

Л. Смирнягин: — Многое зависит от дальнейших решений. Если деньги будут очень жестко привязаны друг к другу по курсам, их сколько угодно может быть. Это не так страшно. Главное, чтобы они могли быть предъявлены где угодно, чтобы курс их колебался одинаково.

Ю. Липец: — В дореволюционной России в целом ряде территорий была своя валюта — в Польше, в Финляндии...

А. Трейвиш: — Мне кажется, что в этом времени — непонятном, сложном, переходном — надо различать два разных периода. Причем второй зависит от результатов первого. Первый период — кризисный, когда процессы разрушения явно превалируют над процессами созидания, формирования новых структур. Общий фон составляют экономический спад, инфляция, резкие и противоречивые действия властей.

В этих условиях трудно говорить о новой географии в конструктивном смысле. Однако какие-то пространственные закономерности — закономерности именно кризисные — имеются.

Здесь можно посмотреть на некоторые страны-аналоги. Например, на Польшу. Еще в 1981 году Анатолий Куклинский, известный польский ученый, опубликовал статью «География польского кризиса». И хлынул целый поток литературы, которая исследовала этот кризис. Он там начался со второй половины семидесятых годов, во второй половине восьмидесятых они начали выкарабкиваться. Что же произошло? Произошло выравнивание «вниз» всех районов, особенно по индикаторам потребления, которые особенно остро воспринимаются. Если раньше крупные центры выделялись на общем уровне по качеству жизни, то в ходе кризиса они сравнялись с остальными. Этому способствовал развал старой системы снабжения. Глубинка и раньше была лишена многого из того, что давали централизованные фонды, она пострадала меньше.

В Польше еще нет стабилизации на рынке труда и на рынке капиталов, нет заметного подъема экономической активности. Зато преодолен первый этап — они нормализовали потребительский рынок. Но поляки до сих пор спорят: а что стало локомотивом, вытаскивающим их хотя бы из кризиса потребления? За счет чего вышли? За счет аграрных районов? Вроде бы да, потому что там — частное сельское хозяйство, тот базис, на котором полякам было гораздо легче действовать, чем нам. Да и все связи внутри страны не были в таком ужасном состоянии. Но и в центральных городах на фоне упадка госсектора зарождались альтернативные виды деятельности, частное предпринимательство, рыночная инфраструктура. Центры служили проводниками новых элементов.

И еще из польского опыта. Тамошние географы ввели важные термины. На первый взгляд, звучит схоластически: пространство кризиса и кризис пространства. А это разные вещи. У общенационального кризиса есть свое пространство, где-то он начинается, куда-то идет, распространяется, где-то проявляется острее, где-то слабее. Но там, где безнадежно устарела структура производства, скажем, в угольно-металлургических районах, с плохой средой, с сугубо пролетарским индустриальным менталитетом,— там возможен кризис самого пространства, экономического ландшафта. Сейчас может показаться, что в Кузбассе и на Урале происходит то же, что и в Москве. Это не совсем так. Природа кризиса этих пространств и прогноз их будущего различны.

Когда мы говорим о кризисном отрезке, то рассматриваем мирные аналогии, то есть без гражданской войны, без югославского сценария, без прихода к власти темных и страшных сил. А между тем наш кризис, пока он еще не кончился, всего этого не исключает. Тогда уж и посткризисный период будет иным. Ведь если придет какой-то жесткий режим, то и он, может быть, выведет страну из кризиса, хотя бы ненадолго, а породит — мировой.

Если же переход к рынку состоится по нормальному сценарию, то тогда тоже возможны разные географические варианты. Они зависят от места страны в мировой экономике.

Останется Россия экспортером в основном лишь сырья и топлива, значит, придется отдавать все больше средств отдаленным ресурсным районам. Выручку от продажи сырья мы так и будем тратить на закупку продовольствия, которое можем производить сами. Где? Да прежде всего там, где земля плодородна, а деревня еще не опустела. То есть на юге, в черноземной зоне и особенно на предкавказских равнинах.

Композиция В. Бреля

А есть и такой, пожалуй, самый перспективный вариант. Ведь России — индустриальная страна с громадным научно-техническим потенциалом. Не хватает высоких технологий для гражданского сектора. Их надо взять у ВПК в ходе конверсии и за рубежом, причем так, чтобы использовать выгоды нашего положения между Европой, США и Японией, чтобы заставить их конкурировать на нашем рынке. Спору нет, обе задачи сложны, для их решения как минимум нужно создать этот самый внутренний рынок. Но если получится, можно будет говорить о новой экономике и о новой географии. Возродятся ведущие индустриально-технические центры, возникнут новые формы размещения производительных сил, новые районы с новыми отраслями, свободные экономические зоны и т. д.

Л. Смирнягин: — Один из главных источников резких перемен в экономической географии нашей страны — это конверсия и все, что с ней связано. Прошла однажды в газете маленькая такая информация, что в самом скором времени будут простаивать 40 процентов мощностей ВПК. Это громадные мощности. Мой бывший аспирант составил по открытым источникам характеристики 158 крупнейших военных предприятий СССР. Главные виды ракет, самолетов, вертолетов. География душераздирающа. Либо они сосредоточены в Москве и в крупнейших городах, либо в крошечных городках, где все зависит только от одного предприятия. Примерно две трети занятых в промышленности Удмуртии — это ВПК. Закройте два-три завода в каком-нибудь из северных городов Удмуртии — город вообще умрет.

А. Арянин: — В сегодняшнем кризисе я как раз вижу некоторые возможности для привлечения экономгеографов к работе экономистов. Это связано с тем, что возрастает понимание глубинного подхода к территориальным процессам. И здесь, по-видимому, у нас есть надежда на возрождение прикладной географии. Сейчас особенно трудно преобразования в размещении хозяйства превратить в преобразования размещения инвестиций. Инвестиций сейчас нет, мы находимся в глубоком финансовом кризисе. Поэтому понять, куда будут направляться инвестиции, в том числе и зарубежные, пожалуй, невозможно, пока не произойдет какое-то выравнивание финансовой ситуации. Можно лишь предвидеть, что во многих районах, вероятно, появится и разовьется как мелкая торговля, так и мелкая промышленность, требующие мало капитала. Причем это будет иметь, с одной стороны, болезненный характер — такая дезиндустриализация своего рода. Но, с другой — отчасти и здоровый. Возникнут малые вполне цивилизованные предприятия, удовлетворяющие нужды людей. Будет развиваться так называемый третичный сектор: сфера услуг, научного обслуживания — для нашей традиционно производственной географии совершенно непривычное понятие.

Мы говорим о новой географии, а не знаем и старой-то. Вот в том же ВПК было принято считать, что электроники в Сибири нет и не следует это производство там размещать. И только в 1991 году из бесед с директорами оборонных предприятий я узнаю, что в крупных сибирских центрах около сорока процентов населения занято в электронике. А этого не знали раньше даже специалисты Госплана.

В демографии также намечаются очень интересные вещи. Если бы кто-то сказал, еще лет пять назад, что в процессе освоения Севера население может там и уменьшаться, то человек рисковал быть осмеянным. А сейчас в Мурманске, в Магадане, на Сахалине местные власти уверенно утверждают: добрая половина населения здесь не нужна. Вот вам такое резкое изменение географии, которое нам и не снилось. Мы ведь были всегда так уверены в движении на север и восток! Именно в количественном движении населения. Но сейчас, когда становится очевидным, что добыча руды или топлива в суровых условиях нерентабельна, переселение на Север просто ради идеи освоения прекратится.

А. Трейвиш: — Совершенно ясно, что основные межрайонные пропорции быстро и резко меняться не могут. Но ведь численность населения — это уже устаревающий индикатор процветания или отсталости территории, ее динамизма или застойности. Мы привыкли считать, что если выросла, к примеру, доля восточных районов страны в ее населении, значит, произошел большой «прогрессивный» сдвиг. А ведь это совсем не обязательно. Скажем, в городе изменилась структура услуг высшей квалификации — науки, управления, финансовой деятельности, которая раньше у нас была в зачаточном состоянии. Это может не отразиться на численности населения, но это очень крупные качественные сдвиги.

Именно качественные преобразования в рамках старых пропорций в основном и движут территориальные структуры современного типа, а не великие стройки и переселения. Другое дело, что нужно учитывать еще и смену макроэкономических эпох. Сейчас на смену индустриальной эпохе пришла постиндустриальная. Она, как видно, принесет (уже приносит!) в мир колоссальные перемены.

Ю. Липец: — Наряду со всеми революционными сдвигами, скорее всего, резко изменятся и основные инвестиционные потоки, которые, собственно, и определят будущую экономгеографию. Этой темой, я думаю, нужно заниматься серьезно. Ведь уже идет достаточно мощный поток, состоящий из микроскопических струй частных инвестиций. Сейчас он, естественно, направлен в основном в ту часть хозяйства, которая была разрушена еще в конце 1917 года,— в розничную торговлю, в банковские, биржевые системы и прочие. То есть основной поток частных инвестиций сейчас идет в распределительную систему в широком смысле этого слова. И иностранные инвеститоры, как ни странно, тоже начинают с быта и торговли, а вовсе не с производства. Думаю, что потом они пойдут в Тенгиз, в нефтяные районы, а из производств,— скорее всего, в сборочные. Так сборочное производство уходило из Америки, Европы, Японии, и в мире появилась так называемая «желтая сборка». «Белая сборка», наверное, сейчас составляет всего лишь треть всей сборки в мире. Очевидно, наряду с «желтой» вскоре появится и утвердится «красная» сборка.

Как видится будущее, как станут взаимодействовать отрасли, чем мы заменим пресловутый министерский подход? Это очень непростой вопрос. Очевидно, возникнут фирмы, которые и будут искать место для размещения производств. При этом возрастет активная роль района. Примерно так это происходит в США, когда район как бы показывает, что у него есть незанятые люди, у него есть возможность что-то построить. Он объявляет об этом во всеуслышание. Вот такое взаимодействие, вероятно, будет основным ключом к размещению. Результаты пока предсказать трудно, но, вероятно, кризисные районы с большим числом безработных, причем квалифицированных безработных, станут определять, в каком-то смысле, будущее развитие.

В то же время нельзя недооценивать исторической централизованности в нашей стране. Скажем, после второй мировой войны и в Англии, и во Франции большая роль принадлежала государственной инициативе. У нас же — привычка впадать в крайности. Мы кричим: долой министерства, даешь полную децентрализацию! Но мне кажется, что и наши центральные власти должны «приложить руку», давать какие-то кредиты, распределять сырьевые ресурсы, исходя из централистских соображений, которые нельзя, сломя голову, откинуть. Распад империи не следует искусственно подстегивать.

Б. Родоман: — По поводу распада империи. Я хочу сказать, что этот процесс не надо сдерживать. Дело в том, что процессы интеграции — дезинтеграции, соединения — разъединения, укрупнения — разукрупнения, концентрации — деконцентрации — это цикличные маятниковые процессы, которые всегда были в природе и обществе. И видимо, мы всегда имеем дело с какими-то фазами. У нас же получается так, что как только мы видим, что маятник качается не в ту сторону, мы принимаем это за необратимое развитие и на этом маятнике повисаем, чтобы его остановить. Мы находимся в определенной фазе, и психологически это так. А если что-то сдерживать, если мешать людям что-то осуществлять, значит — глушить действия людей. От этого их фанатизм будет только возрастать. Я не знаю, почему нужно драматически относиться к переделу государства, тем более такого огромного.

Понятно, что чем больше так называемого суверенитета приобретут территориальные единицы, на которые сейчас распался СССР, тем больше они станут друг в друге нуждаться и тем сильнее потом будет интеграция. Это не значит, что эту интеграцию нужно сейчас создавать. Нужно дать довести разъединение до конца, иногда даже до абсурда. А если мы будем тормозить этот процесс, то верх возьмут силы реакционные.

Наша бывшая страна была очень велика, и, видимо, еще и поэтому трудноуправляема. Она, возможно, была управляема как система ГУЛАГа, как казарма, но вот как экономическая система она явно неуправляема. Поэтому я боюсь, что попытки сохранить такие понятия, как общее экономическое пространство, это все-таки смягченная маска той же самой идеи. Это — желание остаться все-таки империей. Империи приходит конец, нужно смириться с этим, а не продлевать ее агонию.

Наш бывший Советский Союз — это конгломерат стран в географическом смысле слова. И в этом конгломерате разные страны находятся на разных уровнях, развиваются, возможно, в разных направлениях.

Г. Шевелева: — Вот об этих-то направлениях и хотелось бы услышать.

Часть третья. Что же будет в этом пространстве?

Б. Родоман: — Что касается России, я думаю, здесь возможна реакция отторжения — слишком опостылело народу за многие годы насаждение идей сверху, и сейчас та же встреча ждет рыночные модели. Так уже было неоднократно в Африке и в Азии. Народы сопротивлялись определенной силе, идущей сверху. В этом есть большая опасность. Мне кажется, нельзя насаждать сверху реформы в каком-то едином виде, особенно для гигантской территории России.

Вот, к примеру, такие частные вопросы, как возрождение деревни, фермерства. Опять же нельзя пользоваться одной моделью для всей страны. Я бы сказал, что в Центральной России нет инфраструктуры для фермерства. Пространственное соотношение полей, лесов таково, что не создает фермерского ландшафта. Ведь ферма — это не просто надел земли. Разделили поле на участки и дома поставили. Нужно немного ручья, дороги, рощи, как это есть в Прибалтике. Там ландшафты приспособлены для фермерства. У нас об этом никто не думает — даешь фермы! И все тут.

Теперь еще говорят: надо нам возродить деревню. Что же понимают под деревней? Под деревней наши депутаты и публицисты понимают такую местность, которая занимается производством сельскохозяйственных продуктов для городов. Но ведь, скажем, центральнороссийская деревня никогда не была чисто сельскохозяйственной. Более того, она была совсем не сельскохозяйственной. Там было ремесло, в том числе фабричное. У нас ведь в селах, в Калужской области например, даже первые паровозы были выпущены. В деревне, в сельской местности! И фабрики там были, я уж не говорю о ремесленных артелях. У нас же отождествляют деревню с сельским хозяйством. Здесь есть что-то от вульгарного марксизма. Представление такое, что есть город, а есть деревня, в которой сконцентрированы крестьяне. Этого-то и до революции не было. Одни и те же люди жили в городах и в деревне. Я бы сказал, что серп и молот — это не символ двух классов, а это занятие одних и тех же людей, работающих зимой молотом, а летом — серпом. Конечно, были специалисты, которые круглый год ковали. Но таких, чтобы круглый год пахали и сеяли, — таких не было.

Л. Смирнягин: — В Соединенных Штатах сельское хозяйство занимает третье место среди занятий в сельской местности.

А. Трейвиш: — И в Венгрии две трети дохода живущие на селе получают не от сельского хозяйства.

Л. Смирнягин: — Вспомните слова Руссо, который говорил примерно так: у просвещения есть некоторая обескураживающая сторона. Просвещение разрушает сотни предрассудков, но на их место ставит десятки новых, освященных авторитетом науки. Я боюсь, что такого рода предрассудки рождаются сейчас. Рассыпание империи — вовсе не столь безоглядно позитивный процесс. Сплошь и рядом это средство игры местных политиканов, бывших большевиков, которые подхватили для себя этот лозунг. Миф о рынке чрезвычайно популярен. Рынок-де все отладит, главное — дать свободу рыночным силам. Ничего подобного, процессами необходимо руководить все равно, и от нас, географов, зависит региональная политика, государство обязано вмешиваться в ход стихийных дел, обязано иметь четкую региональную программу.

Б. Родоман: — Ну а мне кажется, надо отрешиться от представления, что кто-то умный должен составлять программы действий и решать, как жить. На мой взгляд, нужно сосредоточиться на построении такого правового государства, чтобы право позволяло сочетать экономическую свободу с единым законом. Все доверить самоорганизации. Но для самоорганизации нужно соблюдать какие-то заповеди, какие-то нормы. У нас же этого нет.

Л. Смирнягин: — Самоорганизация — не миф ли это? В любой самоорганизации есть все-таки направляющая рука. Еще один типичный миф, страшно популярный сегодня, — мировые цены. Вот пишут, что, мол, осуществляем бартер внутри страны примерно по мировым ценам. Как будто эти цены — что-то естественное! Мировые цены — исключительно искусственное образование. Подавляющее большинство стран живет в полном отрыве от них. Есть внутренняя шкала цен, присущая каждой стране. У нас безумно дешева нефть, у других очень дешев текстиль и так далее. Во внешней сфере все идет в отрыве от того, что творится в стране. Нет никакой общей системы мировых цен.

Г. Шевелева: — Но интеграция в мировое хозяйство возможна?

Л. Смирнягин: — Конечно, но это внешнеторговые дела. То, что мы выходим торговать с кем-то по мировым ценам, — ради Бога! То, что мы торгуем с Прибалтийскими странами по мировым ценам,— нормально; они отделились, они взрослые люди, живут отдельно. Но у себя внутри заводить мировые цены — это нелепость какая-то!

Г. Шевелева: — Вы считаете, что разные части страны будут развиваться и должны развиваться по-разному? Значит, мы приходим к тому, что это все-таки будет какое-то развитие порайонное, порегионное?

Л. Смирнягин: — Да, и критерии также должны быть разные. Разными для разных частей страны будут критерии благосостояния. Прогресс это или регресс — здесь могут быть также различные критерии. Они могут разниться даже в пределах отсталых или развитых частей того же Подмосковья.

Г. Шевелева: — Вот это очень важно. Потому что у нас всегда было и есть стремление все уравнять.

А. Трейвиш: — В этих наших общих или единых пространствах есть разные составляющие, которые нельзя смешивать. Одно дело — местный хозяйственный уклад, местный менталитет, местная культура. Они и раньше различались, и будут, может быть, на просторах СНГ еще сильнее различаться при нынешней дезинтеграции. А то, что пытаются страны сохранить в едином экономическом пространстве, исходит из фатальной привязанности, очень длительной, в которой существовали республики, и она не только техническая или экономическая.

Ю. Липец: — В Западной Европе пределы интеграции исчерпаны. Поэтому при всем политическом и техническом нежелании сотрудничать с нами Восточной Европе объективно будет очень трудно без восточноевропейской интеграции. Представляется мне, что и на восточноевропейском пространстве экономические реалии через пять — десять лет толкнут страны к интеграции. Тем более это относится к Прибалтике.

Г. Шевелева: — Теперь я бы хотела, чтобы вы, как на телевидении, по одной минутке, все-таки ответили на вопросы, которые стояли у нас в самом начале. Мы в результате всех наших разговоров пришли к выводу, что будут разные формы существования разных территорий, разных стран, разные формы экономической жизни. При этом они, естественно, станут между собой взаимодействовать. Но у меня вопрос: какими советами экономгеографы могли бы помочь всем, кто сейчас стремится что-то сделать? Что бы вы считали самым главным, на что следует обратить внимание?

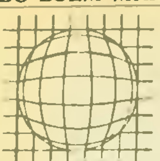
Б. Родоман: — Помочь поменьше наломать дров в области административно-территориального деления. Сейчас существуют совершенно утопические проекты, кто с кем хочет объединиться. Само понятие районирования, разделения земли на части — сугубо географическое понятие. Хотелось бы хоть в этом не наломать дров.

Л. Смирнягин: — Я бы сказал так: надо посоветовать, чего не делать. Мы не способны часто сказать, что делать. А вот что не делать! Буквально каждое крупное решение правительства должно сопровождаться каким-то рассмотрением возможных негативных региональных последствий. А не потом думать, как их погасить региональным же образом, как приспособить принятые решения к конкретной ситуации. Атомную станцию строить ли собираетесь, субсидировать ли применение удобрений — обязательно рассмотреть, как это скажется на населении. Не издавать указы, не сообразуясь с подобными вещами.

А. Арянин: — Мне хотелось бы, чтобы правительство не поддавалось соблазну образования мелких структур под маркой специфики отдельных регионов. Надо понимать, что экономическое пространство — это не нечто провозглашенное. Оно возникает потому, что в Дагестане нет карандашной фабрики, значит, дагестанцы пользуются чьими-то карандашами. И так — по миллиону названий. Вот откуда возникает экономическое пространство, а вовсе не потому, что кто-то захотел провести границы так или иначе. И еще одно конкретное пожелание. Чтобы видеть географию страны открытыми глазами, нужно в той или иной форме открыть наш военно-промышленный комплекс. Без этого сейчас никакой региональный анализ не возможен. Нет никакой структуры, которая бы рассматривала территориальный срез всей системы.

Ю. Липец: — Знать, что конкретно где происходит, и использовать всю клавиатуру региональных мер — региональные банки развития, инвестиционные проекты, вложения иностранного капитала... То есть нужно знать реальные процессы в различных частях страны и использовать всю гамму экономических, политических, культурных и прочих мер по созданию режима благоприятствования развитию региона.

А. Трейвиш: — В эпоху таких быстрых внешних, а не глубинных пока еще изменений появляется административно-преобразовательский зуд менять все самым лихорадочным, самым хаотическим образом. Но ведь от перемены административных структур ничего же не меняется. Важно менять функции, саму реальную работу. И здесь первая скрипка должна принадлежать свободному производителю. Его надо раскрепостить, по возможности лишить чиновничьей опеки, снять таможенные барьеры. Не увлекаться административно-политической перестройкой, а указать живой экономике и пути взаимодействия, и очертания разграничений. ●

Каска на все сезоны

Законодательства большинства стран обязывают мотоциклистов носить каску. Действительно, она предохраняет голову при ударе, но создает и достаточно неудобств. Вот почему итальянская фирма АГВ предлагает усовершенствованную модель, удобную для всех сезонов.

Зимой она согревает, а летом охлаждает голову, причем температуру можно выбирать по желанию. «Климатизирующие» функции каски выполняет термофор, вмонтированный внутрь. Он наполнен водой, температура которой регулируется в зависимости от внешних условий.

От розы к картофелю

Недавно австралийскому отделению калифорнийской фирмы «Калдженс» удалось создать голубую розу. Работа по выведению столь экзотичного цветка, очевидно, не слишком истощила группу биотехнологов, ибо через несколько месяцев они занялись уже картофелем, сумев так модифицировать ген, определяющий его продуктивность, что обычная численность клубней увеличилась вдвое. Теперь группа проверяет питательные качества и кулинарные характеристики нового картофеля. И если заказ на создание голубой розы был просто капризом солидной японской фирмы «Сантори», то создание нового вида кар-

тофеля можно считать выполнением планетарного заказа. Картофель выращивают в ста тридцати странах, это четвертый по важности продукт питания в мире после риса, пшеницы и кукурузы. Если полевые опыты с новым растением окажутся успешными, эффект улучшения питания человека будет заметным.

Был ли металлический водород?

В 1989 году большой интерес специалистов вызвало сообщение группы американских физиков из Института имени Карнеги, возглавляемой Дэвидом Мао, о том, что ими впервые получен водород в металлическом состоянии. В ходе эксперимента образец водорода в газовом состоянии, помещенный на алмазную «наковальню», подвергся давлениям, близким к полутора миллионам атмосфер. При этом он начинал отражать до пяти процентов поступающего света, что, по мнению экспериментаторов, свидетельствовало о переходе водорода в твердое металлическое состояние.

Теперь подобный вывод опровергают научные сотрудники Корнеллского университета Артур Руофф и Крейг Вандерборг. Они указывают, что группа Д. Мао помещала в камеру вместе с образцом водорода рубиновый порошок, который при высоких давлениях начинает светиться. Рубиновый порошок — это по существу окись алюминия, которая в условиях высокого давления вступает в реакцию с водородом и образует металлический алюминий. При давлении выше 1,3 миллиона атмосфер этот процесс происходит с большой скоростью. Таким образом, загрязнение образца алюминием показывает ошибочность вывода о возникновении металлического водорода.

Рисунки Е. Силиной, Ю. Сарафановой.

Экологическая болезнь

Впервые она появилась в семидесятые годы и была принята в то время за форму острой ипохондрии. Но вскоре американские исследователи пришли к выводу, что речь идет о новой болезни, которую можно назвать «болезнью окружающей среды». Проявляется она аллергией буквально ко всему, что окружает современного американца. Симптомы болезни различны: от болей в груди до рвоты, от микозов до галлюцинаций. Поскольку у больных аллергия ко всей «обычной» пище, им рекомендуют экзотическую диету, например мясо змеи и прочее.

Несколько сотен таких больных переселились в колонию, основанную в Калифорнии. Здесь нет ни пыли, ни влаги, ни туманов, ни растительности. Жизнь проходит в условиях самой строгой асептики. Во избежание аллергии в доме все изготовлено из металла, стекла и неокрашенного хлопка. А чтобы не было контакта с типографской краской, придуман аппарат, который переворачивает страницы газет и журналов, а текст их читают через стекло. Посетителей здесь не бывает, поскольку больные опасаются запаха духов, волосков от одежды и аромата мыла. Большинство выходит из дома лишь в кислородных масках.

Одна из первых гипотез, объясняющих эту странную болезнь,— токсический шок, вызванный новым штаммом стрептококков, которые расстраивают, а может быть, и разрушают иммунную систему.

Ю. Латынина

Рождение представительной демократии, 1258—1265 годы

Генрих III.

«Вручим наши души Богу, ибо наши тела во власти врагов»,— сказал Симон де Монфор, граф Лестерский 4 августа 1265 года, увидев свое малочисленное войско окруженным армией наследника английского престола, будущего Эдуарда I, недавнего своего пленника. Де Монфор уговаривал бывших с ним баронов покинуть его; те отказались. Через три часа отчаянная резня была кончена. Тело графа Эдуард велел изрубить на куски и бросить собакам. А через год в изданном Эдуардом Кенильвортском соглашении нашлось место для запрета глупого всенародного суеверия: считать Симона де Монфора святым, по смерти творящим чудеса.

Чудо есть нарушение существующих законов. И в истории происходит не чаще, чем в природе. Наберется ли десяток? Возникновение государства, оформление римского частного права, Рождество Христово... Наверное, и Симон де Монфор вполне заслужил посмертную славу чудотворца за «дело спасения, которое необходимо было совершить в Английском королевстве».

Именно ему и особенностям английской истории, помноженным на исторические случайности, обязана своим возникновением система представительного правления — необходимое условие не только современной демократии, но и современной экономики.

Среди уникальных процессов — светская власть пап, зарождение капитализма,— порождавших в Европе новое и небывалое в универсальных феодальных структурах, лишь один совпадает с революцией, то есть внешними, насильственными изменениями. Это революция 1258—1265 годов. Впрочем, возможно ли назвать «революционным» движение, которому скорее подходит термин «феодальная реакция»?

Возможно, ибо речь шла не просто об очередной распре баронов и короля, но о постепенном переходе народа на сторону баронов, имевших как лидера (де Монфор), так и довольно четкую политическую программу.

Впервые в истории феодальной Европы были выработаны не только законы, ограничивающие власть короля, но и создан социальный институт, гарантирующий выполнение этих законов.

Благодаря этому институту впервые народ, всегда поддерживавший монарха в борьбе против своеволия знати, стал ее союзником в борьбе за общую свободу.

«Средневековый феодальный строй вышел из лона эпохи, чрезвычайно изоби-

ловавшей потрясениями. В какой-то мере он родился из самых этих потрясений»,— писал Марк Блок.

Череда варварских нашествий — германцы, славяне, арабы, норманны — заколдовала мир, именуемый Римской империей. Средиземное море из центра ойкумены стало границей Запада. Превосходные дороги обросли заставами сеньоров-разбойников, виллы превратились в замки, непрестанные войны вынудили их владельцев обратиться к натуральному хозяйству и сделали экономически невыгодной свободу: люди спешили отдать свою землю сеньору, приобретя взамен безопасность и покровительство. Война стала главным способом экономического обмена, профессиональный воин — ключевой фигурой в обществе. Вассалы, лично верные государю, заменили подданных, равных перед законом.

Гибель империи следовала образцам, опробованным мировой историей не раз. Рост, расцвет, постепенное перестроение общества на началах верности государству. Законность, порядок — культурный антициклон, область, в которую варварские народы устремляются так же неизбежно, как воздух — в область пониженного атмосферного давления. Лишенные национального чувства, скорее грабители, нежели завоеватели, варвары искренне восхищались покоренной культурой и пытались ее восстановить, хотя и не все заходили столь далеко, как основатели тобийской династии Северная Вэй в Китае, запретившие тобийские язык, одежду и прически.

Германцы не составляли исключения, и не один из них, подобно Атаульфу, мечтал «восстановить Римскую империю силой готтов». Но ни Карлу Великому, ни Оттону, ни Фридриху не удалось воссоздать идеальную административно-бюрократическую империю, ибо в Европе в одном и том же географическом объеме существовало два государства — светское и духовное.

Китайский император был сыном Неба, персидский царь — братом Солнца и Луны, а в Европе Солнцем был папа, император же светил отраженным лунным светом. И церковь задолго до всяческих деклараций независимости считала за азбучную истину, что светская власть ведет свое начало от грехопадения и от тирании Нимврода и что не восставать против несправедливых правителей значило бы поблажать их порокам.

Римская империя так и осталась идеалом, по которому тосковал каждый сильный государь и народ. Ибо выгоды народа и государя совпадали. Слаб государь — и сильные жарят слабых, как рыбу на вертеле. Силен государь — и он «наводит страх на знатных, а сердца бедных наполняет радостью», или, по мнению знатных, конфискует имущество направо и налево для пополнения казны.

Силен государь — и в обществе воскресают законы, в которых графы и герцоги значатся чиновниками короля. Слаб государь — неписаные традиции сменяют писаный закон, должности чиновников становятся наследственными и держатели поместий, ухмыляясь, провозглашают: «Я не герцог, я не маркиз, я — государь де Куси...».

Сильный государь есть воплощение закона, и потому народ на его стороне. А знать? Знать стремится не ограничить права государства, а присвоить их себе в личную собственность. Конституция напоминает ей колокольчик на шее кошки: сильной кошке колокольчик не привесишь, а слабой — незачем. Постоянные междоусобицы не вырастают в революции, мирные договоры не становятся конституциями. Больше всего поражает нас в этой эпохе, замечает французский историк Фюстель де Куланж, отсутствие политических идей у руководителей общества. Борются две системы — административно-бюрократическая и феодальная. И в этой борьбе народ с полным основанием стоит на стороне сильного государя, который защитит его от произвола, а государь опирается на народ, не без основания полагая, что с миллионом простолюдинов совладать легче, чем с тысячей баронов.

Норманны были последней волной варваров, обрушившейся на Европу. Морские пираты, покидавшие север из-за скудости или совершенных ими преступлений, поначалу не думали ни о чем, кроме грабежей, но наконец остепенились. Разграбленная ими Нейстрия внезапно превращается в герцогство Нормандию — самую процветающую землю Франции. Сицилийское их королевство вдруг поражает современников возрождением азиатской государственности.

Завоевание — событие обычно катастрофическое, однако покорение Англии Вильгельмом Завоевателем не только объединило страну, но и превратило ее в самое централизованное государство тогдашней Европы. Была составлена «Книга Страшного суда» — подробная и уникальная опись земель и владений, розданных держателям. «И говорить стыдно об этом, а он не считал постыдным делать это — ни одного даже быка, ни одной коровы и ни одной свиньи он не оставил без того, чтобы не занести их в свою опись, и все эти описи затем были представлены ему». В Англии пахнуло имперским учетом и контролем. Вследствие ли политической дальновидности или из-за постепенности завоеваний, но земли, пожалованные баронам, обычно не составляли сплошных территорий, и это необыкновенно ослабляло знать.

Сразу же вслед за завоеванием началась борьба короля и знати. Быть может, самая характерная ее черта — полное отсутствие национального чувства. Именно норманнские бароны, борясь против норманнского же короля, утверждают, что он «незаконно сделал нашествие на благородное королевство Англию, несправедливо умертвил или изгнал в жестокое изгнание прирожденных наследников этой страны» — именно англосаксонский народ поддерживает королей.

Народ можно понять. Ибо в чем бароны упрекают короля? В том, что тот «покрытым ранами победителям дал бесплодные земли», а потом «отнял их совсем или частями, побуждаемый корыстолюбием»; в том, что знатные вдовы и наследницы подвергаются утеснениям и насильственной выдаче замуж. Странное дело, народ был равнодушен к мукам знатных вдов и обездоленных победителей. Народ понимал другое: бароны сражались не за свободу, а за безграничный произвол в своих собственных владениях.

До XIII века, до царствования Иоанна Безземельного, народу нужен сильный государь, а знати — слабый.

Когда войска двух претендентов на английский престол, Стефана Блуасского и будущего Генриха II, сошлись для битвы, «встали бароны, вернее — изменники Англии, и стали устраивать соглашение, хотя ничего они не любили больше несогласия, ибо знали, что, пока один из противников боялся другого, он не мог осуществлять над ними королевской власти».

Бароны добились своего. Правление Стефана Блуасского было истинным воплощением баронской вольницы. Тогда «в Англии было столько королей, вер-

Эдуард I в парламенте.

Эдуард I со своим сыном.

нее тиранов, сколько было владельцев замков, и каждый имел право бить собственную монету». И друг с другом они «...сражались со смертельной ненавистью, огнем и мечом разоряли прекраснейшие области, и в стране, которая некогда была самой плодородной, они истребили почти весь хлеб... И когда несчастные жители ничего больше не имели, что бы могли дать им, они грабили и жгли все города, так что можно было пройти целый день и не встретить ни одного человека, поселенного в городе, ни возделанных земель»...

Так было и в других странах, но Хартией вольности не кончилось.

Две особенности отличали Англию. Не в пример другим феодальным владыкам, здесь король предпочитал брать со своих баронов не военной службой, а налогом — «щитовыми деньгами»: норманнская государственность с самого начала носила явно фискальный характер. А налог — в отличие от баронской службы — ложился на плечи всех слоев населения. И второе: в Англии сохранилось много бедных, но свободных, то есть вооруженных, людей: можно не считаться с чернью, но трудно — с вооруженным народом.

Есть и еще одно обстоятельство. В средневековье не меньше, чем в наше время, любили придавать завоеваниям видимость законности. Аларих, грабя Рим, действовал как союзник Восточной Римской империи, вандалы провозгласили себя мстителями за Карфаген. Вильгельм Завоеватель, утверждая, что именно ему король Эдуард завещал королевство, короновался со всеми формальностями, соблюдавшимися при коронации выборных англосаксонских королей, и объявил свои законы возобновлением «законов короля Эдуарда».

Идеологические фикции средневековья, однако, обладали замечательным свойством: они часто обращались в реальность. Бароны постепенно привыкали требовать подтверждения «законов короля Эдуарда» — хартий вольностей. Но язык юриспруденции по самой своей природе трактует об общем, а не об особенном. Сам факт письменного существования Хартии вольностей приучает видеть в свободе не частную собственность короля или сеньора, а общественное достояние.

Иоанн Безземельный, вступивший на английский престол в 1199 году, принадлежал к худшей разновидности правителей. Он был бездарным полководцем и вздорным, нерешительным тираном: «у этого короля было столько врагов, сколько у него было баронов».

Летописец не прав: у короля было врагов гораздо больше, чем у него было баронов, и король приложил немалые усилия, чтобы эти враги объединились.

Баронов король оскорблял лично. Народ (состоятельный народ) он обижал налогами и поборами, уходившими, как в песок, в военные неудачи. Ему случалось созывать в 1201 и 1213 годах ополчение не для похода, а чтобы отобрать у ополченцев деньги, взятые для военных издержек, и распустить их по домам.

Наконец, он поссорился с церковью и принялся поправлять расстроенные финансы королевства конфискацией церковных имуществ. Папа отлучил его от церкви, а Англию передал французскому Филиппу-Августу. Иоанн ужаснулся, покаялся, принял все условия папы и отдал королевство святому престолу, став ленником папы. Кинулся во Францию, содрав непомерно высокий щитовой налог с баронов, не последовавших за ним, и был там разбит.

Революции часто начинаются с военных поражений: церковь, бароны и города объединились против короля и предъявили ему в 1215 году список статей. Тот прочитал и воскликнул: «Отчего уже вместе с этими несправедливыми требованиями бароны не просят у меня также и моего королевства?» Однако делать было нечего — Иоанн подписал Великую хартию вольностей, очередное «lege Edwarde reges».

По выражению Стеббса и Гиббона, юридическая история Англии есть не что иное, как комментарий к Великой хартии. Но, как это часто бывает, комментарий важнее текста.

Великая хартия — отнюдь не декларация прав человека и гражданина. Это — декларация прав церкви и знати.

Параграф первый дарует согласие короля на то, чтобы «английская церковь была свободна, владела полными своими правами и своими вольностями нерушимо». (Да, без поддержки церкви, желающей оградить себя от произвольных конфискаций, без Стефана Лангтона хартия была бы невозможна уже потому, что лишь церковь знала юридический язык, на котором такие документы пишутся.)

Второе место занимают гарантии знатным баронам от королевского произвола. Отныне король не может вымогать разорительные суммы за передачу баронии или феода по наследству, выдавать замуж вдов без их согласия, в случае конфискации земли изменника вернет ее

Великая хартия вольностей.

по прошествии года и дня сеньору данного феода и т. д.

Но Великая хартия одновременно и общенациональный документ. В ней обещается: все вольности, которые король дарует своим вассалам, будут соблюдаться этими вассалами относительно их собственных людей; ни один свободный человек не может быть арестован, лишен владения, изгнан не иначе как по приговору пэров и по закону страны.

И наконец, пункт, в котором совпадают интересы всей нации,— о налогах. Все они не могут быть «устанавливаемы в нашем королевстве, иначе как по общему совету нашего королевства».

В отличие от судьбы богатых наследниц налоги интересуют всех. Что такое, однако, «Общий совет»? Типично феодальное учреждение — не народное собрание, не выборное представительство. Король зовет тех, кого хочет позвать или не может не позвать: «архиепископов, аббатов, графов, старших баронов...» Сила такого совета — в слабости короля.

Великая хартия вольностей также обещает впредь назначать справедливых чиновников. Правда, никто еще не видел законов, предписывающих назначать чиновников несправедливых, они как-то, знаете ли, заводятся сами по себе.

Дело, очевидно, не в том, что написано в законе, будь то Великая хартия вольностей или сталинская Конституция, а в том, какие механизмы гарантируют исполнение закона.

Так какие же?

Увы! Тоже традиционные: обеспечивать права, свободы и законность предлагается с помощью гражданской войны. Нарушившего хартию короля бароны имеют право «понуждать или теснить... всеми способами, какими только могут, то есть захватом... замков, земель, владений...»

Способ сомнительный, ибо народ поддерживает королей именно затем, чтобы уберечься от непрерывных усобиц.

Но хорош или плох этот способ, к нему приходится немедленно прибегнуть: папа объявляет хартию незаконной, Иоанн поднимает оружие. И вскоре умирает, оставив девятилетнего сына, Генриха III. В малолетство Генриха бароны пользуются вольностями; но стоит Генриху повзрослеть, начинается борьба: король присягал хартии восемь раз...

Великой хартии вольностей угрожает та же судьба, что и предыдущим английским хартиям, что и меровингскому анделотскому договору, венгерской Золотой Булле (1222 год),— это бумажный кораблик в политическом море. Высока вода, сильны бароны — кораблик плавает. Вода спала, обнажился скальный грунт государственной власти — корабль на мели...

Иоанн Безземельный, как мы помним, стал ленником святого престола. Вскоре Англия наводнилась иностранными прелатами и застонала от невыносимых налогов. Окружение короля тоже изобиловало иностранцами, игравшими ту же роль, что германские телохранители римских императоров или сарацинская гвардия Фридриха II,— роль людей, чуждых обычаев страны и зависящих, подобно поднявшимся к трону простолюдинам, лишь от короля.

И нация вновь объединяется. Возникает призыв: «Англия — для англичан!» Пускай он раздается чаще на латинском и старофранцузском, нежели на английском, все равно это призыв, немыслимый для феодализма,— феодализм не знает национального чувства, он знает лишь преданность верных повелителю.

Между тем король не замечает этой усердно возникающей идеи — идеи нации. Он правит по-прежнему. Он в 1258 году покупает у папы для своего сына корону обеих Сицилий и требует от Великого Совета для оплаты ни больше ни меньше, как третью часть всей собственности Англии. В ответ Симон де Монфор, граф Лестерский, встает и произносит обвинительную речь против наводнивших Англию иностранцев, призывает к суду над ними и утверждает: исключительно дурное управление короля требует исключительных мер.

Ирония судьбы — во главе национальной партии, начавшей революцию, стоял иностранец. Бывший наместник Гаскони, бывший приближенный короля, рассорившийся с ним в 1252 году, человек, чей давний брак с королевской сестрой едва не вызвал национальное восстание, ревностный христианин и смертельный враг папы (не путать с отцом, Симоном IV де Монфором, тоже изменившим историю, но совсем по-другому: он уничтожил провансальскую культуру и альбигойскую ересь).

Через несколько дней бароны потребовали у короля: «Поклянитесь, что вы ничего не станете делать без совета двадцати четырех мудрых людей, епископов, графов и баронов, избранных нами». Король подчинился.

Через пять недель под предлогом войны с Уэльсом бароны съехались с людьми и оружием в Оксфорд и там утвердили законы, ограничивавшие власть короля, королевских чиновников и иностранцев.

Совет деятельно принялся за реформы, существенной частью которых, как всегда, стали конфискации и расправы. Земли и замки, отобранные у иностранцев, оказались в руках революционной знати. Королевские шерифы доселе были бесконтрольными хозяевами графств, подотчетными лишь королю (образ шерифа Ноттингемского из баллад о Робин Гуде достаточно реалистичен). Теперь власть шерифов ограничена, и новый главный судья, Гуго Биго, отправился по графствам, призывая жителей «более уверенно показывать неправды шерифов...» Обещанная им «скорая справедливость» была и в самом деле скорая...

Бароны установили контроль над королевской властью, но их собственная власть была бесконтрольной. Внутри самого совета произошла ссора между Ричардом Глостерским, отстаивавшим дело олигархии, и Симоном де Монфором, искавшим союза с общинами.

Между тем народ, вслед за баронами, пришел в возбуждение и потребовал, как всегда, большей радикальности.

В 1259 году «община бакалавров» (зажиточных простолюдинов) Англии составляет петицию: «Король целиком сделал и выполнил все, что... потребовали от него бароны», сами же бароны «ничего не сделали для пользы общего дела, как обещали, и имеют в виду только собственную выгоду и всевозможный ущерб королю».

Наследник престола Эдуард немедленно обещал защитить народ. Он попытался перевести ситуацию в привычную: король и народ против баронов. Непривычной ее сделал Симон де Монфор — он заставил испуганный совет принять соответственные законы. Отныне магнаты должны были соблюдать в отношении своих держателей те же ограничения, что король в отношении их. «Англия, которая долго страдала от несправедливости и тирании многих как бы королей, в этом году начала дышать давно желанными реформами, точно новый дух справедливости поднялся в ней».

Повеяло, однако, не только духом справедливости, но и его неизбежным спутником — гражданской войной. Придя в себя, после долгих и неудачных переговоров король взялся за оружие. В 1264 году в битве при Льюисе Симон де Монфор разбил королевские войска, взял в плен короля и наследника и оказался фактически главой государства, заняв то же положение, что сегун при микадо, султан при калифе.

Мы привыкли видеть, как колеблющееся болото переходит на сторону победителя, тем более если он оказывается беспощадным. Для феодальных усобиц верно обратное: болото переходит на сторону побежденных, опасаясь чрезмерного сосредоточения власти. После сокрушительной победы при Льюисе союзники де Монфора начали изменять ему. Протектору надо было искать других союзников — все те же общины. В 1265 году он призывает выбрать по два представителя от каждого графства и по два представителя от каждого города для заседания вместе с прелатами и магнатами королевства в парламенте.

Симону де Монфору было выгодно, чтобы в парламенте преобладали мелкие собственники, а не своевольная верхушка. Сказать, что манипуляции выборами родились одновременно с самими выборами, недостаточно. Лучше сказать, что выборы родились только потому, что с ними возможны манипуляции.

Слово «парламент» официально существовало уже с 1248 года, обозначая совет, не избираемый народом, но созываемый королем и его приближенными. Существовали и народные собрания в графствах — пережиток времен прямого народоправства, порою столь стеснительный для свободных людей, что они предпочитали отказываться от свободы, провозгласив свою зависимость от сеньора, лишь бы не быть обязанными посещать эти собрания или платить штраф за неявку.

В 1264 году пошатнулись бесспорные политические истины: противопоставление прямого народоправства, мыслимого лишь в пределах города или округа, монархическому режиму, объемлющему всю страну. Надломилась неизменная вражда между знатью и народом, проистекающая оттого, что «народ хочет жить по законам, а знать стремится им повелевать, и поэтому согласие между ними невозможно» (Н. Макиавелли). Закон воплощался теперь не в личности государя и не в народе, а в социальном институте — парламенте. Не могущество власти, а ограничение ее могущества стало залогом справедливости.

Наряду с законами возник орган, надзирающий за их соблюдением, и он был более действен, нежели назначаемый сильными мира сего совет, и менее разрушителен, нежели гражданская война. Собственно, он и был предназна-

чен стать сублимацией гражданской войны...

Противники Монфора с негодованием писали, что в городах за него стояло «великое множество буянов, называвшихся бакалаврами», которые «с наглостью и насилием притесняли старших людей этих городов». Сочувствующие не уставали повторять, что граф Лестерский отдал жизнь, чтобы «облегчить притеснения бедняков». Слова, которые доселе говорили о королях, не о баронах! (Современник на континенте всплакнет: «Умер добрый король Людовик! Кому понесут теперь бедняки свои вопли, когда умер добрый король, умевший так любить их!»)

Созыв парламента был результатом эфемерного баланса сил и мог остаться незначительным историческим эпизодом.

Революцию 1258—1265 годов отличает от обычных феодальных усобиц, где «возводили и свергали королей, но никто не думал об установлении свободного строя или о законном ограничении королевской власти» (Фюстель де Куланж), именно осознанная программа, согласно которой власть короля не воплощается в законе, а законом ограничивается.

«Основы королевской власти и тирании», трактат Роберта Гроссгеста, написанный им для друга Симона де Монфора, не дошел до нас, но, например, поэма «Битва при Льюисе», созданная по свежим следам событий, подробно излагает взгляды реформаторов, свидетельствуя, вопреки статистике революций, что не всякая идеология порочна уже в силу того, что является идеологией.

«Битва при Льюисе» поистине странейшее из многочисленных средневековых наставлений королям...

Королей всегда охотно сравнивали с солнцем. Король был подобен солнцу, изливая свой свет равно на каждого, и из его справедливых решений взрастали по всей земле плоды и колосья.

«Битва при Льюисе» не изменяет старым метафорам. Король подобен солнцу. Но в чем?

В том, что солнце восходит и заходит, подчиняясь законам... «Не всякое ограничение устраняет свободу,— пишет автор,— не всякое принуждение отнимает власть. Не считается в Боге бессилием, что он не может грешить. Не приличествует называться свободой той свободе, которая позволяет глупым властвовать неразумно; свобода должна быть ограничена пределами права».

Правда, и раньше было известно, что король «должен советоваться с другими, как бы мудр он ни был». Но вот что «король не должен сам выбирать себе советников»... а должен посоветоваться «с людьми, прибывшими из областей и лучше других знающими нравы своей страны»,— это совершеннейшая новость!

Доселе писаные законы и неписаные вольности и обычаи противостояли друг другу. Парламент мог стать их объединением...

Но дни парламента 1265 были сочтены. 4 августа 1265 года Симон де Монфор пал в битве при Ившеме. Король Эдуард отменил новые законы, разогнал парламент и принялся конфисковывать конфискованное...

Легко было Аннушке не разлить масло. Но разлитого масла не соберешь, и уже в 1267 году король был вынужден пригласить в созванный им парламент представителей графств и городов. Право назначать высших чиновников и шерифов осталось за королем, но право утверждать налоги перешло к парламенту.

Торжествующая власть была вынуждена признать то, против чего она боролась. Возникли не просто писаные законы, возник социальный институт, гарантирующий их исполнение. Представители городов и мелкие рыцари заседали в нем бок о бок, вырабатывая не только законы, но чувство национального единства. На континенте провинциальные собрания станут опорой абсолютных монархий, горожане будут поддерживать короля против своеволия знати. Выборные представители английского народа, горожане и мелкие рыцари будут совместно стремиться к ограничению королевской власти. Вместо разобщенных сословий в парламенте будет представлена единая нация.

Но английский парламент закладывает основы не только представительной демократии и национального государства. Он закладывает основы современной рыночной экономики.

В XIII веке в Англии быстро развивалось не только денежное хозяйство, но и шерстяное производство. Напомним, что сельское хозяйство, работающее на рынок,— первое условие появления свободного предпринимательства.

Нуждаясь в деньгах вообще и в деньгах для похода во Фландрию в частности, король Эдуард поступил по традиции: обложил торговлю жесточайшими налогами, взял всю шерсть в страну в королевскую руку, а купцам взамен выдал расписки, по которым они в принципе имели право получить деньги из казны.

Для утверждения решений король созвал парламент. Парламент, однако, отказал в разрешении на поход во Фландрию и в деньгах: «Они не могут дать теперь пособие королю по причине бедности, в какую они впали благодаря этим налогам и захватам».

Доселе слабое государство не могло защитить предпринимателя от грабителей, а сильное государство не могло устоять от соблазна зарезать курицу, несущую золотые яйца. Жак де Бон во Франции может накопить миллионы и кредитовать короля. Но когда королю не захочется платить долги, он просто отберет у купца все нажитое и повесит в Монфоконе как изменника...

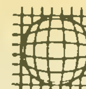
Испанская шерстяная промышленность может стремительно развиваться; но король, которому кортесы передали право утверждения налогов, задушит ее податями, дабы финансировать непреходящую мечту о восстановлении империи... Английский парламент уже в конце XIII века воспротивился королю, намеревавшемуся сделать то же самое.

В природе человека всегда было умение менять и приобретать. Но впервые явилась политическая гарантия, что деньги, сбереженные предпринимателем, не будут у него отобраны; и предприниматель смог вкладывать деньги не в землю, не в безудержное потребление, а в расширение производства.

Рождение представительной системы и национального государства совпало с рождением политических гарантий свободного предпринимательства.

Камень с изображением короля Эдуарда I и его второй жены Маргариты венчает балдахин надгробья адмирала Серварда Аланда в церкви св. Томаса.

ВО ВСЕМ МИРЕ

Озон исчезает быстро

Британские ученые опубликовали отчет, посвященный проблеме истощения озона в стратосфере. Ими установлено, что процесс этот идет ныне значительно быстрее, чем специалисты полагали до сих пор. Так, в период между 1979 и 1990 годами в полосе, идущей с Запада на Восток и охватывающей широты от тридцатого градуса южной широты до пятидесятого градуса северной, содержание озона сократилось на восемь процентов. Это вдвое превышает ранее предполагавшуюся величину.

Полоса включает в себя Пиренейский полуостров, Марокко, Алжир, Тунис, всю Францию и Италию, крайний юго-запад Великобритании, юг и центральные районы Германии, все восточноевропейские страны, кроме севера Польши, Балканы, Грецию, Турцию, Ближний Восток, Украину к югу от Киева, Северный Кавказ и Закавказье, низовья Волги, бассейн Черного, Азовского и Каспийского морей и Иран.

Выяснилось, что истощение озона в Западной Европе идет более быстрыми темпами, чем даже на крайнем юге Африки и в Новой Зеландии, расположенных вблизи классической «озонной дыры» над Антарктикой, где это явление было впервые обнаружено.

Видный озонометрист Джон Пайл из Британского управления по изучению Антарктики не исключает, что примерно к 2000 году, когда в атмосфере ожидается максимум содержания хлора, обладающего озоноразрушающим свойством, над Европой и Северной Америкой возникнет «озонная дыра», аналогичная той, что наблюдается в полярных широтах Южного полушария. По мнению Пайла, замена хлорфторуглеродов, причиняющих ущерб молекулам озона, другими веществами в холодильной промышленности и в производстве аэрозолей вряд ли улучшит положение в ближайшее время.

ФОТООКНО «ЗНАНИЕ — СИЛА»

Фотоокно Е. Эстрина

А. Голов

Сизифов камень

Зачем ты пьешь? Я знать желаю!
Хафиз

По-своему правильно считать опьянением действие алкоголя на человека; практика, во всяком случае, подтверждает эту истину. Однако в ряду разнообразных действий алкоголя опьянение представляет для человека совершенно особенный интерес. Риск алкоголизма только подчеркивает таинственную ценность этого состояния, потому что без эффекта опьянения алкоголизма, очевидно, не было бы. Почему же «пьют» и почему «спиваются»?

Одна из последних теорий — культурологическая — дает на эти вопросы ответы прямо противоположные: пьют, потому что учатся пить; спиваются, потому что не учатся пить. Установлено, в частности, что иудеи пьют, но не спиваются — они учатся пить, а баптисты не пьют, но если начинают пить, то легко и спиваются. Тогда следует не учить пить, чтобы не пили, и учить пить, чтобы не спивались. Учить или не учить, что перевешивает в конечном счете?

Если бы определенный ответ на этот вопрос вообще существовал, его можно было бы легко извлечь из биографий алкоголиков: кто они, чему и как их учили. Но здесь обнаруживается удивительный факт, провозглашенный в свое время Диктумом Общества анонимных алкоголиков: «алкоголизм не указатель личностей». Иначе говоря, из того, что человек стал алкоголиком, ничего ровным счетом нельзя заключить о его прошлом воспитании, положении или характере. Это — очень сильное утверждение. Тем более удивительно, что оно подтверждается при эмпирическом изучении вопроса.

В частности, установлено, что доля сильно пьющих среди пьющих почти постоянна для каждой этической группы. Затем — что для любой этнической группы от 48 до 55 процентов сильно пьющих становятся алкоголиками. К подобным же отрицательным результатам при поиске корреляций приводит и изучение социального положения алкоголиков[1].

Можно ли тем не менее утверждать, что перед алкоголем все равны, как перед Богом? Пожалуй, да, если учесть, что и Бог учитывает профессионально-трудовые различия людей: «Нет эллина, нет иудея, мужчины и женщины...», но есть трудящийся и бездельник, герой и раб. Обнаружены действительно довольно устойчивые корреляции винопития и алкоголизма с родом занятий и отношением к своему делу: больше пьющих среди занятых тяжелой и нестандартной работой — добычей ископаемых, журналистикой, мореходством, сезонной работой и прочим, а также среди профессий, связанных с заключением сделок,— бизнесмены, торговцы, проститутки; сравнительно часто алкоголики в свое время были добросовестными и болевшими за дело работниками.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что алкоголизм — указатель труда и отношения к труду. Но поскольку личность — не указатель труда (труд — указатель личностей), то первоначальное положение остается в силе: алкоголизм — не указатель личностей.

Данное положение, как можно заметить, напоминает известный правовой принцип, связанный с презумпцией невиновности; преступление — не указатель личностей. И точно так же близкое по духу положение сформулировано применительно к творческой деятельности человека: «То, что составляет произведение, не есть тот, кто ставит на нем свое имя. То, что составляет произведение, не имеет имени» (П. Валери).

[1] Даже в тех случаях, когда подобная корреляция устанавливалась, она позднее оказывалась ошибкой эксперимента. Был обнаружен, например, повышенный процент бедных среди госпитализированных алкоголиков, что оказалось связанным исключительно с условиями госпитализации.

Все три случая объединяют, очевидно, один и тот же предмет — деятельность человека **как личности**, не выходящая за пределы свободы воли и производимая под личную ответственность.

Легче было огрешить генерал-губернатора, нежели указать ему почтительно законный путь, от коего он уклонился.

Г. Батеньков.
«Обозрение государственного строя»

Поразившие нас факты мы сводим в теории; люди в древности придавали им форму мифа. Согласно одному из таких мифов, человек по имени Сизиф вкатывал на гору камень, и камень оттуда скатывался. Сизиф продолжал вкатывать, а камень продолжал скатываться. Здесь важно подчеркнуть две вещи. Во-первых, Сизиф не был глуп: когда камень скатывался, он уже знал, что дело этим кончится. Во-вторых, Сизиф работал добросовестно, и камень скатывался не по его небрежности. Камень скатывался сам. А потому древнегреческий поэт Гомер справедливо назвал Сизифов камень бессовестным.

Сизифу от бессовестного камня было нестерпимо тяжело. Не в том дело, что камень был тяжел,— у Сизифа было достаточно сил, чтобы продолжать трудиться. Страдал же Сизиф оттого, что он был добросовестный, а с тем же успехом и с меньшими затратами он мог бы трудиться и недобросовестно. Как человек умный он это понимал. Мучила его, таким образом, не тяжесть бессовестного камня в сочетании с собственной добросовестностью. Умный человек Сизиф страдал, иначе говоря, от своего **нравственного одиночества**[2].

Когда Экклезиаст говорил: «Много мудрости — много печали», то это было, как можно теперь предположить, чрезмерным обобщением умного человека, для которого нравственное одиночество было непреложной очевидностью («Все тщета и тщета тщет»). Оно же возникает в действительности при работе тяжелой и нестандартной, из которой неустраним риск безрезультатности. Тогда в древнем мифе обнаруживается глубокая теория: умный человек страдает от нравственного одиночества. Как же решается эта задача, потому что страдание — это задача?

Первый признак ума, по Пушкину,— это меткость. Разбирая комедию Грибоедова, он писал, что в этой комедии единственное умное лицо — это сам Грибоедов. Почему? Да потому, что Чацкий своими репликами промахивается, высказанные мысли не воспринимаются теми, кому адресуются, но сам Грибоедов — посредством Чацкого — как раз попадает в читателя, задевает его. Добросовестность, вообще говоря, требует ума. Ведь чтобы сохранить верность обстоятельствам, не только испытывать, но и соблюдать уважение к материалу, не только желать, но и преследовать цели (а в этом существо добросовестности), требуется та самая меткость, которая означает ум.

Когда сами обстоятельства неверны, когда добросовестность лишь обнаруживает их полное безучастие, безразличие и даже подвох (мы бы теперь могли сказать, что Сизифов камень просто не уважал чужой труд), тогда возникает один выход — измена **обстоятельствам**, «отвращение».

Отвращение не требует еще утраты ни ума, ни добросовестности, оно требует только их размыкания, отделения друг от друга, утраты объединяющей их **нацеленности** на обстоятельства, называемой также разумностью. Измена обстоятельствам — это проявление не безумия или добросовестности; это — неразумность.

Чтобы неразумность проявить, ее прежде всего нужно достичь. Насколько людям известно, существует только одно общедоступное средство довольно надежного и точного снятия разумности. И это средство — алкоголь.

Здесь, таким образом, проблема алкоголизма пересекается с проблемой нравственного одиночества: опьянение — это измена обстоятельствам, измена обстоятельствам — это опьянение.

В таком случае, желая понять, каким образом алкоголизм стал указателем труда и отношения к труду, мы вправе обратиться к ситуации и логике нравственного одиночества. С другой же стороны, потребление алкоголя, сознание и деятельность в состоянии опьянения выступают вслед за характером труда ценными указателями нравственного одиночества и дают материал для его дальнейшего анализа.

Поведение «пьяных» обычно выглядит как поведение иррациональное и бескультурное. Их откровенность, бесцеремонность и оживленность прямо противоположны сдержанности и тактичности поведения «культурного» человека. А с другой стороны, беспричинные перепады веселости и мрачности, агрессивности и сентиментальности, подозрительности и теплоты столь же противоположны целеустремленности и последовательности рационального поведения[3].

[2] Данная постановка задачи, как можно заметить, несколько отличается от той, что произведена на материале того же мифа А. Камю. Для Камю, как и для Экклезиаста, проблема представляется носящей характер не нравственный, а экзистенциальный и приводящей вслед за тем к абсурдному мышлению: «Работать и творить «ни для чего», лепить из глины, знать, что у творчества нет будущего, что твое произведение рано или поздно будет разрушено, и считать в глубине души, что все это не менее важно, чем строительство на века,— такова нелегкая мудрость абсурдного мышления» (Камю Альбер. Бунтующий человек).

[3] В более мягкой форме — не противоположности, а безразличности к «рацио» — находятся пение, танцы и другие виды «самоцельного» поведения, также, очевидно, облегчаемого опьянением.

П. Кончаловский,
«Зеленая рюмка».

П. Пикассо,
«Любительница абсента».

«...Вот послушайте, в чем моя заветная лемма: когда мы вечером пьем, а утром не пьем, какими мы бываем вечером и какими становимся наутро? Я, например, если выпью — я весел чертовски, я подвижен и неистов, я места себе не нахожу, да. А наутро я не просто невесел, не просто неподвижен, нет. Я ровно настолько же мрачнее обычного себя, трезвого себя, насколько веселее обычного был накануне. Если я накануне одержим был Эросом, то мое утреннее отвращение в точности равновелико вчерашним грезам. Что я хочу сказать? А вот смотрите.

И черноусый изобразил на бумажке такую вот хреновину. И объяснил: горизонтальная линия — это линия обычно трезвости, повседневная линия. Наивысшая точка кривой — момент засыпания, наинизшая — пробуждение с похмелья...

— Видите? Это же голая зеркальность! Глупая, глупая природа, ни о чем она не заботится так рьяно, как о равновесии! Не знаю, нравственна ли эта забота, но она строго геометрична! Смотрите: ведь эта кривая изображает нам не один только жизненный тонус, нет!

Она все изображает. Вечером — бесстрашие, даже если и есть причина бояться, бесстрашие и недооценка всех ценностей. Утром — переоценка всех ценностей, переоценка, переходящая в страх, совершенно беспричинный.

Если с вечера, спьяна природа нам «передала», то наутро она столько же и недодаст, с математической точностью. Был у вас вечером позыв к идеалу — пожалуйста, с похмелья его сменяет порыв к антиидеалу, а если идеал и остается, то вызывает антипорыв. Вот вам в двух словах моя заветная лемма...»

Венедикт Ерофеев,
«Москва — Петушки»

Единственный устойчивый интерес пьяных, зафиксированный в сакраментальной фразе «Ты меня уважаешь?», находится, по-видимому, за пределами культурной вежливости и рациональной поддержки — он ими не удовлетворяется.

Что же это все значит? С точки зрения культуры и рациональности, мы видим лишь отрицание и безумие. Только достаточна ли сама эта точка зрения? Не требуется особой проницательности, чтобы заметить, что в этом безумии есть система и что-то стоит за отрицанием. Чтобы ее понять, вопрос следует рассмотреть **изнутри**[4].

Актуализация личности

Но опьянение в меня вселило бога:
Расплавив мир в огне души моей,
Оно открыло мне, как плоско и убого
О счастье мыслил я в обычной смене дней.

Э. Верхарн
«Опьянение»

Отключившись от обстоятельств, человек прежде всего утрачивает в них опору и ориентир, чем они, впрочем, перестали служить еще ранее, но теперь он уже на этот счет не обманывается и не считается с ними. Как причина и мотив поведения обстоятельства отпадают, обесцениваются, и это создает для человека совершенно новую ситуацию. Он ничем не мотивирован, а что-то делает. Что, почему, в силу чего? Поскольку человек не является больше выразителем, представителем или защитником чего бы то ни было, ничто за ним не стоит и он ни с чем не сообразуется, то ответ может быть только один — он действует ни для чего, ни почему, беспричинно и бесцельно, он действует **от себя**. Это — открытие, открытие личности-мотива, личности как мотива поведения.

Человек способен «отключаться» от обстоятельств — созерцать, задумываться, решаться, чтобы затем вновь вернуться к ним. Но здесь речь идет о чем-то гораздо менее условном — ни созерцательности, ни задумчивости, ни выбора, ни возврата. Не временное отрешение, а абсолютный отрыв. Обнаруживающаяся личность — это непосредственная и одновременно окончательная причина деятельности, человек, за которым и перед которым ничто не стоит.

Обнаруживаясь как действующая причина в определенной ситуации, личность приобретает все ее определения, ситуацией формируется определенное **понятие личности**. К чему оно сводится?

«Личный» — это значит **необусловленный** и **непосредственный,** затем — **активный** (причина деятельности). Все эти признаки связаны вполне определенным происхождением — изменой обстоятельствам. Поэтому сущность личности — это

[4] Это не значит, что мы последуем за сознанием пьяного; как правило, оно не рефлексирует и не систематизирует, хотя его проблески, безусловно, имеют отношение к делу и дополняют отчасти умозрительные построения в качестве своеобразных свидетельских показаний. Но в конечном счете итоги анализа должны совпадать с массовыми уроками опьянения — реальность едина.

В. Перов,
«Последний кабак у заставы».

Э. Дега,
«Абсент».

Х. Грис,
«Натюрморт с лампой».

измена. Но не любая измена вообще, что было бы как раз отрицанием любой сущности, а измена обстоятельствам, то есть противостояние обстоятельствам, постоянство независимости от них. Это не дух сопротивления, а абсолютное безразличие — все многообразие обстоятельств сокращается для личности в одно определение — безличное[5].

Из того, что за личностью ничего нет, она ничего не представляет, можно понять, что в личность можно только верить, то есть знать непосредственно и безусловно — лично. У личности нет познаваемой глубины; существование и сущность в ней совпадают. Всякое «проникновение» в личность означало бы именно обезличивание, что для личности чревато изменой. И точно так же невозможно никакое внешнее «опознание» личности. Минимальная дистанция, необходимая для опознания, создается указанием, но «указать на личность» значило бы уже ее отчасти обезличить. Для понимания личности действителен скорее обратный прием, изъятие указаний. Указывают органы чувств. Если изъявить их указательную, приборную функцию, то останется как раз их личный характер. Если же, напротив, отвлечься от их личного характера, то они тогда уже ничем не будут отличаться от измерительных приборов.

Нетрудно заметить, что те черты поведения пьяных, которые позволяют охарактеризовать его как бескультурное, позволяют также увидеть в нем актуализацию личности. В самом деле, откровенность, бесцеремонность и оживленность — это, очевидно, и есть безусловность, непосредственность и активность в поведении. Таким образом, измена обстоятельствам — это только первое определение опьянения, это актуализация личности. Если обратить внимание на их внутреннюю связь, то опьянение можно сравнить с тем приемом, к которому прибегает природа, когда она не в силах больше возиться с куколкой и рождает из нее бабочку[6].

Обновление ума

И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего.

(Римл. XII)

Измена обстоятельствам и актуализация личности снимают проблему нравственного одиночества, но не решают ее. Опьянение проходит, человек возвращается в прежнюю ситуацию и вновь нуждается в опьянении, а неистощимая потребность — это и есть психологическая зависимость. За этим следует деградация личности, отравление организма, алкоголизм. Жизненно важна поэтому стабилизация личности вне зависимости от обстоятельств, то есть и при возвращении (обращении) к таковым. Только в этом случае опьянение вообще обесценивается и не нужно.

Фигурально выражаясь, нравственное одиночество реально преодолевается — одолевается не за счет прилагательного «нравственное», а за счет существительного «одиночество» — **в моральном удовлетворении**, при котором и самое прилагательное претерпевает существенные изменения. Опьянение морального удовлетворения не дает. Но конечная фаза опьянения связана с поиском новой нравственности — нравственного удовлетворения личности.

Нельзя указать на личность, но не столь трудно опознать ее отсутствие. Личность требует личности, то есть непосредственности восприятия и реакции. Любая задержка реакции выдает отсутствие непосредственности, указывает на рефлексию, рассудок, глубину, задние мысли и т. п. Тем самым личность не получает свое. Она равнодушна к вообще безличному, но любая опосредованная активность — враг личности, это — ранее отставленные, а теперь проявляющие назойливость обстоятельства. Таким образом, очевидно, и объясняется пресловутая пьяная подозрительность и агрессивность — это просто реакция личности на «личину». Агрессивность или теплота — это определяется именно известным вопросом, смысл которого, однако, должен быть воспринят со всей серьезностью: «Ты меня уважаешь?» Это — требование. Его осуществление, характеризующее личность, зависящее от нее, заключается в посвящении не обстоятельствам, а личности, в верности ей. Так открывается смысл неразумности; он не в ней самой, он в **обновлении ума.** Проблема алкоголизма, проблема нравственного одиночества, проблема морального удовлетворения — это все ступени одной проблемы, имеющей одно общее решение — **верность личности.**

Верность личности предполагает добросовестность и неразумность, личность и борьбу с личиной, но не совпадает с ними и не сводится к ним, как и вообще обновление ума — не в уме, а в сопряжении ума с сердцем и деятельностью. Подтверждением будет очищение и утверждение: исповедальная деятельность.

Обновление ума означает также новое отношение к обстоятельствам, не укладывающееся в простую дихотомию верности (добросовестности) и отвращения. Борьба с личиной оборачивается применительно к обстоятельствам требованием их полной безличности — пассивности, прозрачности, обусловленности. Задача обезличивания приобретает затем определенное содержание в зависимости от характера, наличных свойств обстоятельств.

Мы пытались сделать бессовестный сизифов камень прозрачным: сквозь него просвечиваются нравственное одиночество, опьянение и распутье деградации и обновления. ●

[5] Защитником особого права человека на личность, на самоопределение выступает Ш. Бодлер: «При перечислении многих «прав человека», которое мудрость XIX века так часто и с таким удовольствием предпринимает, были забыты два достаточно важных права, а именно: право противоречить самому себе и право на уход» (Ш. Бодлер. Эдгар По, его жизнь и произведения).

[6] Среди мыслителей, находивших вообще в опьянении нечто положительное, по-видимому, первым и одним из очень многих был Платон. Как отмечает современный интерпретатор его творчества, «винопитие входит, по Платону, как весьма существенный момент и во всю его эстетику, и во всю его теорию художественного воспитания» (А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Высокая классика). Сам Платон писал: «Остальные люди, по-видимому, считают, что вино дано людям в наказание, чтобы мы впадали в неистовство. Мы же теперь, наоборот, утверждаем, что вино дано как лекарство, для того, чтобы душа приобретала совестливость, а тело — здоровье и силу»

Э. Вийральт, «Ресторан».

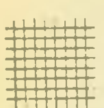
П. Сезанн, «Игроки в карты».

Д. Веласкес, «Пьяницы. Триумф Вакха».

Э. Вийральт, «Опьянение».

Одиноки ли мы во Вселенной?

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США намерено осуществить проект под названием «Поиски внеземных цивилизаций», используя для этого все радиотелескопы страны. Начало этого «прослушивания Вселенной» было приурочено к 12 октября 1992 года, то есть к пятисотлетию первой высадки в Америке Христофора Колумба.

В рамках этого проекта сотрудники Эймсовского исследовательского центра в Маунтин-Вью сосредоточат свое внимание на микроволновом излучении примерно тысячи отобранных для этого звездных источников. Это будут звезды, сходные с нашим Солнцем и находящиеся на расстоянии, не превышающем восьмидесяти световых лет от нас.

Более широкую полосу наблюдений выбрала себе Лаборатория реактивного движения в Пасадене. Ее цель — не упустить возможных сигналов с любого направления во всем небе, которые могут остаться незамеченными из-за того, что наблюдаются лишь солнцеподобные объекты.

Американское астрономическое общество в Вашингтоне поручило члену своего руководства Питеру Б. Бойсу организовать поиски звезд, которые могли оказаться «на пути» радиолокационных излучений радаров при изучении поверхностей Луны и планет. Это — на случай, если такой земной сигнал был принят далекими разумными существами, уже пославшими нам ответ. Автоматически отсеивать ложные «космические» сигналы, на самом деле принадлежащие земному источнику, предстоит аппаратуре, специально разрабатываемой теперь в Радиоастрономической обсерватории Аресибо.

Специальную компьютерную программу, которая «приучает» ЭВМ игнорировать сигналы земного происхождения, отраженные Землей, Луной или планетами Солнечной системы, создают специалисты по внегалактической астрономии в Национальном научном фонде США. Коллектив сотрудников Смитсоновской астрофизической обсерватории взял на себя пересмотр существующего списка «подозрительных» звезд, рядом с которыми в принципе могут существовать населенные планеты, чтобы отобрать среди них те, что «достойны» детального изучения.

Итак, окликнем Вселенную еще раз...

Леса, наркотики и табак

Казалось бы, что может быть между ними общего? Однако связь есть и, к сожалению, весьма печальная. В последнее время в периодической печати все чаще появляются сообщения об уничтожении в ряде стран влажных тропических лесов. Причины этого бедствия различны. Одна из них состоит в том, что на месте уничтоженного леса при сведении джунглей в бассейне Амазонки разбивают плантации кустарникового растения, из которого вырабатывается кокаин. Но сколько же земли может быть занято под это? «Мы не представляли себе, как много таких плантаций и каких огромных размеров они достигают,— сказал недавно один из старших офицеров отдела по борьбе с наркотиками федеральной полиции Бразилии.— Некоторые из них тянутся на сотни километров вплоть до границы с Колумбией».

Беда в том, что пышные тропические леса часто растут на бедных и слабых почвах. Уничтожение лесов приводит к быстрому вымыванию верхнего слоя почвы, что влечет за собой увеличение наносов в реках и высушивание земли до скальных пород, в результате чего нарушается режим водоснабжения на огромных территориях вплоть до катастрофических наводнений в сезоны дождей и страшных засух в сухой период. В конце концов столь серьезные нарушения вызывают цепную реакцию в природе: исчезает множество растений и животных, изменяется климат. А уничтожение амазонских джунглей на огромных пространствах может, как считают ученые, привести не только к местным, но и к глобальным изменениям климата.

Экологи подсчитали, что уничтожение влажных тропических лесов во всем мире происходит со скоростью 20 гектаров в минуту! Правда, виноваты в этом не только наркотики. Леса вырубаются и выжигаются фермерами под новые посевы сельскохозяйственных культур, плантации под пастбища, для строительства новых населенных пунктов, дорог, а также с целью заготовки древесины.

Но только ли джунгли страдают от хищнического уничтожения? Отнюдь. Выкуривая сигарету, вряд ли кто задумывается: во что же она обходится человечеству? А ведь для обработки листьев табака, собранных с плантации площадью 0,4 гектара, табаководы стран третьего мира сжигают древесное топливо в количестве, равном объему выросшего на этом участке леса.

Да, в развитых странах для получения достаточно высокой температуры, необходимой при просушивании табачных листьев, используют в качестве горючего нефть и газ, но во многих странах древесина пока что единственный экономически выгодный источник получения тепловой энергии.

А ведь чтобы получить табак для изготовления трехсот сигарет, необходимо сжечь целое дерево средних размеров. Разумеется, различные общественные природоохранные организации, и особенно имеющие отношение к лесным богатствам, пытаются вести борьбу с производителями табака. Но всегда ли успешно?

Еще богатая лесами Бразилия, ведущий экспортер табака среди стран третьего мира, покончила, как утверждают, с использованием дров для этой цели, но во многих других странах в угоду курящим леса продолжают уничтожать.

А. Буровский

Размышления о гимназии наших дней

В последнее время о гимназиях, лицеях, колледжах пишется много. Вот и в «Знание—сила», № 6 за 1991 год,— статья С. Смирнова «От школы — к гимназии: перестройка или возрождение?». Интересные размышления, и написаны человеком компетентным и думающим. Но, к сожалению, статья показывает только одну сторону проблемы. Ту, с которой автор лучше знаком. Много об элитных (в хорошем смысле этого слова) школах

и о том, как на их базе может то ли «возродиться», то ли снова быть построена гимназия и вообще иерархическая система народного образования, и хорошо написано, и с явным знанием дела. Но слишком много важного не проговорено. Попробую показать, что же происходит в системе «народное образование» в нашей стране. Это, конечно, только наброски, но, может быть, они помогут читателю увидеть общую картину и положить в нее частные элементы — отдельные кусочки мозаики.

Что было вначале

Если отбросить чисто конъюнктурные — то хвалебные, то, наоборот, уничижительные — оценки того, что было у нас в той навек погубленной России, и посмотреть на систему народного образования трезвым взглядом, поразит сначала невероятное разнообразие и пестрота. Типов учебных заведений несколько, и в каждом есть свои градации. Сейчас любят подчеркивать, что гимназия давала образование много лучшее, чем современная советская школа, и это несомненная правда. Но, простите, кому давала? Абсолютное большинство населения страны получало образование не в Царскосельском лицее и даже не в классической гимназии. Общество в России было сословным, и каждое сословие, пока существовало, имело свой тип учебных заведений. И ни один тип учебных заведений в старой России не был создан, «чтобы изменить общество». Более того, уважение к образованию, представление о пользе учения и о том, что страна сильна не пушками, а университетами, было феноменом сознания относительно небольшого числа людей — дворянства и среднего класса, часть которого называла себя интеллигенцией. У патриархального крестьянина ученый или инженер мог быть уважаемым человеком, но в общем-то — его «дело барское». Абсолютное большинство ребятишек из крестьянского сословия, из городских низов получало образование в церковно-приходских школах. Там они «превосходили» четыре действия арифметики, закон Божий, письмо, чтение, начатки истории и географии... Это все.

Ж.-Б. Перронно. Портрет мальчика с книгой.

Гимназии и университеты — «за спиной» далеко не всех предков нынешних россиян.

Свои учебные заведения имело духовенство — учреждения, соответствующие особой культуре этого сословия. Ведь священник — это совсем особый тип образованности и духовности. Причем нельзя сказать, «выше» он или «ниже», чем у окончившего гимназию, а затем университет. Он просто совершенно другой. Для того чтобы вырастить отца Павла Флоренского, нужен другой тип образования, чем тот, который дал миру Вернадского или Тимирязева. И духовенство такой тип учебных заведений имело.

Система в целом была антидемократична, порой жестока, но она отвечала тому, как организовано общество. Ее преимущество в естественности. Школа вырастала из общественных потребностей, и абсолютное большинство родителей оценивало ее положительно. Это касалось и крестьянина, который вовсе не стремился дать образование детям. Научившись писать и считать, они должны были включаться в производительный труд, и это воспринималось как следование естественной норме. Это касалось и петербургского интеллигента, который с помощью гимназии воспроизводил в сыне и внуке себе подобного. Общество со школой не враждовало и детей от школы не спасало. Наконец, в школе всех типов воспроизводился сословный тип культуры. Привести ребенка в культуру было не менее важно, чем «образовать» его.

Кстати, и гимназии были весьма разными, и не только по программам (мужские и женские, классические и полуклассические, да еще реальные училища...) и по уровню преподавания (столичные и провинциальные, хорошие и не очень). Они различались и по духу, и по внутренней атмосфере, в них царившей. Родители могли выбрать гимназию по вкусу, реализовав уже не сословные, а личные наклонности. Гимназическая система была живой, способной к саморазвитию, изменялась и совершенствовалась, приспосабливаясь к новым реалиям. Можно только гадать, какой была бы гимназия образца 1933 года, 1943, 1991... После тоталитарного октябрьского переворота, говоря официальным «канцеляритом», «вопрос о гимназии не стоял».

Ситуация до перестройки

Не стану в очередной раз ругать «единую трудовую», возникшую после революции, — это много раз делали до меня. Не буду и последовательно описывать эволюцию советской школы. Это тоже делали неоднократно. Обращусь к той системе народного образования, которая существовала в достаточно стабильную «доперестроечную» эпоху — с середины пятидесятых до середины восьмидесятых годов.

Начну с того, что эта школа тоже соответствовала своему обществу и исправно готовила для него «кадры». Не стоит ругать школу больше, чем общество в целом. Она была неэффективна? Да. А что, существовали эффективные социальные подсистемы? Она была жестокой? Грубой? Бездушной? А все остальное общество — оно как, жило воздушными лобзаниями? Не припоминаю... Другое дело, что школа рождалась не из общественных потребностей и представлений, а из того, что придумывала для всего народа кучка высших чиновников.

Школа была удручающе-примитивной, нет слов. Но под маской общего единообразия существовали между школами достаточно большие различия. Во-первых, в качестве образования. Сельские школы.. городские... столичные... Надеюсь, никто не станет утверждать, что обучение в них было абсолютно одинаковым. Высший слой партийного чиновничества имел свои школы, подшефные. В соответствии с официальной идеологией, против которой партийная бюрократия не могла идти, эти школы ни по программам, ни по организации внутренней жизни не отличались от других. Просто для «своих» школ отбирались преподаватели получше, нарушались многие негласные установки, да и обеспечивались они несравненно щедрее. В Красноярске это была школа № 10, шефом которой был крайком КПСС. Соответственно, к началу перестройки школьные коллективы имели самые разные перспективы для работы по собственным программам, отхода от стереотипов, обретения статуса колледжа. Неравенство школ — важнейший фактор, а о нем регулярно забывают.

А кроме того, в недрах тоталитарного строя существовали группы образованных людей, общественный статус которых давал им возможность строить свою образовательную систему. К их числу относятся и те самые физики с математиками, о которых пишет С. Смирнов, создатели математических кружков, затем — физматшкол (ФМШ). При этом он не уточнил, что организовывать ФМШ реально могли мощные научные и научно-учебные заведения, располагавшие огромными сравнительно с другими средствами (в основном — от военно-промышленного комплекса) и поддержанные партийной бюрократией.

Поскольку школой были недовольны все, любая профессиональная интеллигентская группа пыталась создать «свою» систему дополнительного образования. Ведь приходящие из школы абитуриенты вызывали ужас у преподавателей. Хочешь иметь нормальных абитуриентов — заводи систему дополнительного образования! Возникало множество кружков при Домах и Дворцах пионеров, летних школ разного типа. Чем только дети в них не занимались! Роль их в образовании и воспитании множества людей огромна. Я люблю эту неформальную, вольготную, очень приятную для души систему образования, не зря же несколько лет вел кружок археологии при Дворце пионеров... Через это и в педагогику пришел. Но — увы! Из ста, двухсот подростков, за несколько лет «прошедших» через руки педагога, поступают в университеты двое-трое. Хорошо, если пять,— это просто сказочная эффективность. А остальные? Лучше, конечно, если они будут заняты по вечерам, прочитают книжки о том, как изучают землю, поедут в экспедицию, своими руками что-то раскопают... Это много полезнее, чем шататься по подъездам. Но систематического образования эти ребята не получают и приобщаются не к культуре своего общества в целом, не к культуре сословия (в современном российском обществе тоже есть сословия), а только к культуре людей определенной профессии или группы профессий. Куда уж тут до гимназии...

В Красноярске с 1975 года работала Краевая летняя школа при университете. Создали ее потому, что ректорат приходил в ужас от качества поступавших в университет абитуриентов. Чтобы не пришлось больше учить студентов писать сочинения и складывать дроби, завели летнюю школу. У математиков и физиков при поддержке ВПК и партаппарата, конечно, были средства для организации работы, в частности, чтобы снимать на августовскую смену целый пионерский лагерь аж на триста человек. Археологи о таком размахе и мечтать не могли.

Выпускникам Краевой летней школы (КЛШ) поступление в вузы почти гарантировалось, да и трудоустройство для них не было проблемой. В результате перед школьником, попавшим в КЛШ, открывался волшебный мир, где изучение физики и математики ставит человека в совершенно особые отношения с жизнью. Многое в КЛШ вызывает симпатию — неформальный характер общения, оценка человека только по его достоинствам, интерес к личности человека, увлеченность наукой, неравнодушие к творчеству. Но — удручающая односторонность. Привлечение гуманитариев, попытки создать «эстетический цикл» в КЛШ ничего не меняют. Целью функционирования школы была и осталась подготовка физика или математика — образованного, умного, читающего книги и даже понимающего язык искусства. Но физика.

Физико-математические школы доказали свою способность готовить для поступления в МАИ, МГУ, Физико-технический институт. Но одновременно — только без обид, пожалуйста,— они блистательно доказали всю бесплодность советской образованщины.

Эти школы отбирают подростков, которые хотят и могут стать специалистами высокого класса, подготавливают их к занятиям сложным, требующим квалификации, холодности ума, отстраненности от других людей. Они выделяют ребят из когорты сверстников, создают им особые условия, не стесняясь подчеркивать их избранность. Поддерживают культ человека, который живет в ином мире, чем большинство. Такие люди необходимы и по справедливости составляют гордость нации. Но в нашей уродливой действительности ребята воспринимают свое место в жизни тоже уродливо. Как убеждены эти «элитные» отроки и отроковицы в своем превосходстве! Как они готовы решать и общественные проблемы теми же методами, что и задачки из физики! Сколько «победительных», по выражению А. И. Солженицына, лиц видно среди этих, право же, еще ничего не сделавших и ничего не заслуживших полудетей! Большего снобизма и чванства, чем в среде выпускников физматшкол, бо́льших претензий на то, чтобы быть признанными элитой, я нигде не встречал, даже среди детей дипломатов.

Чтобы создать гимназию на месте физматшколы, придется не только пересмотреть программу, но и сформировать совершенно иной дух, иную направленность учебного заведения. А захотят ли этого те, кто платит деньги и,со-

ответственно, заказывает музыку? Зачем Институту ядерной физики готовить образованных и культурных? Ему нужны способные к физике, технически талантливые.

И не забудем еще, что само появление специализированных школ и вообще всей системы дополнительного образования вызвано падением уровня преподавания в обычных школах, убожеством семейного воспитания и образования. А пока элита все с большим трудом «отделяла агнцев от козлищ», уровень школьного образования все падал, падал, падал...

Я разделяю убеждение, что в тоталитарной стране не может не происходить развал и уничтожение естественного человеческого общества. Оно и происходило, в частности в школе. Абитуриенты семидесятых годов казались бы гениями в восьмидесятые. Рано или поздно, но что-то нужно было делать.

Ситуация эпохи перестройки

В эпоху перестройки возможности абсолютно всех участников системы народного образования — учителей, директоров, местного руководства — неукосиительно возрастали. Начиная с 1990 года можно было делать практически все. Абсолютно все, без ограничений по идеологическим соображениям или из-за министерских амбиций. И к этому времени уже сказана была вся правда обо всем, включая родную, по заслугам любимую школу.

И после испытания истиной наступило испытание свободой. До сих пор всегда можно было объяснить, что, если ты не сделал чего-то, то это потому, что тебе мешали. Вот если бы волю... Воля есть — делай! И сразу выявляется трагичное, тяжелое, скрываемое от самих себя — неспособность подавляющего большинства людей к самостоятельным действиям. Не умеют, не научены. Оставшись в сиротливом безначалии свободы, ищут хозяина. Девяносто процентов педагогов сами никуда не пойдут, их придется вести. Что же касается тех, кто пытается «идти сам»,— возникло несколько направлений.

В среде педагогов, самостоятельно вырабатывавших отношение к происходящему, главенствуют три тенденции. Первую можно охарактеризовать как «улучшительную». То есть педагог не задается идеей глобального переустройства, и особых идей у него нет, но

Фото Г. Лихтаровича.

есть любовь к работе практического педагога и есть желание работать, как можно лучше. Можно все? Вот и отлично — побоку планы уроков, педсоветы и согласования. Педагог старается совершенствовать свою работу, исходя больше из здравого смысла и из личного опыта, чем из абстрактных идей. В число «улучшителей» попадают и школьные учителя, которые стараются читать книжки, перенимать опыт, использовать новые методики, строить отношения с учениками на более демократичных основаниях, и люди из академической среды, которые вовсю начали усовершенствовать систему дополнительного образования. Например, иркутские археологи за 1988—1989 годы создали при Областной станции юных туристов отличную систему работы с юными археологами. В Красноярске Дворец пионеров (теперь, впрочем, он называется как-то иначе), краеведческий музей и автор сих строк пытаются создать Школу юного краеведа. Из КЛШ выделились новые летние школы, со своими идеями. В доперестроечную эпоху такие начинания встретили бы ожесточенное сопротивление и, скорее всего, разбились бы о массу бюрократических пре-

Фото В. Инсера. «Математики».

пон. Сейчас можно. И ничего плохого во всех начинаниях такого рода нет. Но конечно же, созданием новой системы народного образования здесь и не пахнет.

Вторая тенденция — это тенденция концептуалистов. У человека есть идея новой школы, стоящей на особых философских и психолого-педагогических основаниях. Он получает возможность реализовать эту идею хотя бы в порядке эксперимента. И в Эстонии возникают так называемые Вальдорфские школы, идеология которых разработана Р. Штейнером еще в начале нашего столетия. Существует набирающее силу движение Школы диалога культур. Автор настоящей статьи — тоже автор концепции альтернативной школы, ноосферной. Концептуализм в педагогике — направление необычайно интересное и перспективное. Но ведь очевидно, что не только все, но и многие школы не станут альтернативными.

И наконец, самые решительные планы переустройства школы вынашены в той же среде, часто даже в том же кругу лиц, что и физматшколы. В среде адептов точных наук, создателей наиболее мощных структур дополнительного образования. Часть из них в эпоху перестройки пошла в «улучшители», а часть выносила грандиозные, поистине наполеоновские планы. Но вот беда, они взросли в среде людей, чудовищно невежественных в сфере гуманитарных наук, убежденных, что знаний в области наук точных достаточно для решения и всех проблем гуманитариев. Именно эта среда одарила человечество «открытием» того, что... Древнего Востока и античности никогда не было, а сочинения античных ученых и философов написаны в эпоху Возрождения специально, чтобы было, что возрождать. Из той же серии известия о том, что Римская империя погибла из-за свинцовой посуды, а Баальбекская терраса построена космическими пришельцами. Это было бы забавно, и только, если бы люди с таким уровнем общей культуры не брались бы учить детей.

Гимназия, где ты?

Как видит читатель, зародыша гимназии нет ни в одном из направлений. Да и серьезной концепции народного образования, похоже, вообще не существует. Сейчас многие школы получили статусы лицеев и гимназий. Но так же, как от произнесения слова «халва» не становится слаще во рту, от произнесения этих слов советские школы не становятся гимназиями. Есть, конечно, школы с бо́льшим, чем у других, интеллектуальным потенциалом. Есть альтернативные школы самого разного направления. Если всем им дать возможность нормально развиваться, расти и множиться, со временем возникнет слой учебных заведений, дающих не менее качественное образование, чем некогда гимназия, причем более разнообразными способами и вводящими в разные пласты культуры. Будет ли это возрождением старого? Вряд ли...

Гимназия в старой России была окружена морем менее совершенных учебных заведений, но тоже вводящих в культуру, культуру основной массы населения. И даже этот разрыв между европеизированной городской средой и массой патриархального крестьянства привел к чудовищной люмпенизации населения, неспособности объединяться для решения общих задач и как следствие — к чудовищному взрыву. А ведь сейчас кучка элитных заведений, охватывающая меньший процент детей, чем гимназии в 1913 году, окружена морем школ, не дающих (давайте посмотрим правде в глаза) вообще никакого систематического образования. Хуже и страшнее — морем агрессивных, завистливых и все более дичающих людей. Невольно возникает опасение, что уже с нынешним поколением школьников необходимо хоть что-то сделать, иначе ростки культуры будут сметены, пусть не сейчас, пусть позже — какая разница?

Говоря откровенно, я не вижу реальных путей выхода из этого положения. Срочно расширять и тиражировать все, что есть? Но, простите, кто будет тиражировать? Если делать это спешно и масштабно — воспроизводить методики, скажем, Вальдорфских школ, ничего путного не произойдет. Будет восприниматься методика без культуры, без личного принятия идей, положенных в основу.

Из отечественных инноваций пошло в массовое производство одно — теория развивающего обучения, созданная академиком В. В. Давыдовым. Это интересная идея, но она встречает серьезные возражения специалистов. «Развивается» только логика, интеллект, структурно-системные представления и навыки. То есть развивается не вся личность человека, не все структуры сознания и подсознания, а совершенно определенная часть, в сторону которой и так современное образование дает перекос. Но именно благодаря этой частичности развивающее обучение легко технологизировать и внедрять от Бреста до Камчатки. Автор, правда, сам не стремится к такому тиражированию, считает, что школ развивающего обучения следует завести немного, сначала посмотреть, что же в них происходит, а там уже принимать решения. Но времени, конечно же, нет! Может, нарисованная картина смотрится мрачновато, тем более, что я не предлагаю никакой альтернативы — «вот если сделаем так, то и беды не будет...» В том-то и дело, что без очень сильного, кардинального изменения дел в народном образовании беда обязательно будет. А изменить что-либо практически невероятно трудно.

Единственная надежда, на мой взгляд, это надежда на самих учителей. Как ни парадоксально, на тех самых «улучшителей», которые не создают теорий и концепций и не пытаются «управлять» естественными процессами. Они просто живут и работают, руководствуясь опытом и здравым смыслом, принимая из создаваемого учеными и внедряемого начальством то, что им больше подходит. Сейчас можно вести себя достаточно независимо. Если это и продлится достаточно долго, возникнет много школ и много учителей, которые реально изменят положение в лучшую сторону. Опыт убеждает меня, что российский учитель — просто замученный человек, за которого вечно решают другие. А если не будут решать, он сможет создать что-то для себя, просто чтобы работалось интереснее. По крайней мере, молодые точно будут создавать. И тогда силою естественных причин то самое море неэлитных школ начнет все в большей степени становиться морем разных и все улучшающихся по содержанию образования и по царящему в них духу. Собственно, этот процесс уже идет.

Наверное, моя позиция удивит многих. Но попытки «управлять» естественными процессами вызывают у меня такое же органическое неприятие, как и попытки «преобразовывать природу» по сталинскому плану. И по той же причине. Убить в зародыше самостоятельность, самодеятельность учительства пока несложно. Захочет ли новое руководство российских структур народного образования «отпускать вожжи» и дальше или начнет «управлять» процессами? Поживем — увидим. Перемены необходимы, и очень хочется увидеть их ростки. ●

ВО ВСЕМ МИРЕ

Это полезно!

Немецкий врач М. Фокс утверждает, что ласкать кошек и собак очень полезно. Физиологические исследования показали, что у человека, привыкшего ласкать своих домашних любимцев, уменьшается частота пульса, расслабляются мускулы и улучшается пищеварение.

Долг платежом красен

Оригинальный способ погашения внешнего государственного долга применили в Боливии. Здесь на участках, занимаемых тропическими лесами, в счет погашения внешнего государственного долга было учреждено три заповедника общей площадью около полутора миллионов гектаров. Все они находятся по соседству с существующим биосферным заповедником Бени, в котором обитает пятьсот видов птиц и тринадцать из восемнадцати видов животных, находящихся под угрозой исчезновения. Кроме того, здесь произрастает больше видов деревьев, чем во всей Северной Америке.

Этот уникальный случай выплаты государственного долга натурой подготовлен к осуществлению Международной организацией охраны природы США и ее филиалом в Боливии. Они выкупили боливийский банковский долг по цене ниже номинальной стоимости, использовав средства из фонда США. «Конечно, такой обмен лишь частично сократит огромный долг Боливии, но в то же время в какой-то степени будет стимулировать ее экономическое восстановление, а главное — даст боливийцам возможность обеспечить защиту бесценного природного наследия,— говорит Барбара Брамбл, руководитель международной программы Национальной федерации по охране природы США.— Мы надеемся, что это лишь первое из многих последующих подобных соглашений, имеющих двойную цель: защиту природы и поддержку экономического уровня страны».

И. Вайсбанд

Что это такое — «Хороший коллектив»?

Скажи мне, кто твои подчиненные...

Бумы и депрессии в экономике, подъемы и спады общественной, политической, революционной активности, рождение и гибель государств, империй — что их объединяет? Видимо, то, что людям здесь принадлежит далеко не последняя роль. Судьбы организаций в этом смысле не исключение. Они так же не поддаются каким-либо научным предсказаниям, объясняются задним числом и методом правдоподобных рассуждений. Очевидно, мы не знаем чего-то очень важного о природе человека как социальной единицы, о природе взаимодействия людей. Возможно, ключ к подобным явлениям дает соционика.*

В сущности всякая организация представляет собой еще и машину по обработке информации. Разумеется, в этом нет никакого открытия, и с таких позиций организации изучались уже не раз, но термин «информация» понимался, как правило, в довольно узком смысле — деловые, количественные сведения о числе выпущенных деталей, отработанных часов и т. п. Все «человеческие» феномены — ответственность, солидарность, творчество, энтузиазм — обычно исследовались в рамках гуманитарных, конкретных социологических подходов, а то и вообще никак не изучались.

Работа в области «конструктивной соционики коллективов» находится в стадии первоначального накопления капитала. Но уже сейчас она позволяет быстро обнаруживать грубые ошибки и их последствия.

Для разных стадий развития коллектива характерны разные трудности и ошибки, но для первого этапа они обычно связаны со случайным подбором людей. Правда, подобные сложности не всегда сопряжены с созданием нового коллектива.

Однажды, выполняя консультирование строительного треста в чужом городе, мы нашли управленческую команду, великолепно развернутую на ДОНа. Там было множество ДЮМов, ВИКов, несколько РОБов, а также парочка ТИРов и ГАЛов (хороший руководитель обязательно держит возле себя заказчиков и подзаказных). Но руководителем треста был ЛОН. Обнаружив это только дома при обработке материалов, я бросился звонить в тот город. «Как, разве вы не знаете? Была такая трагедия! Этот директор работает здесь всего полгода. А раньше был другой, которого все очень любили (намек, что этого не любят?), но он застрелился». Трест сильно лихорадило. Объясняли это тем, что трудно стало доставать материалы, что их начали закупать за счет каких-то особых фондов, что это удорожило строительство и т. д., и т. п. Нам же стало совершенно ясно: дело вовсе не в «объективных» причинах. И управляющий чувствовал это, почему и пригласил консультантов-соционистов, а не, скажем, экономистов. Ведь все дуалы и активаторы его предшественника приходились ему конфликтерами и суперэго[1].

Что мы могли посоветовать? Казалось бы, разница невелика: старый директор был интуитивно-логическим экстравертом, новый — логико-интуитивным экстравертом, но, увы, чтобы создать благоприятные условия для работы назначенного руководителя, следовало разогнать практически весь старый трест и набирать сотрудников с нуля. Ошибку совершили те, кто поставил во главе нового директора. Но можно ли говорить здесь об ошибке, когда соционику пока не проходят в школе, да и вообще мало кто о ней знает?

Кстати, это далеко не единственный случай определения типа умершего человека. Писатель, ученый оставляют свои книги, мастер, художник — произведения, мать — детей. Но в нашей практике то был только второй случай, когда тип человека можно было определить по созданной им организации. Первым был Сталин.

* Продолжение. Начало см. в №№ 1, 3, 4, 5—7, 8, 9.

[1] Таблица интертипных отношений, поясняющая, что означают эти и другие термины, опубликована в предыдущем номере журнала.

Каким быть заместителю?

Еще только подъезжая к территории одного подмосковного завода, мы поняли, что такая захламленность может быть только у директора интуитивного. Зато пройдясь с ним по территории, мы заметили, что он здоровается за руку чуть ли не с каждым встречным, и все отвечают ему доверием и дружбой. Перед нами, несомненно, был ГЕК. Он много и приветливо общался с самыми разными людьми, обсуждал любые идеи, но как только разговор приобретал конкретно деловой характер, начинал пронзительным голосом звать свою заместительницу — ГБНа. Заместительница подходила, присаживалась куда-нибудь на подлокотник кресла и почти ничего не говорила, но все проблемы при этом как-то сами собой решались быстро и по-деловому.

Организация, где у руководителя нет дуала,— вообще не организация, а одна вывеска. Очень часто имя великого человека — всего лишь сокращение, за которым прячется пара. И именно ей, паре, по-настоящему принадлежит заслуга успешных действий. Рузвельт и Гопкинс, Вильгельм и Бисмарк, Гинденбург и Людендорф... В последнем случае историки склонны даже полностью приписывать честь победы в знаменитой операции при Танненберге (окружение и разгром армии Самсонова в Восточной Пруссии) талантливому Людендорфу.

Показывая дом, где находилась в то время штаб-квартира Гинденбурга, один из офицеров разъяснял: «Вот это спальня. Здесь спал знаменитый полководец перед битвой при Танненберге, после битвы при Танненберге и — это между нами — во время битвы при Танненберге». Биография Гинденбурга пестрит фразами типа: «Через два дня после своего назначения на пост начальника ОХЛ... 31 августа 1916 года, Гинденбург все же вынужден был отложить охоту на оленя из-за важного совещания». Однако кроме страсти ко сну, охоте и хорошей кухне (столь естественной для ДЮМа), Гинденбург обладал, по крайней мере, одним ценным качеством: он умел найти талантливого человека, на которого мог взвалить все дела, оставив себе только представительство.

Империи рушатся не потому, что императоры лишены талантов, а из-за их неумения подбирать себе талантливых министров.

От чего зависит успех руководителя?

Подыскав хорошего дуала и опираясь на его помощь, руководитель может переходить (и обычно переходит) к сколачиванию ядра управленческой команды. В него, как правило, входят представители всех четырех типов собственной квадры руководителя, типов его заказчика и подзаказного[1]. И здесь очень важно, какова родительская квадра руководителя. Если родители принадлежат к иной квадре, чем он сам, то и ядро управленческой команды окажется в основном двухквадровым. Трения и конфликты внутри такого ядра приведут к серьезным разногласиям. В итоге останутся те, чьи семьи также носят двухквадровый характер, и именно из этих квадр.

Всем известно, в каких мучительных передрягах выкристаллизовывается работоспособный коллектив. Поэтому и ценится хорошая команда очень дорого.

Правительство Франции в 1940 году формировалось из политиков, на дух не переносивших друг друга: каждый из них приглашался лишь ради привлечения голосов его сторонников. Это правительство и привело Францию к катастрофе.

Наиболее подходящей кандидатурой для того, чтобы возглавить форсирование Ла-Манша и высадку союзников во Франции в 1944 году, президент Рузвельт считал генерала Маршалла (последний имел огромные заслуги в организации войны). «Немногие американцы, за исключением военных профессионалов, знают имя начальника штаба в Гражданской войне»,— говорил Рузвельт, намекая на то, что нынешний начальник генштаба должен получить заслуженный им шанс войти в историю. Однако командующие ВМС, ВВС и другими видами вооруженных сил США резко выступили против такого решения. Они мотивировали это тем, что уже хорошо сработались с Маршаллом и его замена другим в самый ответственный период может иметь пагубные последствия для дальнейших военных действий запад-

[1] Квадра — четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего.

ных союзников. Умный Рузвельт счел подобный аргумент достаточно весомым. Командующим в Лондон поехал Эйзенхауэр, который и в самом деле снискал там популярность, а впоследствии восемь лет был президентом США.

Легко представить, что бы произошло, если бы деликатные проблемы формирования команды решали путем голосования две тысячи человек. В конституциях многих стран предусмотрены выборы президента, но не его сотрудников. Их он должен подбирать себе сам.

Подбор партнеров, формирование коллектива — довольно трудное дело. В общем случае для отдыха лучше подходят дуалы, активаторы и вообще члены своей квадры. На работе же это правило сохраняется для микроколлективов, но для решения сколько-нибудь серьезных задач становятся необходимыми и другие отношения — прежде всего по цепям социального заказа.

У хорошего, сильного руководителя в управленческой команде есть представители всех четырех квадр, но не любые, а определенным образом подобранные под него типы. Правда, его собственная квадра практически всегда доминирует. Естественно, это происходит стихийно: одни приходят, другие увольняются...

Выходит, успехи на работе зависят не только от вашего профессионализма, трудолюбия, но и от соотношения вашего типа с типом начальника? Безусловно. Даже небольшое предприятие не будет нормально функционировать, если не учитывать, пусть интуитивно, соционический тип сотрудников, хотя каждый из них по отдельности может быть отличным специалистом.

Как избежать катастрофы?

Если в нормальных условиях в группе рождается конфликт, это неприятно. Если он возникает в экстремальных условиях, возможна катастрофа. Как избежать ее? Ответ очевиден: надо правильно подбирать группу. Методы, позволяющие делать это, пока лишь разрабатываются. Вот несколько первых рекомендаций.

Прежде всего нужно уравновесить приблизительно состав группы по следующим четырем признакам.

1. Экстравертность — интровертность. Экстраверты общительны, инициативны, прямодушны и откровенны. Группа, собранная из одних экстравертов, будет нестабильна: они не очень дорожат сложившимися отношениями, поскольку легко заводят новые. Интроверты скромны, непоколебимы в исполнении своего долга, они цементируют коллектив, потому что дорожат им. Группа из одних интровертов лишена инициативы, она быстро закоснеет и перестанет развиваться.

2. Рассудочность — эмоциональность. Избыток эмоциональных сделает группу бестолковой и неуправляемой в критических ситуациях. Доминирование рассудочных лишит живого человеческого общения и взаимопонимания при достижении цели.

3. Интуитивность — сенсорность. Интуитивные склонны к абстрактному, теоретическому мышлению, скорее стратеги, чем тактики. Сенсорики постоянно включены в ситуацию, мыслят конкретно, реагируют оперативно. Доминирование сенсориков приземляет группу, вносит высокую напряженность из-за присущего им упрямства и стремления все спорные вопросы решать немедленно. Интуитивные смягчают конфликты, видя их более объективно. Слишком большое их влияние приводит к расслабленности, демобилизации группы.

4. Рациональность — иррациональность. Рациональные склонны планировать свои действия и эти планы стремятся выполнять. Однако им трудно приспособиться к быстро меняющейся обстановке, заставляющей часто отказываться от одних планов и принимать другие. Иррациональные импульсивны, лучше приспосабливаются к переменам обстоятельств, но нередко непоследовательны.

Условием здоровья и работоспособности коллектива является достижение в нем определенного единства мнений, например о целях, организационной структуре коллектива, о том, что есть добро и зло и т. д. То есть созданием в группе определенного самосознания.

Но здесь я вынужден остановиться, ибо дальнейшие рекомендации могут незаметно перейти в общие рассуждения. А они, как правило, мало пригодны для решения конкретных проблем. Увы, готовых рецептов преодоления трудностей нет и быть не может. Любой коллектив, как и человек, индивидуален, а потому в каждом случае требует особого подхода. Лучше всего, если при формировании группы сотрудников руководитель просто обратится к помощи соционнков. Думается, это будет самым надежным способом достичь желаемого — создать не только сплоченный, но и работающий коллектив, причем работающий эффективно. ●

Патрик. Портал Лондонской галереи. «Битлы».

Ваша страна находится на пути к созданию новой профессии — профессии социальных работников. В такие минуты крайне важно определить поточнее характер и новизну того, о чем идет речь. Иначе под новой вывеской проскользнут обветшалые и обанкротившиеся взгляды, привычки и лица, а останутся новыми только слова. Изучение новшеств Запада надо связать также с тем, о чем шел крупный разговор в последние годы у вас. А в эти годы в СССР особенно много говорилось и спорилось о милосердии. Слово это так и не утратило новизны, слишком долгим сроком оказались десятилетия, когда не только деятельность в этом направлении, но и сама идея милосердия были преданы забвению или попирались. Но обсуждая эту тему, часто забывали об очень важном: помогать надо уметь. Милосердие должно быть эффективным, иначе благородное стремление может остаться безрезультатным или, хуже того, обернуться грубым вмешательством в жизнь человека, осложнить и без того тяжелое положение. Недостаточно только желать или даже действовать в этом направлении. Чтобы помочь, нужно понимать людей и предвидеть возможную реакцию на помощь. Речь должна идти о продуманной и отработанной системе эффективных действий.

Теодор Шанин

Милосердие и умение: социальный работник — новая профессия

Шуламит Рамон,
доктор социальной работы Лондонской школы экономических и политических наук (LSE).
Теодор Шанин,
профессор социологии Манчестерского университета

В нынешнем столетии в Западной Европе, США и некоторых других странах возникла особая гуманитарная профессия — социальный работник. Она сравнительно недавно появилась, но уже стала неотъемлемой частью повседневной жизни. Без учета деятельности социальных работников не обходятся ни программы социального развития, ни социальная политика государства. Например, в Великобритании сейчас насчитывается свыше пятидесяти тысяч людей такой профессии, и число их растет. И, конечно, не случайно.

В странах бывшего Советского Союза такой профессии нет. Однако, кажется, нужда в ней огромна. Именно поэтому мы и взялись написать об этой профессии для вас.

Особым толчком для распространения и развития профессии социальный работник в странах Западной Европы послужило укоренение понятий и законов «государства благоденствия» (Welfare state) в сороковых — шестидесятых годах. Эти взгляды и законы определили и объединили в систему права всех граждан на образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, помощь в случае инвалидности, пособия по безработице и так далее. И вот именно в это время, когда демократия одержала одну из самых своих значительных побед, стало ясно, что даже лучшие законы о правах и помощи не дают результатов.

А с другой стороны, всегда было совершенно очевидно, что люди порой сталкиваются с проблемами, которые не могут решить ни они сами, ни члены их семей, ни друзья, ни просто доброжелательные чиновники. Вот где возникает необходимость в «социальной работе» и в социальных работниках!

Суть социальной работы

Что же все-таки конкретно должен делать социальный работник, к чему стремиться?

Прежде всего пытаться повысить степень самостоятельности клиентов, их способность контролировать свою жизнь и самому решать возникающие проблемы. Далее создавать условия, в которых клиенты могут в максимальной мере проявить свои возможности и получить все, что им положено по закону. И, может быть, главное — создавать условия, при которых человек, несмотря на физическое увечье, душевный срыв или жизненный кризис, может жить, сохраняя чувство собственного достоинства и уважение к себе со стороны окружающих. И как конечная цель — достижение такого результата, когда необходимость в социальном работнике отпадает...

Чтобы добиваться в такой, прямо скажем, нестандартной работе хороших результатов, нужны особые взаимоотношения между социальным работником и клиентом. Это совсем не то, что в магазине между покупателем и продавцом. И это не разновидность дружбы. Но и не типичные отношения с чиновниками. Тогда что же? Думаем, это отношения доверия. Когда человек знает, что его выслушают, поймут, помогут. Одно это уже может сильно улучшить ситуацию и склонить к принятию правильного решения.

Важна, конечно, и позиция обычного посредничества. Быть посредником значит объяснять интересы и взгляды одной стороны другой стороне, клиентам, семьям, чиновникам, представителям других профессий, часто находясь «между двух огней», с упреками и обвинениями в предвзятости с разных сторон. Это привело, кстати, к созданию специфического стиля мышления социальных работников и особого языка, способного отразить взгляды разных сторон. С помощью этого языка можно объяснить, например, настоящее не как результат чьей-то вины, а как определенное испытание, которое человек должен преодолеть, ибо у него возможности изменить условия своего существования имеются в потенции. Посредничество предполагает, что большинство клиентов обращается за помощью лишь после того, как в течение длительного времени они находились в трудной ситуации и не могли ее разрешить. И тогда социальный работник часто просто координирует усилия представителей разных профессий.

Профессиональная подготовка

Чем больше развивалась социальная работа, тем становилось яснее, что профессиональными методами можно достичь гораздо большего эффекта, чем оказывая помощь традиционно бюрократическим путем. Что это за методы и как стать профессиональным социальным работником?

Чтобы стать им, недостаточно иметь доброе сердце, «понимание жизни» и здравый смысл. Надо обладать особыми профессиональными знаниями и опытом.

Социальной работе обучают в основном в высших учебных заведениях. Курс включает теорию и практику этого дела, а также психологию, социологию, экономику, вопросы социальной политики и законодательства и методологию исследований.

Теоретическая подготовка включает несколько категорий вопросов. Во-первых, комплекс знаний о развитии человека: детей, подростков, взрослых, людей пожилого возраста. Далее — особенности разных групп с учетом пола, социальной принадлежности, этнического происхождения. Например, на Карибских островах очень много незамужних матерей, которые, уходя на работу, оставляют своих детей на попечение бабушек, в доме которых продолжают жить, как и жили до рождения ребенка. Это продолжается и у выходцев с этих островов, осевших в Англии. А по британским понятиям быть не замужем и к тому же оставлять ребенка пусть даже и на чье-либо попечение, значит быть плохой матерью. А этого уже достаточно, чтобы вмешаться социальной службе. Важно, чтобы социальные работники сумели проявить широту взглядов и были свободны от предрассудков, сталкиваясь с необычными для их общества формами культуры. Поэтому так важно изучение сравнительных этнологии и социологии.

Очень важным в подготовке социальных работников считается изучение причин,

Фото С. Феофалакова.

способных изменить поведение людей, изучение ситуации, когда человек перенес тяжелую потерю, и реакции человека на нее. Опыт исследований показывает, что потери оставляют неизгладимый след в каждом человеке, хотя в большинстве случаев люди продолжают работать и могут не выражать свои чувства. Вообще любое изменение ведет к отказу от чего-то и к переходу от известного к неизвестному, к реакциям памяти и механизма самозащиты, которые могут быть полезны, но могут нанести и вред. Пережитое потрясение всегда ведет к кризису. Но важно знать, что такой кризис может послужить поворотом к лучшему, к «взрослению».

На факультетах социальной работы изучается, конечно, социология, чтобы понимать структуру общества, его институты. Но главный акцент делается на изучение психологии во всех ее аспектах, включая исторические, экономические и культурные. И это понятно. И конечно, требуется знание законодательства. Почему? Например, недавно в Великобритании было введено законодательство, по которому социальные работники психиатрических больниц обязаны встретиться с каждым человеком, направляемым на принудительное лечение, а затем он и врач должны вместе принять решение по этому вопросу. Без этого никто не может быть помещен в психиатрическую клинику.

Высокий профессионализм важен всегда, это — трюизм. Но в социальной работе он особенно важен. И думаем, это понятно. От решений социальных работников часто зависят судьбы людей, буквально — их жизнь. И характер работы таков, что ее результаты не могут быть предсказаны с полной определенностью.

Но как определить эффективность социальной работы? И что это за работа?

С., мужчина 55 лет, недавно перенес инсульт; он пока находится в больнице, но врачи предполагают скорое выздоровление. Врач направил его к социальному работнику, потому что пациент беспокоится о том, как сложатся отношения в семье.

Социальный работник выслушивает его, обещает поговорить с его женой и узнать, нужна ли помощь в первое время и, в частности, небольшая финансовая поддержка.

Фото А. Кане.

Кроме того, он поощряет клиента рассказывать о том, что с ним произошло, о больнице, о чувстве зависимости от других людей, о страхе остаться инвалидом, лишиться работы и потерять самоуважение. Из разговоров ясно, что клиент постоянно думает об этом, но ему трудно говорить про это с женой, так как он не хочет еще больше расстроить ее. Он также не хочет ничего обсуждать с медицинским персоналом, потому что в его представлении это не входит в их задачу, и он не хочет им докучать личными проблемами. И вот социальный работник начинает обсуждать проблему с клиентом, а также с необходимыми специалистами физической и психической реабилитации. Кроме того, он первое время поддерживает связь со всей семьей.

Р., женщина сорока трех лет, мать ребенка, которого недавно исключили из школы за плохую дисциплину. Она сама обращается к социальному работнику, ожидая, что ее обвинят в том, что она плохая мать. Вместо этого он дает ей возможность поделиться своими трудностями, рассказать о том, как она их понимает, расспрашивает о ее пожеланиях. Социальный работник предлагает, чтобы мать, ребенок и его отец, который не живет с ними, но регулярно навещает мальчика, провели несколько встреч в присутствии социального работника, чтобы обсудить, как совместными усилиями выйти из положения. Социальный работник также обещает поговорить с директором школы. И говорит с ним.

Т., мужчина сорока пяти лет, провел последние пять лет в психиатрической больнице. По заключению врачей, он может вернуться к нормальной жизни. Социальный работник регулярно обсуждает с ним, где ему жить, так как его семья не готова к его возвращению. Он едет с клиентом к хозяйке, сдающей жилплощадь, где он мог бы жить, получив работу через бюро трудоустройства для инвалидов. Навещает его регулярно.

В., ей сорок лет, она только что отбыла год в заключении. Социальный работник из добровольного агентства, поддерживающего бывших заключенных, связал ее с группой женщин, находящихся в подобном положении, и нашел ей работу в доме

престарелых, где она может жить бесплатно и работать сначала на добровольных началах, а потом получить работу оплачиваемую.

Эти примеры можно продолжать бесконечно, все они разные, но выявляют одну общую сущность этой нелегкой работы. Повторим еще раз: социальные работники добиваются такой реабилитации состояния человека и его отношений с окружающими, когда он может жить жизнью, которую выбрал, самостоятельно справляясь с проблемами и трудностями, встающими на его пути. Сами клиенты более всего ценят моральную поддержку, материальная отходит на второй план. Конечно, не всегда бывает полная победа. Иногда удается достичь частичных результатов. Иногда это вообще не удается, и причины тут могут быть разные — объективные условия, особенности характера клиента, недостаточно высокая квалификация социального работника.

Людей этих, одержимых и увлеченных, можно найти в больницах, местах заключения, домах для престарелых, детских домах, школах, особых отделениях для работы с неблагополучными семьями. Они работают с инвалидами и ветеранами войны, с инвалидами труда, матерями-одиночками, с отстающими в школе детьми, с людьми, у которых произошло обострение душевного заболевания, с бывшими преступниками. Словом, со всеми, кому срочно нужна помощь.

Как эти люди работают? Все по-разному. Кроме того, во многом метод социальной работы определяется спецификой, особенностью характера клиента и его семьи или группы людей, объединенных по различным признакам: территориальная общность, близость проблем, этническое происхождение, возраст и так далее.

Но существуют и различные возможные методы социальной работы, связанные с разными теоретическими подходами. И, наконец, особенности социальной работы в разных странах зависят и от различий организационных структур в этих странах. Например, в Великобритании большинство социальных работников работает в местных городских и сельских советах, в отделах индивидуальных услуг населению. Эти отделы были созданы еще в 1972 году. Кроме них, там работают и чиновники, занимающиеся вопросами жилья, сотрудники, предоставляющие бытовые услуги населению, и специалисты по лечебной гимнастике и массажу. Социальные работники здесь в меньшинстве, это более квалифицированная и дорогостоящая рабочая сила. Они организованы в группы по 6—10 человек, и каждая несет ответственность за свой микрорайон.

В других странах социальные работники группируются не по «территориальному», а по «отраслевому» признаку и делятся на больничные, психиатрические, детские и другие группы. Сейчас и в Великобритании переходят от групп общего профиля к специализированным группам.

В последнее время становится больше социальных работников в добровольных организациях Великобритании. Обычно они невелики, меньше, чем государственные структуры, менее скованы бюрократическими рамками и потому более склонны экспериментировать. Однако, как бы по-разному ни была организована социальная работа, очень важным моментом в ней является объединение усилий. Социальные работники входят в межпрофессиональные группы, где вместе с врачами, учителями, судьями, психологами и людьми других гуманитарных профессий комплексно решают проблемы клиентов. Ведь четкой границы между функциями этих «братских» профессий нет, и часто они взаимодополняют или даже частично заменяют друг друга.

В Советском Союзе, думаем, значительно легче было бы справляться с трудностями, если бы существовали и действовали социальные работники в нашем понимании термина. И не только с трудностями легче было бы справляться. Например, новый закон о социальной защищенности инвалидов в СССР от 11 декабря 1990 года содержит много правильных и необходимых положений об обеспечении материальных нужд, о государственном финансировании, об обязанностях местных органов и о реабилитационных центрах. В законе сказано, что всем этим должны заниматься государственные органы. Не означает ли это, что дело поведут чиновники общего профиля? Даже в том случае, если они честно исполнят закон и распоряжения «сверху», они пропустят меж пальцев часть средств и многих людей. Это совершенно очевидно. И вот здесь-то незаменимыми могли бы оказаться люди, профессионально владеющие личностным подходом и занятые «малым счетом», единственно применимым к человеческой индивидуальности.

«Вход» советского общества в «общий европейский дом» должен быть естественно связан с развитием в этой стране и этой профессии с ее целями, знаниями, умениями, с ее «кодексом чести» и практической этикой человеческих отношений и гражданских прав. ●

М. Барышников

Последний дворцовый заговор в России

Накануне своего падения династия Романовых, как это ни парадоксально, имела реальный шанс сохранить власть. Каким образом? Попробуем разобраться.

Последние два года правления Николая II были богаты игрой «темных сил» при дворе, религиозными страстями, интригами вокруг министерских постов. Однако мы обратим свое внимание на деятельность небольшой группы лиц, вошедших в историю своей попыткой подготовить зимой 1916—1917 годов дворцовый переворот. Наиболее известной и яркой фигурой среди заговорщиков был Александр Иванович Гучков, в прошлом председатель III Государственной думы, а в годы мировой войны — член Государственного совета и председатель Центрального военно-промышленного комитета.

В свое время этот человек не нуждался в рекламе. Его имя было у всех на слуху. Он родился в октябре 1862 года в московской купеческой семье, получил блестящее даже для своего времени образование — историко-филологический факультет Московского университета, затем изучение истории, экономических и государственно-правовых наук в Берлинском, Венском и Тюбингенском университетах. Без этого не возникла бы, очевидно, его программа «обновления» России. Он писал, вспоминая о том периоде своей жизни: «...В упорной, последовательной, смелой и в то же время не отрывающейся от исторической почвы и национальных традиций реформаторской политике, какой являлась политика Англии и Германии во второй половине XIX столетия, я искал поучительных примеров и путеводных маяков, которые помогли бы нам в наших поисках путей к обновлению нашей Родины».

Восьмидесятые—девяностые годы — время для Гучкова романтическое, насыщенное приключениями. Он хочет закалить, испытать себя и бросается то в Турцию, спасая армян от резни, то в Маньчжурию, преследуя контрабандистов и разбойников, то отправляется путешествовать по религиозным центрам Тибета, а потом участвует в войне буров против англичан на юге Африки, борется в Македонии на стороне восставших против турецкого ига. Куда только не заносит его судьба, а вернее, характер, стремление проявить свои силы и способности в экстремальных ситуациях и проверить, чего стóишь!

Его политические взгляды в первое десятилетие XX века уже сложились. Позднее, в эмиграции, он назовет их «либеральным торизмом». В соответствии с английским образцом «либеральный торизм» предполагал замену самодержавно-бюрократического режима в России наследственной конституционной монархией. При этом монарх наделялся

«Союз 17 октября» — либерально-консервативная партия правоцентристского толка, выступавшая за упразднение неограниченного самодержавия и переход к государственному устройству в форме конституционной монархии. Отстаивала идею последовательных буржуазных реформ «сверху», включая утверждение гражданского равноправия и правовых норм в жизни общества, содействие быстрейшему подъему производительных сил страны и прежде всего в сельском хозяйстве (путем ликвидации общинного землевладения и поощрения развития хозяйств крестьян - единоличников). В отличие от кадетов отрицала возможность введения в России парламентского строя, считая его неприемлемым не только с исторической, но и с политической точки зрения. Будучи партией парламентского типа в современном понимании, ориентировалась прежде всего на предвыборные кампании и непосредственную работу в Государственной думе. Одной из главных своих задач считала политическое противодействие «крайним» партиям, «дабы не дать им захватить в свои руки власть, не дать им возможность путем смуты и революций разорить Россию, расчленить ее на отдельные государства, превратить ее в республику, уничтожить в ней устои собственности и производить над ней опыты несбыточных социалистических идей.

Среди основателей «Союза 17 октября» — А. И. Гучков,

Д. Н. Шипов, граф П. А. Гейден. Партию поддерживали академик архитектуры Л. Н. Бенуа, физиолог И. П. Павлов, художник А. И. Куинджи, историк С. Ф. Платонов, академик М. П. Боткин, литератор Л. Л. Толстой (сын Л. Н. Толстого) и другие видные представители русской интеллигенции.

Из показаний А. И. Гучкова чрезвычайной комиссии Временного правительства: начало освободительного движения в России вызвало, к сожалению, неоправдавшиеся надежды, «что мы станем на путь неизбежной эволюции, на путь широких, смелых и честных реформ, которые выведут нас на те культурные пути государственного и социального строительства, на которых стоят и движутся все наши западноевропейские соседи.

Александр Михайлович — великий князь (1866—1933). С 1885 года служил на флоте. В 1902—1905 годах — Главный управляющий торговым мореплаванием и портами. Способствовал в России военной авиации, в частности учреждению в России военной авиационной школы в Крыму. Вице-адмирал с 1909 года. В 1914 году — заведующий организацией авиационного дела в армиях, с декабря 1916 года — генерал-инспектор военного воздушного флота. Уволен от службы 22 марта 1917 года. Умер в эмиграции.

правом участвовать как в законодательной деятельности, так и в исполнительной. По мысли Гучкова, двухпалатное народное представительство — Государственная дума (нижняя палата) и Государственный совет (верхняя) — совместно с монархом должны были творить законы. Именно в конституционной монархии он видел ту необходимую политическую форму, которая обеспечит полное и коренное обновление всей жизни России.

Осенью 1906 года Гучков объединил вокруг себя группу сторонников, согласных с его программой, так окончательно сформировалась партия октябристов «Союз 17 октября», насчитывавшая в своих рядах ни много ни мало около восьмидесяти тысяч человек. И каких людей! «Сливки русской прогрессивности»,— так назвал П. А. Столыпин октябристов. Столыпин вполне имел основания так говорить, так как хорошо знал этих людей и сотрудничал с ними. Впервые встретившись с Гучковым 27 апреля 1906 года в доме своего брата, П. А. Столыпин, тогда министр внутренних дел, увидел в нем не только яркую личность, но и талантливого политика, способного оказать неоценимую помощь в проведении задуманных им реформ. А что касается Гучкова, то, по воспоминаниям современников, Столыпин был его «идолом», он «верил в него как в единственного человека, способного спасти Россию». Это преклонение было искренним и даже несколько экзальтированным — в доме Гучкова царил культ Столыпина.

Иначе складывались отношения Гучкова с царем. В мае 1905 года Гучков неожиданно для себя получил приглашение прибыть в Петергоф на аудиенцию к Николаю. На протяжении двух с половиной часов он доказывал царю необходимость крупных реформ в государственном строе России, а Николай с интересом рассматривал Гучкова — тот пользовался популярностью не только как герой многих военных кампаний, но уже и как один из известных общественных деятелей Москвы,— кивал головой и повторял: «Да, вы правы». Каково же было удивление Гучкова, когда, вернувшись в гостиницу, он узнал о состоявшейся вслед за этим встрече царя с московским городским головой Рукавишниковым, славившимся своими консервативными взглядами. На этот раз Николай слушал противоположное тому, в чем убеждал Гучков, но его реакция была прежней: он утвердительно кивал головой, повторяя: «Вы совершенно правы. Так нужно поступить». Способность царя соглашаться с чужим мнением, если это не требовало принятия какого-либо определенного решения, была еще не знакома Гучкову.

В июле 1906 года Столыпин предложил царю кандидатуру Гучкова в состав формируемого им правительства. Николай не возражал, однако, встретившись лично с Гучковым, был неприятно удивлен подчеркнутой независимостью его суждений. В ходе встречи Гучков пытался убедить царя в необходимости смягчить национальную политику, отменить, в частности, процентную норму в учебных заведениях и черту оседлости для еврейского населения. Царь с этим категорически не согласился, а после встречи объяснил Столыпину, что вынес «глубокое убеждение» в негодности «сейчас» Гучкова как министра. В письме к матери Николай был откровеннее, заметив, что у Гучкова «собственное мнение выше патриотизма». Другими словами, в его лице царь отказался признать в правительстве министра со своей собственной политической программой.

Что касается Гучкова, то после этого свидания у него окончательно сложилось мнение, что Николай II «совершенно не отдает себе отчета в положении страны и в настроениях

народа и общества». С этой поры свои надежды на мирное преобразование России «сверху» он связывал только со Столыпиным, считая его способным пойти на прямую конфронтацию с реакционным дворянством и царским двором. Столыпин виделся ему той фигурой, которая возместит неспособность Николая к государственным делам и возьмет на себя всю ответственность за «обновление» России. Однако ставка эта была проигрышной уже потому, что сам премьер не шел в своих планах столь далеко.

С 1908 года царя все более начинают беспокоить крепнущие связи Гучкова с военными кругами: в числе близких к нему лиц были военный министр А. Ф. Редигер, помощник министра генерал А. А. Поливанов, командующий Киевским военным округом генерал Н. И. Иванов, генералы М. В. Алексеев и В. И. Гурко (с последним Гучков познакомился на юге Африки, где Гурко был военным агентом русского правительства). Но поистине шокирующее впечатление на светский Петербург произвели полеты Столыпина и Гучкова на аэроплане! В этом виделось заигрывание с армией, поскольку в те времена летали только военные. При дворе стали распространяться слухи о готовящемся военном заговоре, хотя, как вспоминал генерал А. И. Деникин, в то время у кружка военных во главе с Гучковым «не было ни малейшего стремления к потрясению основ».

Убийство Столыпина поставило точку в надеждах Гучкова вывести страну на путь мирной эволюции по западноевропейскому образцу. Осенью 1913 года на конференции партии октябристов Гучков довольно мрачно оценил будущее России, отметив, в частности, что «попытка мирного, безболезненного перехода от старого, осужденного уклада к новому строю потерпела неудачу». Начавшаяся мировая война, казалось, подтверждала его наихудшие опасения. Анализируя готовность страны к длительным боевым действиям, он приходит к твердому убеждению, что России их не выдержать. Спустя год после начала войны в письме к генералу Алексееву он с горечью пишет: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню», а это грозит затянуть всю страну в «то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались с смертельной опасностью» (имеется в виду революция 1905—1907 годов.— *М. Б.*). «Я уже не говорю,— продолжает Гучков,— что нас ждет после войны, надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик».

Это письмо к Алексееву, тогда начальнику штаба Верховного главнокомандующего, получило широкую огласку, оно переписывалось и распространялось по всей России. Царица была вне себя от гнева. Но Гучков не только высказывал свое мнение в письмах и устно. Будучи уверенным, что войну Россия проиграет, если только не создать быстрого «переворота», он продумал программу действий. В первую очередь предполагал незамедлительно раскрыть глаза Николаю II на положение армии и страны, далее дело войны и обороны передать из военного ведомства правительству и общественности и, наконец, убрать с их постов заведующих снабжением генералов. Что касается пунктов второго и третьего, то царь, несомненно, мог считать и, конечно, считал это очередным покушением Гучкова на свои права монарха. Неудивительно поэтому, что все попытки Гучкова проинформировать влиятельных лиц и заручиться поддержкой общественности имели крайне негативную реакцию властей. Началась настоящая травля, в которую особенно рьяно вклю-

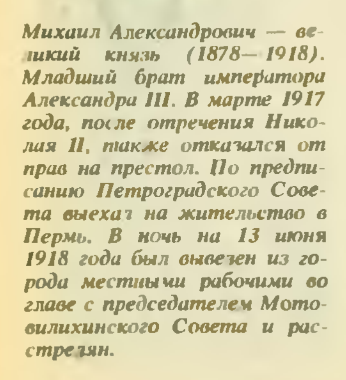
Я никогда не разделял взглядов старых славянофилов и не разделяю взглядов современных социалистов, которые ждали и ждут от России какого-то спасительного слова, какого-то откровения миру. Я думал, что и мы пойдем обычным путем экономического, политического и социального развития, как это делается в других странах».

Из речи А. И. Гучкова в Государственной думе 24 мая 1908 года: «...Мы знаем, что реформы не сочиняются, не создаются и не проводятся в несколько недель или в несколько месяцев. Не в этом заключается наш упрек правительству, а в том, что мы не видим, чтобы правительство решительно встало на этот новый путь, и мы опасаемся, что все желания представителей власти идти новым путем пойдут прахом: остатки прошлого, воспоминания прошлого, эти фантомы в один прекрасный день примут реальные очертания и вырвут власть из новых рук».

Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920). Генерал, помощник военного министра (1906—1912), военный министр с марта 1916 года, военный министр Временного правительства.

Михаил Александрович — великий князь (1878—1918). Младший брат императора Александра III. В марте 1917 года, после отречения Николая II, также отказался от прав на престол. По предписанию Петроградского Совета выехал на жительство в Пермь. В ночь на 13 июня 1918 года был вывезен из города местными рабочими во главе с председателем Мотовилихинского Совета и расстрелян.

чились жандармские чины. Но удивление вызывает другое. Несмотря на очевидное желание избавиться от Гучкова, царская чета оказалась бессильной предпринять какие-либо конкретные, во всяком случае, имевшие какой-нибудь результат шаги.

В письме от 30 августа 1915 года царица писала мужу на фронт: «Следовало бы отделаться от Гучкова, но только как — вот в чем вопрос. Военное время — нельзя ли выудить что-нибудь, на основании чего его можно было бы засадить?» В другом письме, от 11 сентября, эта тема получает продолжение: «...Серьезное железнодорожное несчастье, в котором он бы один пострадал, было бы хорошим Божьим наказанием и хорошо заслуженным». Широкая популярность Гучкова как оппозиционного деятеля не давала покоя Александре, жаждавшей реванша за столь долгую и, главное, безнаказанную его «борьбу» с императором.

Накануне нового, 1916 года Гучков серьезно заболел. Врачи опасались за жизнь больного. Царица регулярно справлялась о его здоровье, и 4 января 1916 года она сообщает супругу: «Гучков очень болен, желаю ему отправиться на тот свет ради блага твоего и всей России, поэтому мое желание не греховно».

Однако общественный резонанс был иным. Гучков буквально был завален телеграммами и письмами, ему желали здоровья и дальнейшей работы на благо России. Болезнь

его вызвала много шумных и разнообразных толков. Ходили разговоры, что это была попытка Распутина отравить Гучкова. При дворе нетерпеливо, и не скрывая этого, ждали его смерти...

Едва оправившись от болезни, Гучков берется за поиски сторонников, готовых поддержать его план отстранения Николая и Александры Романовых от власти. У него нет пока мысли о дворцовом перевороте, она придет к нему позже, в октябре 1916 года. Но в столице уже в сентябре пошли, поползли о нем слухи. Конечно, они дошли и до Александры Федоровны. 21 сентября она пишет Николаю: «Эти скоты Родз(янко), Гучк(ов), Полив(анов) и К° являются душой чего-то гораздо большего, чем можно предположить (я это чувствую), у них цель — вырвать власть из рук министров». Роль Поливанова и Родзянко царица преувеличивала. Первый виделся ей заговорщиком уже в силу того, что дружил с Гучковым, на самом деле это отнюдь не означало его поддержку идеи переворота. Что касается председателя IV Государственной думы, то задолго до этих событий в разговоре с великой княгиней Марией Павловной, попытавшейся склонить его к идее смены монарха, Родзянко категорически заявил, что «ни в каком государственном перевороте участвовать не будет и просит к нему по этому вопросу не обращаться». С большей долей вероятности можно было бы говорить о заговорщической деятельности князя Г. Е. Львова

Гурко Василий Иосифович (1864—1937). Генерал, главнокомандующий Западного фронта. Отчислен от должности приказом Керенского от 25 марта 1917 года. 22 июля 1917 года был арестован по обвинению в монархической пропаганде и в переписке с бывшим царем Николаем II, где он заявлял последнему о своей приверженности самодержавному строю.

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918). Генерал от инфантерии, участник русско-японской и первой мировой войн. Во время последней — начальник штаба Верховного главнокомандующего. Участник белого движения. 2 ноября 1917 года в Новочеркасске создал так называемую «Алексеевскую организацию», ставшую ядром Добровольческой армии, которую и возглавил вместе с генералом Корниловым. Умер в Екатеринодаре, похоронен в Белграде.

(будущего главы Временного правительства) и, в частности, о его плане возвести на трон великого князя Николая Николаевича. Однако поддержкой в армии он заручиться не смог, и в начале 1917 года сведений о предпринимаемых им шагах не имеется.

Первый раз Гучков выступил с изложением своей идеи «заговора» и призвал к перевороту в октябре 1916 года. Тогда на квартире председателя совета Азовско-Донского банка М. М. Федорова состоялось совещание, в котором, помимо Гучкова, участвовали лидеры партий кадетов и прогрессистов Милюков, Львов, Коновалов, всего около пятнадцати человек. «Если мы дадим событиям развиваться слепо,— сказал Гучков,— то этот процесс пройдет мимо нас, другими путями и приведет не к тем результатам». Но присутствовавшие его не поддержали, опасаясь непредсказуемых событий. Для Гучкова это было сильное разочарование. Однако не такой он человек, чтобы предаваться печали, нужно действовать, ибо бездействие — и он в этом ни минуты не сомневался — смерти подобно! Очень скоро будущее подтвердит его правоту. Он делает вывод: раз нельзя ожидать поддержки со стороны общественных деятелей, нужно готовить «дворцовый» заговор.

Однако начатую было подготовку пришлось свернуть, поскольку Гучков, тяжело заболев, вынужден был уехать лечиться в Кисловодск. Он возвращается в Петербург в конце декабря 1916 года, и с этого времени действия заговорщиков активизируются.

Был выработан план захватить царский поезд на одной из станций в Новгородской губернии, а для этого использовать запасную гвардейскую часть, с которой был связан князь Д. Л. Вяземский, близкий друг Гучкова, попавший к тому времени в опалу за свои либеральные взгляды. Предложение захватить Николая II в ставке или Царском Селе было отклонено — боялись кровопролития. Помимо Вяземского, помощь в практической военной организации заговора должен был оказать генерал А. М. Крымов. Прежде всего намечалось уговорить царя отправить гвардейские кавалерийские полки — на них Гучков делал главную ставку — в столицу на отдых и для порядка; подтянуть к марту 1917 года в Петроград верные воинские части, обеспечив таким образом себе поддержку в столице; заговорщики надеялись выманить Николая с фронта и арестовать его. А дальше — добиться у него отречения в пользу цесаревича Алексея и регентства великого князя Михаила Александровича в силу малолетства наследника. Когда же и это будет достигнуто, отправить царскую чету Николая и Александру Романовых куда-нибудь из России, лучше всего в Англию. Как вести себя при отказе царя повиноваться заговорщикам, было не ясно, этот вариант не продумывался вообще. «Во всяком случае,— вспоминал впоследствии Гучков,— кровопролития бы не допустили». Другими словами, это значило, что «нас бы арестовали и повесили».

Организация заговора шла вяло и медленно, сам Гучков это признавал. На стадии «обхаживания» находились его разговоры с генералом Л. Г. Корниловым. Князь Вяземский, располагавший большими связями в армии, вербовал сторонников активно, но успехов имел больше среди молодого офицерства. Тем самым сразу ставились под сомнение планы привлечь на свою сторону командиров полков. Миллионер М. И. Терещенко (позже министр иностранных дел в составе Временного правительства) попытался склонить на сторону заговорщиков великого князя Александра Михайловича, но совершенно безуспешно.

А. И. Гучков и А. А. Брусилов в 1917 году.

За четыре года до своей смерти А. И. Гучков признался в письме к И. В. Дюнео (Шкловскому): «...Знаю, что мой либеральный торизм оказался не по времени и не по месту в наших отечественных условиях, при нашей склонности к максимализму, которым грешило наше общество. Для одних я был слишком тори, для других слишком либерален. История нас рассудит или, вернее, история нас уже рассудила...»

Это был один из тех итогов, к которым Гучков пришел в конце жизни. Не принятый в своей идее «либерального консерватизма», он был отринут не только Россией, но и белой эмиграцией, считавшей его одним из главных виновников крушения монархии. История все-таки рассудила по-своему: ему не суждено было стать «спасителем отечества», но он остался запечатлен на ее страницах как человек, столь упорно искавший собственный путь мирного переустройства России.

«Октябризм» как идейно-политическое отражение интересов и чувств умеренно настроенной части русского общества явился одной из последних попыток, по словам Гучкова, «сближения с властью, дружной с ней работы» в целях выхода из кризисной ситуации, в которой оказалась страна в начале XX века. Партия октябристов и ее лидер желали, несомненно, успокоения страны, ее обновления в рамках существующих государственных структур, без революционных потрясений и социальных катаклизмов.

В результате накануне Февральской революции состав участников заговора очень узкий. Наиболее весомой в политическом отношении фигурой среди заговорщиков оставался по-прежнему Гучков. В общественном мнении он более других подходил к роли конспиратора и организатора переворота. Но таким виделся он и в правительственных сферах. На заседании Совета министров 6 августа 1916 года министр внутренних дел А. Н. Хвостов говорил об «авантюристической натуре» Гучкова, о его «непомерном честолюбии», которые могут при ненависти к императору толкнуть «на любые средства для достижения цели». И за Гучковым установили слежку. Велся список посещавших его лиц. Известны были полиции и собрания военных, которые устраивал Гучков на своей петроградской квартире (Фурштадская, 36).

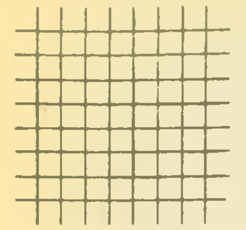
Всю серьезность ходивших слухов о заговоре Гучкова можно было бы понять по реакции на них Николая II, но здесь мы встречаем удивительную сдержанность. Он знал, что Гучков — человек, «заведомо относящийся с полной ненавистью к монархии и династии». Это слова Николая II, но неожиданным выглядит его последующий вывод: «...для прекращения подобных выступлений достаточно предупредить Гучкова о том, что он подвергнется высылке из столицы». И это тогда, когда царица, умевшая пользоваться своим влиянием на мужа, прямо писала ему: «Гучкову место на высоком дереве». Вероятнее всего, Николай II не верил в реальность заговора.

Осуществить переворот Гучков надеялся не ранее марта 1917 года, и тем неожиданнее оказалась для него Февральская революция. Монархия рушилась, и вместе с ней — надежды заговорщиков на мирную, безболезненную для страны смену верховной власти.

Однако личным планам Гучкова все-таки суждено было сбыться. 2 марта 1917 года около двенадцати часов ночи в Пскове он принял из рук Николая II три листочка бумаги — это был акт об отречении за себя и за сына Алексея в пользу брата Михаила. Осуществлялось то, к чему Гучков шел столь долгие годы: царь добровольно отказывался от трона, открывая тем самым путь для мирного обновления монархии на основах законности и правопорядка. Но вернувшись в Петроград, Гучков узнал о втором отречении, теперь уже Михаила Романова, от престола. Будущее русской монархии таким образом было решено помимо Гучкова. Романовы сходили с политической арены, и вопрос о том, быть или не быть правящей династии в России, терял свою остроту. Страна втягивалась в полосу жесточайших потрясений, в которых Гучкову еще предстояло сыграть свою роль.

В 1936 году, уже смертельно больной, диктовал он в Париже свои воспоминания: «...Я до сих пор глубоко убежден, что если бы нам удалось технически осуществить задуманный нами переворот, Россия избежала бы всех последующих несчастий, выпавших на ее долю». Можно соглашаться или не соглашаться с таким выводом, однако мнение о том, что накануне Февральской революции успешный дворцовый заговор мог бы во многом изменить известное нам ныне развитие событий, имеет право на существование. Упущенная возможность направить развитие России в эволюционное русло без характерного для революции экстремизма была последней в истории Российской империи, как, впрочем, и последней попыткой дворцового заговора в трехсотлетней истории Дома Романовых. ●

БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ

● Ископаемая скорлупа птичьих яиц несет в себе информацию о вековых колебаниях климата по крайней мере за последние 1300 лет. С климатическими показателями коррелирует количество пор — микроскопических дырочек — на единице площади скорлупы.

● Получены и исследованы синтетические пептиды — фрагменты белковой оболочки вируса иммунодефицита человека (ВИЧ). Используемые как антигены, они оказались пригодными для диагностики ВИЧ-инфекции, а в перспективе на их основе возможно создание вакцин, не содержащих вирусной генетической программы и потому вполне безопасных.

● В популяции клеток злокачественной опухоли более устойчивыми к радиации оказываются именно те клетки, которые одновременно наследственно более устойчивы к тепловому воздействию.

● Крысы-«алкоголики» предрасположены к употреблению растворов спирта и отличаются более высокой ориентировочно-исследовательской и двигательной активностью. При этом они более эмоционально чувствительны, а также более чувствительны к электроболевому раздражению, чем крысы, «равнодушные» к алкоголю.

● Если с самолета или спутника проводить измерения одного из параметров отраженного солнечного света — коэффициента спектральной яркости, то по ним можно будет определять степень повреждения больших участков леса вредителями или промышленными загрязнениями.

● Отрицательные эмоции у человека и даже простое напоминание о них немедленно вызывают асимметрию в показателях ЭЭГ полушарий головного мозга.

● Биоритмы размножения белки в Белоруссии мало связаны с изменением погодных условий, наступлением ранней или поздней весны. Они больше зависят от наличия утепленных убежищ и обеспеченности полноценным кормом.

● Таксол — один из алкалоидов тиссовых деревьев — обладает способностью защищать живые клетки от радиоактивного облучения. Лучи радиации повреждают прежде всего клеточный скелет, состоящий из белковых микротрубочек. Таксол, оказывается, может их «цементировать», в результате чего они сохраняют в клетке свою физиологическую функцию.

● Показатели здоровья населения Тамбовской области четко коррелируют с наличием разных веществ — солей металлов, азотных соединений — в воде и почве места проживания. Например, связь частоты инфаркта миокарда и соотношения кальций — магний в питьевой воде прямая. Такие корреляции, прямые и обратные, охватывают множество болезней — опухоли, диабет, сердечно-сосудистые, внутренних органов, нервной системы.

● Зрение здорового человека можно усилить инъекциями синтетического пептида — аналога фрагмента кортикотропина. При этом заметно усиливается световая чувствительность, ощущение цвета и функциональная подвижность.

● В каменноугольном периоде на месте нынешнего Тунгусского бассейна в Сибири плескалось большое соленое море, где водились крупные рыбы — до семидесяти сантиметров в длину. Остатки их чешуи найдены в образцах угля.

Как проводят отпуск?

По-разному, конечно. Кто-то едет в дом отдыха, кто-то — на дачу или в поместье (у кого оно имеется). Одних манит юг с его морем и пляжами, других — холодный север. Но есть среди отпускников «ненормальные», которые едут работать, да еще и бесплатно. Более того, за свою же работу они сами и платят. Экологическая благотворительная организация «Эртвог Юроп» выпускает специальные брошюры с целью привлечь внимание к платному участию в научных экспедициях, работающих в различных уголках Земли. Эта организация, куда помимо Великобритании, США и Австралии с 1989 года входит и наша страна, создала совместные предприятия в восьмидесяти семи странах.

Научные исследования в области улучшения условий жизни на нашей планете проводятся под руководством известных ученых. Принять в них участие и призывают энтузиасты-отпускники. Работа различная: от наблюдений за откладыванием яиц морскими черепахами до раскопок руин древних цивилизаций. И находятся желающие? Еще сколько! Это те, кто старается на деле ощутить свою причастность в решении многих важных и нужных проблем. Одно дело — сочувствовать экологическим проблемам и наблюдать, как они решаются, и совсем другое — принимать в них непосредственное участие.

На фото: добровольцы-отпускники, ведущие наблюдение за одним из таинств природы — устройством гнезда и откладыванием яиц кожистыми черепахами на Виргинских островах.

ЗАДАЧИ — РОССИЯ, XVII ВЕК

1. Какие страны Европы при Филарете были союзниками России, а какие — ее противниками?

2. Составьте цепь из общих знакомых между патриархом Филаретом и кардиналом Ришелье.

3. Кто из героев Дюма был современником Филарета Романова?

4. В двадцатых годах XVII века Россия была бедна и осторожна во внешней политике. Однако Филарет вмешался в Тридцатилетнюю войну. Зачем он это сделал? Где взял средства для этого? Оправдался ли его расчет?

5. Почему в тридцатых годах XVII века Россия не сумела отвоевать Смоленск?

6. Составьте доклад кардиналу Ришелье от французского агента из Москвы в 1630 году.

7. Составьте доклад Филарету русского посланника, вернувшегося из Франции в 1630 году.

8. Почему в XVII веке Россия дружила с Ираном и враждовала с Турцией?

9. Почему открытие и освоение Сибири в XVII веке шло в основном по суше и рекам, а не по морю?

10. Почему, освоив Западную Сибирь, казаки не пошли на юг, в Среднюю Азию? Какова была их цель? Каков итог? Почему эти переговоры оказались очень трудными?

11. Почему после победы над Кучумом казаки не встречали в Сибири серьезного сопротивления до самого Амура?

12. Составьте доклад от имени Николая Спафария о его путешествии в Китай.

13. Для чего в XVII веке русские крестьяне шли в Сибирь, хотя в России было много пустой земли?

14. В XVII веке важнейшими городами Сибири были Тобольск и Иркутск; Тюмень и Красноярск — малыми крепостями, а Новосибирска, Владивостока и Петропавловска-Камчатского еще не было. Отчего такая разница с современным положением?

15. В XVI и XVII веках на Дону запрещалось пахать землю. Как мог появиться такой запрет? Кто его поддерживал и почему?

16. Почему казаков не было в Крыму, в Белоруссии, Карелии, Прибалтике?

17. Почему Россия не сумела подчинить себе Крым, даже заключив союз с Хмельницким?

18. Почему Богдан Хмельницкий не сумел создать на Украине независимое казачье государство?

19. Почему почти во всех крестьянских восстаниях России вожаками оказывались казаки?

20. Как изменялся смысл слова «крестьянин» с XIV по XVIII век? Почему это происходило?

21. Почему в 1654 году к России присоединилась не вся Украина? Что осталось за пределами России и почему?

22. Известно, что во Львове университет возник позже, чем Могилевская академия в Киеве. Когда это было? Почему тогда, а не раньше, не позже?

23. Почему Разин, зная о делах Хмельницкого, не пытался в точности повторить его удачный опыт?

24. На что больше похожа реформа Никона — на реформу Лютера, на реформу Григория VII или на реформу Генри VIII? Что общего во всех этих реформах? В чем их различие?

25. Отчего Никон имел меньший успех, чем Лютер, Кальвин, Генри VIII или Григорий VII?

26. Перечислите современников Никона в Европе.

27. В каком родстве были Петр Первый и Иван Грозный?

28. Перечислите современников д'Артаньяна в России.

29. Перечислите европейских ученых, современников царя Алексея Михайловича. Кто из них был старше царя, кто моложе?

30. Составьте цепь из общих знакомых между Аввакумом и Ньютоном.

31. Перечислите европейских правителей — современников царя Алексея Михайловича. Кто из них был России союзником, кто — противником?

32. Перечислите известных вам «министров иностранных дел» России до 1700 года. Чем прославились эти люди?

33. Какие иностранные языки мог (или должен был) знать Филарет Романов? Какие — А. Л. Ордин-Нащокин?

34. Составьте сценарий вашего визита к Филарету Романову, протопопу Аввакуму, царю Алексею Михайловичу или к А. Л. Ордину-Нащокину.

35. Каким крестьянам в 1660 году жилось лучше — помещичьим, монастырским, боярским, черносошным? Почему?

36. Составьте перечень учебных предметов для Славяно-греко-латинской академии.

37. Составьте проект реформ, необходимых России в 1660 году (от имени протопопа Аввакума).

38. Составьте проект реформ, необходимых России в 1667 году (от имени А. Л. Ордина-Нащокина).

39. Опишите разницу между стрельцом и солдатом «иноземного строя» в 1670 году.

40. Перечислите героев Дюма — коллег А. Л. Ордина-Нащокина. Что у них общего с русским министром и каковы различия?

41. Перечислите отличия типичного русского храма XVII века от типичного храма XVI века и от храма XV века (с примерами).

42. Составьте примерный перечень домашней библиотеки царя Алексея Михайловича и библиотеки А. Л. Ордина-Нащокина.

И.-Г. Ведекинд, Портрет царя Михаила Федоровича. 1728 год.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ПО ИСТОРИИ КАМЕННОГО ВЕКА

1. Благодаря большему плечу размаха, топор ударяет с большей скоростью (и с большей кинетической энергией), чем рубило, зажатое в кулаке. Отсюда — большая производительность труда.

2. Обезьянолюди жили в основном за счет собирательства (включая доедание мертвечины); доступная им дичь быстро исчезала. Люди каменного века умели долго успешно кормиться на одном месте (загонные охоты, сохранение мяса в природных ледниках, сбор зерна в пору его созревания, ловля рыбы).

3, 4. Летние жилища — шалаши из веток или шатры из шкур и жердей (их следы не сохранились). Зимние жилища — в природных укрытиях от ветров и снега (пещеры). Только там сохранились остатки костров, пищи и орудий — отсюда выражение «пещерные люди».

5. Современные крупные обезьяны живут в гуще тропического леса, где больше разных плодов и меньше хищников. Первые обезьянолюди жили на опушке леса, где более разнообразные условия для собирательства и охоты и есть природные укрытия от хищников.

6. У обезьян — большие клыки, которые мешают им жевать зерно. Часть обезьян потеряла такие клыки более 10 миллионов лет назад — с этого момента началось развитие «обезьянолюдей».

8*. Община обезьянолюдей была, видимо, ближе к общине павианов — они сейчас живут в такой же среде, в какой прежде обитали обезьянолюди.

9. Печеное мясо гораздо более питательно, чем сырое; то же относится к корнеплодам. Кроме того, появилась возможность варить пищу (см. вопрос 22).

12, 13. Пила (зазубренный камень), игла (костяная), скребок (каменный), нож (каменный), нитки (из сухожилий зверя), рыболовный крючок (из кости или раковины), веревки и сети.

14. Одежда из шкур,— видимо, типа комбинезонов или кухлянок. Обувь — тоже из шкур.

15. Способность к членораздельной речи требует большой подвижности языка во рту. Признак этого — выступающий подбородок.

16. Мамонтов ловили в ямы; лошадей, антилоп — загонной охотой.

17. Освоение огня и одежды позволило первобытным людям освоить земли с холодным климатом. Освоение рыбной ловли позволило заселить все берега.

18. Население Земли ограничено в первую очередь количеством доступной пищи (в случае перенаселения голод повышает детскую смертность, и население сокращается). При той производительности труда, какая была у охотников каменного века, Земля могла устойчиво прокормить не более 5 миллионов людей.

20. Царь зверей — это охотник, способный (один или в коллективе) добыть любого зверя. Но бороться со стихийными бедствиями (засуха, пожар, наводнение, оледенение) он не может — так что он не царь природы.

21. Мясо пекли на костре,— очевидно, в виде шашлыка.

22. Суп могли варить в природных каменных углублениях либо в сосудах из коры или кожи (не пропускающих воду), бросая туда раскаленные камни из костра.

23. Соль добывали из солончаков (их хорошо знают многие травоядные звери). Вместо сахара ели мед или жевали сахарный тростник.

25. В эпоху оледенения уровень океана был ниже, чем сейчас (много воды отнимали ледники). Поэтому проливы были тогда гораздо уже или их вовсе не было, так что перейти в Америку из Азии можно было по льду, а в Австралию — переправиться на лодках, через Индонезию и Новую Гвинею.

26. В эпоху оледенения Подмосковье было покрыто ледником; в Крыму была сухая морозная степь. Зато в Средней Азии, вдоль края горных ледников, было тепло и достаточно влажно; там хватало животных и пищевых растений.

27. В пещерах находят разнообразную скульптуру — резанную из кости, тесанную из камней-сталактитов, слепленную из глины — и наскальные фрески. Кожаная одежда украшалась вышивкой и бусами (это известно по погребениям).

28. Не могли сохраниться образцы татуировки древних людей, почти ничего не известно о том, как они украшали свою одежду. Не сохранились следы танцев и песен того времени, устные предания и сказки.

29. Современные остатки древнейших религий — суеверия, приметы, заговоры. Видимо, первые люди поклонялись богам скорее для того, чтобы убедить их не вмешиваться в людские дела, чем для того, чтобы просить их о помощи.

30. Самый верный признак стоянки людей — следы костра, обломки хорошо обработанных каменных орудий (у обезьянолюдей — расколотые гальки).

31. В эпоху оледенения на месте нынешней тундры была степь с сухим теплым летом и малоснежной морозной зимой. Там почти не было деревьев (понизу — вечная мерзлота), но много трав — и стада крупных травоядных паслись круглый год. С концом оледенения вскрылся Северный океан, осадков стало много; степь заболотилась, превратилась в тундру, где вместо трав почти несъедобный мох, и немного лишайника (им питается северный олень).

* К №№ 7, 10, 11, 19, 24 нужен устный ответ.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ПО ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

1. До Ивана IV крестьяне платили помещикам традиционный оброк, не менявшийся многие десятилетия. Затем Ливонская война отвлекла помещиков от хозяйства, разорила их — и потребовалось увеличить оброк, чтобы сохранить боеспособность.

2. Ответ устный.

3. Опричниками были Борис Годунов, Василий Шуйский, Богдан Бельский.

4. Восставшие угличане убили нескольких дьяков — ставленников Годунова; так они выразили общее недоверие правительству, вызванное «заповедными летами» и т. п.

5. Князья Шуйские (ближайшие родичи царского дома) стремились сами править страной от имени слабого царя Федора Ивановича. Но Годунов, располагая государственным аппаратом (большинство дьяков были его ставленниками и не могли ждать добра от Шуйских), не допустил этого. Романовы (малознатные бояре) отошли в тень после смерти их сестры — первой жены Грозного.

6. Успехов не имело правительство Грозного и Годунова. Но освоение Сибири шло почти без помощи правительства — на основе личной инициативы купцов и казаков, рвавшихся строить новую жизнь вдали от московского начальства.

7. Свой патриарх был нужен Годунову для поддержки при восшествии на трон. Эти намерения были ясны в 1589 году всем противникам Годунова — и они выступали либо против патриаршества, либо за то, чтобы патриархом стал грек Иеремия, не зависящий от Годунова.

8. Годунов — дворянский царь, служивший в опричнине. Против него выступали либо приверженцы старых боярских и княжеских родов, либо пострадавшие от Опричнины люди всех сословий.

9. Выросший в Опричнине, Годунов не умел ни доверять людям (если они не зависели от него материально), ни вызвать доверие своих сотрудников.

10. До смерти Федора Ивановича в 1598 году Годунов не трогал Романовых — ближайших царских родичей. После своего воцарения Годунову понадобилось еще два года, чтобы укрепить власть, отдав все важные посты своим ставленникам.

11. Пугачев родом казак; он мог рассчитывать на поддержку казаков, даже не имея готового войска. Дмитрий Самозванец был столичный человек — он не чувствовал себя уверенно среди казаков или крестьян, а объявиться в столице не мог — его бы там сразу схватили.

13. В Сибири казаки вырвались изпод гнета администрации и начали строить свой мир, покоряя и грабя местных жителей. В России они вынуждены были бороться с администрацией — и восставали, грабя русских крестьян и горожан либо вовлекая их в союз против царской администрации.

14. Король и Сейм опасались усиления Руси. Поэтому Самозванца они хотели видеть сильным соперником Годунова, но не сильным царем в Москве. Напротив, мелкая шляхта пошла за Самозванцем в расчете на добычу и чины в покоренной России.

16. Первый Самозванец похож на будущих «птенцов гнезда Петрова» — он так же равнодушен к религии, готов сотрудничать с людьми всех сословий и доверять им. Популярность он утратил, поскольку не смог сделать невозможное — примирить противоположные интересы разных сословий.

17. Василий Шуйский (в отличие от Самозванца) был не «общенародный», а «боярский» царь. Он не мог сплотить весь народ вокруг себя; и недовольные начали искать себе иных вождей. Так появились новые самозванцы.

18. В условиях гражданской войны любая русская армия могла представлять лишь одно сословие — другие относились бы к ней враждебно. Вдобавок Василий Шуйский чувствовал, что он лично не популярен ни в одном сословии. Шведы помогли Шуйскому по двум причинам: они хотели противодействовать захвату России своими врагами — поляками и по возможности отнять у России ее северные земли.

19. Если бы Владислав приехал в Москву и принял православие, вся Россия признала бы его законным царем. Но король Сигизмунд и депутаты Сейма опасались: став русским самодержцем, Владислав может завоевать родную Польшу и ликвидировать вольности шляхты. Поэтому королевича не пустили в Москву.

20. Троицкий монастырь осаждала крупная польско-казацкая банда — храбрая и опытная в боях, но слабо дисциплинированная, не имевшая тяжелой артиллерии. Пример Троицы показал всем: если русские воины и граждане в хорошей крепости решились бороться до последнего, бандитам их не одолеть, даже при большом численном превосходстве.

21. К 1610 году Сигизмунд справился со своими мятежниками и решил извлечь наибольшую выгоду из гражданской войны в России — захватить ее западные земли, раз не удается подчинить всю страну.

22. Войско Жолкевского москвичи приняли спокойно — как армию их будущего царя Владислава. Но потом Жолкевский уехал, Владислав не приезжал — и москвичи стали смотреть на поляков, как на оккупантов.

23. Жители Подмосковья с XV века привыкли: законный правитель тот, кто сидит в Москве. Южане истощили свои силы в походах Самозванца и Болотникова. Северяне находились под шведским, а западники — под польским господством. Напротив, Поволжье не было оккупировано, а его жители (колонисты XV—XVI веков) привыкли действовать инициативно, полагаясь только на себя. Они и спасли Россию.

24. Болотников доверял казакам, но большинство его воинов были крестьяне — казаков они не любили. Поэтому казаки изменили Болотникову, и он погиб. То же произошло с Прокопием Ляпуновым: он принимал в свое ополчение всех без разбора — дворян, казаков, крестьян, и погиб от измены. Напротив Минин и Пожарский принимали во второе ополчение только проверенных горожан и крестьян Поволжья — и в их войске не было измены. Единственный недолгий союз с казаками был у Минина во время боев с поляками под Москвой.

25. Чтобы новый правитель России выглядел законным в глазах всей страны, его должен был избрать земский собор в столице, которую еще следовало освободить.

26. Разгром Болотникова, предательство дворян и казаков убедили крестьян, что все прочие сословия готовы их обмануть. Они отошли от борьбы; только долгое разорение России польскими бандами вынудило позднее многих крестьян поддержать горожан в земском ополчении.

27. Юг России во время Смуты контролировался казаками; они не пускали туда ни татар, ни войска московских правителей.

28—29. Общее у казаков и варягов то, что они не имели своего государственного порядка и, значит, не могли привести в порядок Россию. Разница в том, что казаки имели общий язык и веру с русскими крестьянами. Поэтому в случае беды (от турок или поляков) они легко находили общий язык и в середине XVII века слились в единый украинский народ. До того казаков нельзя считать частью ни русского, ни украинского народов.

30. На Соборе 1613 года у Михаила Романова не было соперников — все они либо подорвали свой авторитет действиями во время Смуты, например Шуйские, либо уступали Романовым в родовитости.

31. Филарет (Федор) Романов был умный, хорошо образованный человек и хитрый политик. После смерти Годунова он (репрессированный «незаконным» царем) сделался приближенным обоих Самозванцев. Первый сделал его митрополитом Ростовским, второй — произвел в патриархи, в противовес Гермогену Московскому. После гибели Гермогена и второго Самозванца Филарет сделал ставку на Владислава, но ошибся и оказался в польском плену до 1619. Вернувшись в Москву по перемирию, он застал своего сына на троне и стал при нем фактическим правителем России.

33. В правление «самозванного» Годунова все недовольные рассчитывали на лучшую жизнь, как только Борис исчезнет. Это была ошибка: со смертью царя все сословия России вступили в гражданскую войну, не в силах примирить свои интересы. Бедствия этой войны убедили всю Россию в том, что даже слабый царь лучше, чем анархия. Михаила Романова чтили скорее как «компромиссного президента», чем как самодержца или вождя страны.

34. В 1620 году — сразу после окончания гражданской войны — Россия жила гораздо беднее, чем в 1600 — до великого голода. Но в 1620 году большинство русских больше верило в будущие успехи и больше доверяло «избранному» правительству, чем прежде доверяли Годунову, отмеченному опричниной.

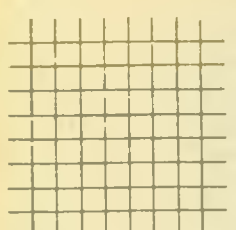
35. Читайте ответ 26.

36. После Смуты остались нерешенными, даже усугубились все территориальные проблемы: многие земли на севере и западе были потеряны Россией. Без решения остался казацкий вопрос на юге — до эпохи Хмельницкого. Не удалось решить и крестьянский вопрос — он «завис» до 1861 года. Удачно решился в ходе Смуты только один вопрос: о восстановлении доверия народа к правительству.

37. После Смуты земские соборы стали созываться часто, раз в пять — восемь лет. До Смуты Грозный и Годунов избегали их собирать, не рассчитывая на народную поддержку своих действий.

Г. Угрюмов, «Минин взывает к князю Пожарскому о спасении отечества».

Брежнев и гласность

В 1972 году Брежнев подарил Никсону роскошное судно на подводных крыльях. Поскольку в цивилизованных государствах подарки свыше определенной стоимости не могут быть личными, судно «Волга» стало собственностью правительства США. В прошлом году судно продали в Боливию, где переименовали в «Стрелу гласности», и теперь оно катает туристов по озеру Титикака.

Украли... ископаемое

В семидесятых годах палеонтологи, работавшие на территории Национального парка Флиндерс-Рейндж, что в штате Южная Австралия, обнаружили каменный отпечаток жившей 600 миллионов лет назад гигантской медузы Харнеодискус арбореус. Ввиду неподъемных размеров находки и отдаленности этой местности было решено никуда ее не вывозить. Только очень немногие знали точное расположение этого ископаемого.

Недавно парк посетила группа исследователей, руководимая куратором отдела ископаемых Южноавстралийского музея Невиллом Пледжем. К своему изумлению, они не обнаружили «экспонат» на месте. Из тела скалы неизвестные выпилили целую тонну кварцитовых пород вместе с драгоценным отпечатком древнего животного.

Злоумышленники отличались высокой квалификацией и были хорошо оснащены в техническом отношении. Вряд ли их удастся разоблачить и вернуть похищенное. Неразборчивые в средствах частные коллекционеры иной раз платят на черном рынке до трехсот тысяч австралийских долларов за редкое ископаемое. Ученые опасаются, что с Харнеодискусом арбореусом в нечистоплотные руки могут попасть и другие ценности этого национального парка.

Рисунок В. Сарафанова.

«Пи» в законе

В 1897 году в Генеральную ассамблею американского штата Индиана был внесен законопроект № 246. После длинной преамбулы в нем говорилось: «...признать, что де-юре число «пи» равно 4». Как говорится, конец цитаты. Точка. И никаких сомнений.

Имя автора столь безапелляционного утверждения сохранили для истории протоколы местного законодательного собрания. Это был некий Эдвин Дж. Гудмен, прославившийся ранее тем, что «успешно разрешил» проблему квадратуры круга, над которой столь бесплодно бились лучшие умы предыдущих столетий.

Законопроект, к счастью, не прошел. Точнее, в первом чтении индианские ликурги его приняли. После второго все же сочли за лучшее не отклонить, нет, а отложить его рассмотрение. Чего по сей день так и не произошло. Депутаты — в своем большинстве юристы — сочли, что билль слишком туманно сформулирован и содержит около десяти различных противоречащих друг другу значений для этого магического числа. А то бы любая иная величина отношения длины окружности к ее диаметру считалась незаконной и наказуемой. По крайней мере, на территории Индианы.

В наши дни число «пи» известно с точностью до 1 011 196 691-го знака. Ничего другого с большей точностью мы не знаем. Естественно, такое достижение занесено в «Книгу рекордов Гиннесса». Только вот привести это число полностью, во всей красе его — более миллиарда цифр — «Гиннесс» не смог — места не хватило.

«Не хотим быть, как кактусы!»

Именно так протестуют национальные гвардейцы, охраняющие американскую границу в штате Техас. Поводом к этому стала новая униформа маскировочного зелено-коричневого цвета, которая действительно очень напоминает колючее растение. Модельеры отлично справились со своей задачей — добиться защитной окраски. Но явно не учли капризы человеческих вкусов.

Многие из пограничников заявили, что предпочитают уйти со службы, чем облечься в новую униформу. Возникший конфликт предстоит разрешить специальной комиссии.

Трагедия в тундре

Прошлым летом, возвращаясь на вертолете в свой лагерь с разведки полезных ископаемых в штате Аляска, летчик Роджер Даудинг и геолог Марк Макдермотт заметили в тундре какой-то белый предмет. Совершив посадку, они увидели, что это две пары рогов лося, намертво сцепленные друг с другом. Кости таза и позвонки были разбросаны вокруг на несколько метров от рогов. Видимо, лоси-самцы сцепились рогами во время брачного турнира. Так они и простояли в боевой позе голова к голове несколько дней. Может быть, соперники погибли от голода, а возможно, стали добычей волчьей стаи.

Д. Хэрриот

Тристаново бдение

Я положил иглу на поднос и, отступив на шаг, обозрел завершенный труд.

— Конечно, не мне бы говорить, но вид очень и очень недурной.

Тристан нагнулся над бесчувственной собакой и критически оглядел аккуратный разрез и ровные стежки.

— Отлично, мой мальчик. Я бы и сам лучше не сшил.

Большой черный лабрадор мирно лежал на столе. Язык у него вывалился наружу, остекленевшие глаза ничего не видели. Его привезли из-за безобразной опухоли на ребрах. Она оказалась простой липомой, и я решил, что удалить ее будет несложно. И не ошибся. Опухоль вылущилась со смехотворной легкостью — круглая, целая, поблескивающая, точно облупленное крутое яйцо.

На месте безобразного нароста — этот изящно зашитый рубец, который через несколько недель станет совсем незаметным. Я был доволен собой.

— Оставим его здесь, пока он не очнется,— сказал я.— Помоги уложить его на одеяла.

Мы устроили пса поудобнее перед электрокамином, и я отправился по утренним вызовам.

Мы обедали, когда наш слух поразил на редкость странный звук — нечто среднее между стоном и воем. Возникал он негромко, достигал пронзительнейшего крещендо, затем пробегал всю гамму в обратном порядке и замирал.

Зигфрид, вздрогнув, оторвался от супа.

— Во имя всего святого, что это?

— Наверное, собака, которую я оперировал утром,— ответил я.— Иногда такое случается при ослаблении действия барбитуратов. Наверное, он скоро очнется.

Зигфрид посмотрел на меня с явным сомнением.

— Будем надеяться. Я долго не выдержу. У меня мурашки по коже бегают.

Мы пошли посмотреть на пса. Пульс хорошего наполнения, дыхание глубокое и ровное, слизистые хорошего цвета. Он все еще лежал, неподвижно вытянувшись, и о том, что сознание должно было вот-вот вернуться к нему, свидетельствовал только вой, который теперь повторялся регулярно каждые десять секунд.

— Да, у него все в порядке,— сказал Зигфрид.— Но до чего же он пакостно воет! Пошли отсюда.

Обед был доеден поспешно и в полной тишине, если не считать непрерывного шумового сопровождения. Зигфрид вскочил, не дожевав последний кусок.

— Ну, мне надо отправляться. Вызовов масса. Тристан, по-моему, собаку надо перенести в гостиную и уложить перед огнем. Так тебе проще будет за ним присматривать.

Глаза Тристана полезли на лоб.

— Ты хочешь, чтобы я весь день просидел здесь под эту музыку?

— Вот именно. Отослать его к хозяину, пока не очнется, никак нельзя, и я не могу допустить, чтобы с ним что-нибудь случилось. Он нуждается во внимании и заботах.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я держал его за лапу или покатал в колясочке по Рыночной площади?

— Избавь меня от дурацких острот! Будешь сидеть с собакой, и никаких разговоров!

Мы с Тристаном протащили тяжелого пса по коридору на одеялах, а потом я отправился по вызовам. Проходя по коридору, я посмотрел в открытую дверь на большое черное тело у камина и на Тристана, уныло поникшего в кресле. Вой не прекращался. Я поторопился закрыть дверь.

Когда я вернулся, уже стемнело, и старый дом возвышался надо мной, темный и безмолвный на фоне холодного неба. Безмолвный-то безмолвный, но вой все еще отдавался эхом в коридоре, и жуткие его отголоски достигали даже пустынной улицы.

Рисунок Ю. Сарафанова.

Д. Хэррнот. Тристаново бдение

Захлопнув дверцу машины, я взглянул на свои часы. Шесть часов! Значит, Тристан наслаждается этим уже четыре часа. Я взбежал на крыльцо, пробежал по коридору, открыл дверь гостиной — и у меня застучало в висках. Тристан стоял спиной ко мне перед стеклянной дверью и смотрел в мглистый сад. Руки у него были глубоко засунуты в карманы, из ушей торчали клочки ваты.

— Ну как тут? — спросил я.

Он не ответил, и, подойдя к нему, я потрогал его за плечо. Эффект был потрясающий. Тристан взвился в воздух, извернулся штопором и уставился на меня.

— Господи помилуй, Джим! Ты меня чуть не укокошил. Из-за этих чертовых затычек я ничего не слышу, кроме воя, естественно. Он всюду просочится.

Я опустился на колени рядом с лабрадором и осмотрел его. Все было в полном порядке, но, если не считать слабого глазного рефлекса, я не обнаружил никаких признаков скорого пробуждения. И все время через краткие промежутки раздавался пронзительный вой.

— Что-то он не торопится прийти в себя, — сказал я. — И так весь день?

— Именно, что так. Ни малейшего изменения. И не трать ты сочувствия на этого черта: дерет себе глотку, нежится у огня и знать ничего не знает. А вот мне каково? Слушаю его час за часом, и все нервы у меня в клочки порвались! Еще немного и придется тебе меня тоже усыпить.— Он запустил трясущиеся пальцы в волосы, в щеке у него задергалась жилка.

Я взял его под руку.

— Пошли, тебе надо поесть. Сразу себя лучше почувствуешь.

Он, не сопротивляясь, позволил увести себя в столовую.

Зигфрид за ужином был в превосходной форме. Он лучился энергией и завладел разговором, однако ни разу не упомянул пронзительные вокализы, оглашавшие дом. А вот Тристан явно не мог от них отключиться.

Когда они поднялись, Зигфрид положил ладонь мне на плечо.

— Не забудьте, у нас сегодня заседание общества в Бротоне, Джеймс. Старик Ривз — о заболеваниях овец. Обычно он блестящ. Жаль, что ты не можешь поехать с нами, Тристан, но, боюсь, тебе придется посидеть с собакой, пока она не очнется.

Тристан содрогнулся, как от удара.

— Нет, я больше не могу сидеть с этой чертовой псиной! Я из-за него свихнусь!

— Боюсь, другого выхода нет. Джеймс или я подежурили бы около него, но нам нельзя пропустить заседание. Это произвело бы неблагоприятное впечатление.

Тристан, пошатываясь, вернулся в гостиную, а я надел пальто. На крыльце я остановился и прислушался. Пес выл по-прежнему.

Заседание общества прошло очень успешно. Проводилось оно в одном из роскошных отелей Бротона, и, как обычно, наиболее интересными были разговоры ветеринаров в баре после заседания. Испытываешь такое умиротворение, слушая рассказы о трудностях и ошибках коллег, и особенно об ошибках.

Я развлекался тем, что старался угадать, о чем с таким оживлением беседуют те или иные группы, на которые разбились люди в переполненном помещении бара. Вот тот оратор вдруг нагнулся и сделал несколько рубящих движений ребром ладони — это он кастрировал стоящего жеребенка. А вот тот вытянул руку и шевелит пальцами — почти наверное он помогает жеребящейся кобыле, корректирует положение передней ноги. И без малейших усилий. Как легки и просты самые сложные операции в теплом баре после двух-трех рюмочек!

Только в одиннадцать мы наконец разошлись по машинам и разъехались по своим уголкам Йоркшира, кто — в большие промышленные города Вест-Райдинга, кто — в курортные городки на восточном побережье, а мы с Зигфридом весело возвращались по узкому шоссе, которое, извиваясь между каменными стенками, вело в Северные Пеннины.

Я виновато подумал, что все это время ни разу не вспомнил про Тристана и его бдение. А! Конечно же, его мучения уже позади, и пес давно уже умолк. Но в Дарроуби, прыгнув из машины, я замер с поднятой ногой: из Скелдейл-Хауса донесся приглушенный вой. Не может быть! Время уже заполночь, а пес так и не очнулся? Ну а Тристан? Мне стало жутко при мысли, в каком состоянии я его найду. И дверь гостиной я отворил с внутренним содроганием.

Кресло Тристана выглядело островком в море пустых пивных бутылок. К стене был прислонен перевернутый ящик, а Тристан сидел выпрямившись, и вид у него был чрезвычайно серьезный. Я пробрался к нему, лавируя между бутылками.

— Очень было скверно, Трис? Как ты?

— Могло быть хуже, старина, могло быть хуже. Едва вы укатили, я сбегал к «Гуртовщикам» за ящиком пивка. Совсем другое дело! На третьей, а может, на четвертой чихать мне стало на псину. Правду сказать, я ему подвывал уж не знаю сколько времени. Мы недурно скоротали вечерок. Да и вообще он уже приходит в себя. Видишь?

Пес поднял голову, глаза у него стали осмысленными. Вой прекратился. Я подошел, погладил его, и черный хвост задергался в попытке дружески завилять.

— Так-то лучше, старичок, — сказал я. — Но уж теперь веди себя прилично. Дядюшка Тристан достаточно от тебя натерпелся?

Лабрадор словно в ответ тут же с трудом поднялся, сделал несколько неверных шажков и рухнул на бутылки.

В дверях возник Зигфрид и брезгливо посмотрел на Тристана, который все еще сидел очень прямо, с торжественным выражением лица. Затем перевел взгляд на барахтающегося среди бутылок пса.

— Во что ты превратил комнату? Неужели нельзя было обойтись без оргии? Ведь, кажется, ничего трудного от тебя не требовалось!

При звуке его голоса лабрадор кое-как встал на ноги и самоуверенно попытался подбежать к нему, повиливая при этом дрожащим хвостом. Далеко он не пробежал и снова плюхнулся на пол, а к ногам Зигфрида тихо подкатилась бутылка.

Зигфрид нагнулся и погладил глянцевитую черную голову.

— Милый, ласковый пес. И в нормальном состоянии, вероятно, очень хорош. Утром он совсем оправится, но вопрос в том, что с ним делать сейчас. Оставить его разгуливать здесь мы не можем — он того и гляди сломает ногу.— Зигфрид испепеляюще взглянул на Тристана, но тот и бровью не повел, а продолжал сидеть даже еще более прямо и неподвижно, точно прусский генерал.— Знаешь, забери-ка его на ночь к себе в комнату. Нам совсем ни к чему, чтобы он себе что-нибудь повредил. Да, так будет лучше всего — он переночует у тебя.

— Благодарю тебя, от всего сердца благодарю,— произнес Тристан ровным голосом, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Зигфрид несколько секунд щурился на него, потом отвернулся.

— Ну так убери этот мусор и пошли спать.

Наши с Тристаном комнаты соединялись дверью. Моя была большой, квадратной, с высоким потолком, камином, с колонками и двумя изящными нишами по сторонам, как и в гостиной внизу. Ложась там спать, я ощущал себя немного герцогом.

Комната Тристана прежде служила гардеробной. Была она длинной, узкой, и его скромная кровать застенчиво пряталась в дальнем ее конце. Ковра на ровных лакированных половицах не было, и я уложил пса на одеяла. Глядя сверху вниз на тонущее в подушке измученное лицо Тристана, я поспешил его успокоить:

— Он уже уснул, как младенец, и наверное, проспит до утра. Так что воспользуйся хорошо заслуженным отдыхом.

Я вернулся к себе, быстро разделся и нырнул в постель. Уснул я сразу же, а потому не знаю, когда именно за стеной поднялся шум. Во всяком случае, я внезапно проснулся, а в ушах у меня звенел гневный вопль. Послышалось шуршание, глухой стук и новый отчаянный вопль Тристана.

Бежать в гардеробную у меня особого желания не возникло. Да и чем бы я помог? А потому я только плотнее закутался в одеяло и прислушался. Потом задремал, но тут же очнулся от нового стука и нового крика за стеной. И опять, и опять.

Часа через два характер шума начал меняться. Лабрадор, видимо, преодолел слабость в ногах и принялся расхаживать по комнате; его когти выбивали веселую дробь по деревянному полу: цок-цок-цок, цок-цок-цок. И так без конца. Время от времени раздавался совсем осипший голос Тристана:

— Да прекрати же, Бога ради! Сидеть, чертова псина!

Видимо, я все-таки уснул, потому что, в очередной раз открыв глаза, увидел, что небо за окном посерело и в комнате довольно светло. Перевернувшись на спину, я прислушался. Постукивание когтей не умолкало, но теперь оно стало реже, словно лабрадор неторопливо прогуливался, а не метался слепо из одного конца комнаты в другой. Тристана слышно не было.

Я выбрался из-под одеяла, поеживаясь от ледяного воздуха, натянул брюки и рубашку. Пройдя на цыпочках к соединительной двери, приоткрыл ее и чуть не упал от удара двух могучих лап, упершихся мне в грудь. Лабрадор страшно мне обрадовался. Он, видимо, совсем здесь освоился, красивые карие глаза весело блестели, и, разинув пасть в пыхтящей счастливой улыбке, он показал за двумя рядами сверкающих зубов безупречно розовый язык. Далеко внизу восторженно хлестал хвост.

— Ну что же, приятель, ты, кажется, ни на что не жалуешься,— сказал я.— Давай-ка посмотрим твой шов!

Я снял с груди жесткие лапы и проверил ровные стежки на ребрах. Ни отека, ни боли, никакой особой реакции.

— Чудесно! — воскликнул я.— Замечательно! Ты у нас как новенький.— Я шутливо шлепнул его, и он совсем зашелся от восторга, прыгая на меня и стараясь облизать всего, с головы до ног.

Пока я отбивался от него, с кровати донесся унылый стон. В сером утреннем свете Тристан выглядел ужасно. Он лежал на спине, обеими руками вцепившись в одеяло.

— Я ни разу глаз не сомкнул, Джим, ни разу!— прошептал он.— У моего братца поразительное чувство юмора — заставить меня провести ночь с этой скотиной! И как же он порадуется, когда услышит, что мне пришлось терпеть! Ты последи за ним — и, держу пари на что хочешь, вид у него будет очень довольный.

Я все время подчеркиваю, что животные непредсказуемы. Собственно говоря, именно эта непредсказуемость лежит в основе большинства моих историй. Сюда же относятся и разнообразные реакции на анестезию. Насколько мне известно, люди в таких ситуациях начинают петь или сыплют непечатными выражениями. Этот пес просто выл, и, естественно, у меня в памяти эпизод запечатлелся из-за участия в нем бедняги Тристана. Теперь мы оба любим посмеяться над подобными воспоминаниями. И рассказ этот будит во мне легкую ностальгическую грусть о временах, когда мы укладывали пациента у себя в гостиной или даже в спальне, чтобы не оставить его без наблюдения. Мы все еще тешим себя мыслью, что не скупимся на личное внимание, однако я сомневаюсь, что мы способны повторить что-либо подобное.

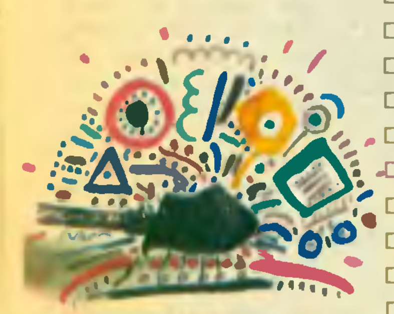
Перевод И. ГУРОВОЙ

В этой подборке мы предлагаем вам не модели для копирования, а очередные доказательства того, что деньги зарабатывают, разумеется, трудом. Но, кроме того, умом и предприимчивостью.

Светящиеся отходы

Необычное и в то же время абсолютно безопасное применение радиоактивным отходам нашли умные канадские головы. Остатки уже употребленного трития из самой большой атомной электростанции в стране продают фирмам, производящим люминесцентные краски. Радиоактивный изотоп водорода используют в краске для расчерчивания взлетно-посадочных полос в аэропортах. Годятся радиоактивные отходы и для производства светящихся сигнальных знаков для железнодорожного и автомобильного транспорта. Специалисты категорически утверждают, что краска с тритием не оказывает на человека вредного воздействия.

Электрический ток — прямо из воды

Энергию текущей воды можно превратить в электричество и без турбин, если это вода морская. Как известно, она хороший электролит, и если ее пропустить с большой скоростью между электродами, то в полном согласии с законом электромагнитной индукции мы получим электродвижущую силу.

Экспериментальный генератор постоянного тока, который удалось построить японским инженерам, вырабатывает 10 миллиампер при напряжении два милливольта. Это, разумеется, немного, но и опытное оборудование невелико: площадь электродов — 160 квадратных миллиметров, а скорость водного потока — около трех метров в секунду. Увеличение параметров и усовершенствование оборудования может дать отличные результаты.

И мелочь пригодится

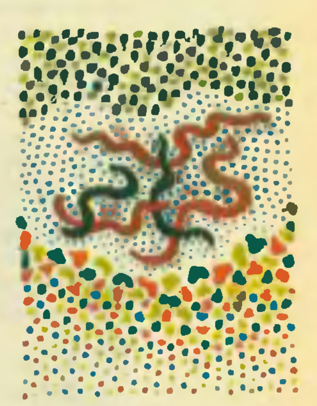
Когда иностранец покидает чужую страну, у него, как правило, остаются в кармане уже совсем ненужные мелкие монеты. И он с удовольствием поделится ими. Так решили активисты шведского Общества Красного креста, открывшие еще один источник сбора средств. По их инициативе в аэропортах, морских вокзалах и у пограничных бензоколонок установлено 800 специальных касс. Выезжающие из страны люди, убедившись, что собранные средства идут на благотворительные цели, охотно опускают мелочь в кассы, иначе монеты ждет участь лежать забытыми в ящике стола.

Дыня и... обувь

Группа селекционеров из ФРГ вырастила сорт дыни с исключительно прочной коркой. Настолько прочной, что ее можно использовать для обувной подметки, поскольку она к тому же и эластична, как обычная кожа. Уже начаты лабораторные испытания новой «кожи».

Биогумус

Латинское слово «конверсия» означает изменение, превращение, и сегодня его чаще всего связывают с преобразованием военной промышленности в гражданскую. Что же касается биологической конверсии, то о ней известно меньше, ибо экологи только лишь приступают к ее осуществлению. Одна из многих возможностей биологической конверсии — преобразовать с помощью дождевых червей ненужные и даже вредные органические отходы в ценные продукты.

Выведенный в США и привезенный в Европу красный калифорнийский дождевой червь прекрасно приспосабливается и интенсивно размножается в промышленных условиях. И справляется с такими экономически трудными задачами, как обезвреживание животных отходов на больших фермах, органических отходов с полей и коммунальных хозяйств, предприятий пищевой промышленности. Активный «калифорниец» длиной в девять сантиметров и диаметром от трех до пяти миллиметров производит биогумус — исключительно ценное и безвредное удобрение. Таким образом, из каждой тонны съеденных отходов получается 600 килограммов биогумуса. Плюс из остаточной массы самих червей (как все живое и они не вечны) можно изготовить качественную, калорийную белковую муку для корма скота, птиц и рыб.

Рисунки В. и Ю. Сарафановых.

Памяти Виктории Чаликовой

Странным было появление Вики в том сообществе, где она провела последние два десятилетия жизни. Странным, впрочем, было и само сообщество, именовавшееся Отделом научного коммунизма Института научной информации по общественным наукам АН СССР, что, мягко говоря, не совпадало с настроениями и направлением занятий — служебных и внеслужебных — собравшихся здесь людей. Сообщество состояло во многом из тех, кому в годы крепчайшего застоя трудно было в другом месте найти не только применение себе, но и просто честно заработанный кусок хлеба. Так что компания собралась, с одной стороны, довольно однородная, а с другой — весьма пестрая. Достаточно сказать, в ней одно время были крупнейший театровед и выдающийся литературовед, отсюда вышли известный буддолог, комментатор радиостанции «Свобода», сопредседатель социал-демократической партии России, издатель зарубежного мистического журнала и многие другие неординарные личности.

И вот в этом удивительном собрании, в то время располагавшемся в большом зале старинного особняка по улице Фрунзе, появилась затянутая в серенький свитерок тоненькая фигурка очаровательной белокурой женщины. Воздушность облика не сообщала убедительности робкой просьбе незнакомки зачислить ее в экипаж ковчега. Смущали и некоторые исходные данные: учительница русской литературы из Донбасса, позже — короткое время — сотрудник какой-то социологической лаборатории при партийных органах. И тогда Вика вынула из сумки и протянула объемистую рукопись: «Моя диссертация. Может быть, посмотрите?»

Дома я открыл папку с намерением быстренько пробежаться по тексту и найти доводы для отказа. Но, начав читать, я уже ночь напролет не мог оторваться. Прежде всего поражала тема. Диссертация была посвящена одному из самых глубоких мыслителей современности — Максу Веберу. К стыду своему, в то время я мало что знал о его трудах. И автор, с восхитительной легкостью ориентировавшийся в сложнейших построениях маститого теоретика, щедро открывал мне глубину его идей.

Необычна была и смелость автора. Десятилетиями наши обществоведы повторяли вслед за Лениным хулу на Макса Вебера, не утруждая себя вчитыванием в его труды. А тут вдруг — никакого привычного поносительства. Серьезный и уважительный анализ, да еще в диссертации, когда на карту ставится будущее научного работника. Наконец, непривычен был стиль. Мысль летела вперед, и я не всегда успевал за ней.

Наутро я сказал Вике о своей глубокой признательности, восхищении и зависти к ее блистательному таланту. С тех пор она написала еще много замечательного: о культуре, утопии, либерализме, тоталитаризме. И хотя долгие годы сборники и обзоры под ее редакцией публиковались и рассылались с грифом ДСП («Для служебного пользования») и потому формально были доступны немногим, они пользовались популярностью у читателей серьезной литературы и даже продавались (с аккуратно отрезанным номером экземпляра) на черном рынке

Яков БЕРГЕР

Ересь первичного добра

М. Гефтер

Какое из свойств рода человеческого удивительней, чем жизнь, которую длит память? Продолжает жизнь самого рода, воплощенного в навсегда исчезнувших цивилизациях, в невозвратных эпохах истории, в отмеренной рождением и смертью жизни человека. Как о Мире в целом, так и о всех этих жизнях можно сказать, что они завершены, но не закончены. Добавив: к исходу нынешнего века ощутимее завершенность, но существенней незаконченность.

Память атакуется и равнодушием от усталости и цинизма, и слепою страстью отмщения, сведения исторических счетов. Но растут и умнеют ее защитники. Ибо память — нечто большее, чем мемориальная доска и даже самый совершенный музей. Память — это движение. Это особенная аритмия Времени. Это свидание с ушедшими, не нуждающееся в вызове столоверчением.

И вот она, тайна,— мы ли приближаем к себе тех, кого уже нет, или это они невидимо проникают в нас, сближая не только с собой, но и с живыми? Вероятно, и то и другое — во взаимности разнящихся усилий мысли, в нетождественном диалоге чувств. Потому и слитность эта приходит на мгновение, чтобы снова отодвинуться людским обиходом. И им же быть возвращенной и даже усиленной во много крат...

Когда я перечитывал, одну за другой, страницы, принадлежащие Виктории Чаликовой, меня не покидало ощущение:

передо мной — завтрашний день[1]. И она — из числа долгожителей.

Бережно собранные тексты хранят зримость только что сотворенной рукописи. Их дыхание сливается с дыханием читающего. Пульс совпадает с пульсом. Чем же достигается такой результат — отнюдь нечастый во времена нынешнего публицистического бума?

Замечаем, естественно, добытое талантом и трудом: благородство и изящество Викиного письма, превосходное владение русской речью, лаконизм, делающий доступнее всегда присутствующую у нее сквозную мысль. Все так. Но все же не это главное.

Главное — то, что я посчитал уместным вынести в название: ересь Добра. Ересь тех, кто настаивает на его первичности.

Однако не ломятся ли они в открытую дверь? Не странно ли — Добро в качестве ереси? На эти вопросы, собственно, и отвечает Виктория Чаликова — всем, что она в последние годы написала, и всем, что она в эти же годы успела сделать.

Многие годы мы с Викой были дружны, и это, казалось бы, позволяет мне с достаточной уверенностью писать о ней; теперь же эта уверенность поколеблена. Ее место заняла загадка.

За внешностью настежь открытого человека, со столь красившей ее быстрой улыбкой, чуется то, что в другом случае можно было бы назвать страданием. Однако у Вики это было все же чем-то иным. Похожим, но иным. Чем же? Тревогой, которая не покидала ее и распространялась и на близких и на кого-то еще, кого она знала и кого еще не узнала, а узнавши, тут же зачисляла в число близких, нуждающихся в ее поддержке и помощи? Да, пожалуй, это. Но еще и беспокойство духа, озабоченного распространенным среди нас непониманием друг друга, с проистекающим отсюда собственным долгом: соединять руки и уста. Конечно, и это. То и другое вместе. Зовущее: навстречу каждому!

Каждому — стало быть любому. И при любых обстоятельствах.

Тем, коими полна наша жизнь с ее беззащитностью человека, и не только перед чем-то явным, олицетворенным в имеющих вывеску департаментах власти и в имярек распорядителях жизни, но и перед самим собою, беззащитным, поелику лишен выбора. Если не привилегия, то дискриминация. Если не на авансцене, то в яме. Ежели не ты вверх, то другой.

Мне скажут: но ведь это вчерашний день. Сегодня же все наоборот. Не стану отрицать, хотя нетрудно за явь принять мираж. Смущает же это самое «наоборот». И не какое-то очевидно карьерное, ловкачество хамелеонов. А «наоборот» порядочных людей, многие из которых годы назад и помыслить не могли, что окажутся в политиках, законодателях, далеко слышимых ораторах. Рухнула система, в огромной мере державшаяся выверенной селекцией «кадров». Сейчас система эта вся в трещинах и дырах, края которых раздвигаются жизнью, впуская свежее слово и нетривиальную мысль, но преимущество отдавая громкоголосому «нет».

А у всех переворачиваний сходство в норове: от вольных хлебов отвержения вчерашних канонов и кумиров не тянет к сомнению, адресуемому себе. До вопросов ли, до вопрошания ли, когда в разгаре аукцион готовых ответов?! С этими же, последними не пойдешь навстречу любому человеку в любой беде. Вирус ниспровергнутого Моно обретает новые и едва ли не менее опасные штаммы. Отчасти изощренней прежних, отчасти же наследующих достаточно банальную потребность ментора в пастве. А избранничество «учителей жизни» продуцирует, в свою очередь, избранничество прихожан, вопреки даже собственному желанию оборачиваясь расколом на секты, которые тем неистовей, чем неуловимей (до полного исчезновения) их предмет.

Я не собираюсь сейчас развивать эту беспокойную тему. Пишу ведь не о злобе дня, а о Вике Чаликовой. Но и обойти ее не могу, поскольку Вика последних лет окунулась по горло в половодье общественного возбуждения, и отнюдь не в отражательном смысле, а в самом активном. Но наставничества — ни на грош. Ни малейшего покушения на курсив жестом или звуком. Она могла ошибаться и даже упорствовать в своих заблуждениях, но руководствуясь не самоутвердительными мотивами, а как раз тем — навстречу любому человеку в любой беде, что составляло нерв ее горячечной полносуточной жизни. Нормально честолюбивая, она была вовсе свободна от тщеславия. По возрастным и иным приметам ее отнести бы к генерации «опоздавших» (и торопящихся наверстать упущенное ими в лихолетье семидесятых). Однако и тут она как бы вне правила. Не опоздала, а внутренне дозрела до поступка, совпадающего с поисками душевного соответствия малому и большому Миру. И удивительным, но вполне натуральным образом оставалась собою, домашним человеком, Викой в единственном числе, в то время, когда кругом происходило неприметное и, увы, неумолимое усреднение тех, кого волны событий вздымали все выше.

Откуда же этот иммунитет ее к лидеромании? Ответом послужила бы биография. Мне кажется, что поживи она еще, нам довелось бы прочитать ее повесть о себе, и это жизнеописание было бы и увлекательным, и неожиданно поучительным. По сей день мы с ее дочерью досадуем, что не запечатлели на пленке рассказ Вики о ее тбилисском детстве (когда ж это было? где-то в самом начале восьмидесятых...). Собственно, не детство явилось сюжетом, а Пушкин. Я переживал тогда, вторично в жизни, спасительный запой им и подстрекнул Вику поделиться ее Пушкиным. Это была поистине потрясающая импровизация. Приоткрылись створки души, и вернулась девочка с удивительным воображением, ранимая, скрытно несчастная, вся в ссадинах, и не от тяжкого быта, даже не от ранних потерь, а от своей неузнанности, от потребности поделиться собою с другими людьми, потребности, для которой еще не отыскались собственные ее образы и слова. Выручил Пушкин. Пришел к ней таинством ночного чтения «Евгения Онегина», радостной музыкой человеческого существования, олицетворенного в неприкаянной жизни врозь любящих людей. Та уже далекая, сороковых, тбилисская Золушка пробуждалась. Дворца ей будущее не сулило, принца также. Но детское страдание оттеснилось счастьем достойно прожитого дня. День за днем составившего ее недолгую жизнь.

Этот кусочек памяти получает мудрое разъяснение в опубликованном посмертно одном устном тексте Мераба Мамардашвили. Грузин, русский и европеец в одном лице, Мамардашвили говорит о неповторимом тбилисском менталитете. «Талант незаконной радости», «нота того пространства, в котором я родился». Не правда ли, странно: музыка радости, в авторах которой каждый, кто тбилисец. Музыка, наполняющая существо, а рядом — «категорический, абсолютный запрет» на то, чтобы этим, особого рода трагизмом «отягощать окружающих», «размазывать» его и тем паче «перемалывать на чужих спинах». В том и трагизм, что радость не просто сама по себе, она — нравственное основание: человек защищает других от себя, от своих неотвратимых невзгод и утрат, защищает всех собственной «легкостью» — вопреки подстерегающему его мраку конца.

Не берусь судить, прав ли философ и исключителен ли в своей прописке талант незаконной радости. Но к Виктории Чаликовой подходит каждое из этих магических слов. Они объемлют всю ее судьбу. И, быть может, в наибольшей мере — завершающие жизнь годы. Наблюдая снедавшую ее лихорадку деятельности, те, кто знал ее близко, не раз спрашивали друг друга: а не болезнь ли распоряжается Викиным порывом? В свете случившегося это можно бы назвать предчувствием. И тем не менее это не так. Следуя Мамардашвили, я бы сказал — абсолютно не так. Что мы, люди, знаем на самом деле о роли, какую нарушенная плоть играет в одиссеях духа? Каждый такой случай сугубо индивидуален, а все они разнятся между собой содержанием и результатом. Трагична все-таки не сама смертная развязка, а сопротивление, которое человек оказывает соблазну строить жизнь, исходя из ее единственности. К тому же человек — в большей или меньшей мере дитя своего века, а не всякий век поименуешь трагическим.

Это кажется безусловным в отношении века двадцатого. У какого из веков-предшественников на счету величественнее свершения и глубже, сокрушительнее поражения? Различие, однако, не в числах, а в связке добытого и утраченного, в их взаимных превращениях, при которых уже трудно отличить первое от второго. Оно заметней, когда результат имеет пьедесталом гибель. Но куда труднее разглядеть в поражениях творца, а опознавши принять его в них. Тут уж одним стоицизмом не ограничишься. Зов века — быть на высоте его поражений. Учиться добывать из них «незаконную радость» бытия, которая в иных местах не придет звонкостью и легкостью, напоенное южным солнцем. Мераб Мамардашвили бежал из «тяжелой» Москвы на родину. Виктория Чаликова пустила корни в Москве. Я не помышляю ставить знак тождества между ними, и моим пером ведет не пафос некролога. Судьбы уравнивают людей, превращая обрывы их жизни в наследство, в неотъемлемую часть его. И в ту именно часть, которой под силу превозмочь власть генов и не дать крови предков послужить аргументом насилия без предела.

Жизнь свела Вику с двумя великими еретиками XX века — Джорджем Ору-

[1] ИНИОН РАН выпустил двухтомник Виктории Чаликовой: «Утопия и культура» и сборник избранной публицистики «Эти пять лет».

эллом и Андреем Сахаровым. С одним — книжная встреча, с другим — очная, с нарастающей близостью. Впрочем, и первая — по сути прямая. Вика открыла себе Оруэлла, а он открылся ей. Или точнее: открывался текст за текстом. Не одни лишь спецхрановские преграды пришлось одолеть ей на пути к неуре-заниному Оруэллу, а еще и препоны подтекста, игры в аллюзии. В результате образ Старшего Брата, этого анонимного, надпространственного людоеда, не признающего никакого другого чувства по отношению к себе, кроме безраздельной любви, пророс вглубь, раня ум, освобождая сердце от невысказанной боли утрат. Но разве не это же случилось сначала с самим писателем?

«Нельзя быть поэтом в душе, как нельзя быть сапожником в душе», — жестко сказала Марина Цветаева. Оруэлл через десять лет — каких лет! — ответил страшнее: «Быть человеком в душе нельзя. Быть человеком можно только в реальности». Я извлекаю эти цитаты из статьи Вики «Несколько мыслей о Джордже Оруэлле» (опубликованной в августовской книжке «Знамени» за 1989 год). По-моему, это одна из лучших ее работ. Умело инкрустируя текст высказываниями людей, близко знавших Оруэлла и напряженно думавших о нем, Вика укрепляет себя и читателя в мысли: как к цветаевскому поэту, так и к оруэлловскому «человеку в реальности» не прийти в обход усилий, кажущихся напрасными, безумными. Они и впрямь избыточны, эти усилия пересотворения жизни. Но есть оселок — мера! Уже не задним числом устанавливаемая, как века назад, не корректирующая прогресс.

Всему высокому суждено отныне быть загодя испытанным на обыкновенность, на вмещаемость в будни человека. Последнее слово — им, будням. Однако не потерять бы на ходу и высокость. А может, устарела, дышит надуманностью и сама коллизия? Может, пора очистить лексиконы от слова «цель», оставив только «задачи»? Западня для одного — капкан на всех...

Я задержался на романе Вики с Оруэллом, ибо убежден: ее взлет не был бы столь стремительным и ярким, если бы не встреча с этим чудаковатым, едва ли не нелепым англичанином, представлявшим собой неразгаданный ребус даже для ближайших его друзей. Он, Джордж Оруэлл, не только питал ум Вики, сопровождал ее на митингах и публичных дебатах, но и поддерживал в бедах, преследовавших ее с детства, всю жизнь. Он был с нею, когда внезапно погиб Федя Афанасьев, отец любимого внука, сложный, трудный, интересный человек, ее друг-спорщик. Мне кажется, природу пережитого ею горя верно определила подруга Вики Инна Рековская, сказавшая: Вику терзало недоумение, как объяснить себе, что от дикой случайности в какую-то долю секунды перестает работать мозг, обрывается сосредоточенное раздумье человека над смыслом своей и чужой жизни? Такого рода недоумение одних людей вгоняет в тоску, других укрепляет, просветляет. Когда сама Вика осознала близость конца, она не сдалась. Мысль работала. Слабея, выступала дома и за рубежом. Рука не держала перо, диктовала последние строки. Вспоминался ли ей Оруэлл — каталонский, барселонский? Конечно. И Сахаров — горьковский, московский? Бесспорно.

Неудивительно, что и в Андрее Дмитриевиче она уловила ту сторону его натуры, его размышлений и действий, которые позволяли ей назвать его еретиком. Еретиком среди соотечественников. Еретиком среди земляи. Не стану пересказывать Викины тексты о Сахарове. Пусть читатель прочтет и перечтет их. Они этого заслуживают. И в свою очередь вносят дополнительные мотивы и краски в те принадлежащие Виктории Чаликовой страницы, которые представляются мне ее завещанием. Я имею в виду выступление 1989 года, озаглавленное «Существует ли тоталитарное мышление?»[2]

Вика оспоривает здесь суждение, подкрепленное авторитетами, — постулат о тоталитарной личности. Она не согласна. «Тоталитарная» — личность ли? И в самом ли деле тоталитаризму удался самый страшный из его помыслов — до конца овладеть человеком, заместив его тысячелетиями выработанные своеобычие и непокорство «безграничной податливостью»? Это не так, убеждала она. Это — высокомерное заблуждение. Даже в самоутрате есть неистребимая человечность. Шанс воспрять! Доказательства — и в опыте истории, и в развитии современной науки о человеке. Вика могла бы добавить: доказательство — и моя собственная жизнь. Конечно, сама она бы такое не вымолвила. Но мы вправе сказать это о ней. И вправе, и должны.

29 января 1992 года

В. Чаликова

Тоталитарная личность: судьба символа

XX век принес в политический и культурный словарь новый термин — тоталитаризм. Не лишний ли он, когда уже есть деспотизм, тирания, авторитаризм? Нет, невооруженным взглядом видно, что государство Пол Пота не похоже на государство Пиночета, что царская Россия просто несопоставима со сталинской. Понятия «тоталитарное государство», «тоталитарная идеология» — не ложные символы, за ними стоит качественно новая реальность, действительно требующая нового слова.

Но правомерно ли перенесение термина из политологии и политики в психологию и эпистемологию? В обыденное мышление и публицистику, в мораль и этику? Тоталитарная личность, мышление, сознание... Не встречали мы этого — не слова, а смысла — ни в Библии, ни у Канта, не читали о таком у великих художников XX века.

Справедливо ли это слово, то есть обеспечено ли оно смыслом? Вспомним историю термина. Сначала появился просто «тоталитаризм» — я считаю его корректным, хотя у некоторых политологов на Западе на этот счет сомнения. Новый термин завладел сознанием интеллигенции, проник в космополитический фольклор в течение четырех лет: с 1936 по 1940 годы[1]. Пользоваться им, раскрывать смысл нового понятия в системе философских размышлений или художественно-публицистических образов стали одновременно по меньшей мере пять европейских писателей — независимо друг от друга: Франц Боркенау, Андрэ Мальро, Артур Кестлер, Джордж Оруэлл и Игнацио Силоне. Знаменательно: все они — участники гражданской войны в Испании, свидетели того, как в антифашистском стане определилась и распорядилась судьбами тысяч людей сила, не менее зловещая, чем фашизм, — сила эмиссаров НКВД и попавшей под их влияние части испанских коммунистов. Эту силу они и назвали тоталитарной. Ее материальной основой были танки и пулеметы, а идеологической — установка, которую Оруэлл в книге об Испании сформулировал так: «Дважды два будет столько, сколько захочется вождю или правящей группе».

Расширение термина «тоталитаризм» и передвижение его в социально-психологическую личностную сферу связано с работой Ханны Арендт «Происхождение тоталитаризма», писавшейся в конце сороковых годов и увидевшей свет в 1951 году. В этой до сих пор захватывающей воображение работе за модель тоталитарного общества по существу взят фашистский концлагерь, а история падения и деградации человеческой личности в нем воспроизводит сцены в подвале Министерства любви в романе «1984». Первым рушится правовое сознание личности: человек приучается понимать, что его наказывают или поощряют не за то, что он делает, а за то, как его называют, последнее же зависит от соответствия его поведения закону. Закон есть, но ни понять его, ни сознательно подчиниться ему нельзя; следует лишь безответно принимать удары его меча. На второй фазе разрушается моральное сознание личности: в условиях постоянного унижения и выбиваемого пытками предательства человек перестает различать добро и зло, реагировать на них. Для него остается одна реальность — наличие или отсутствие физической боли, голода, жажды. Наконец, — на третьей фазе — человек перестает любить свое изуродованное пытками тело, свое обезображенное лицо. Он больше не человек.

В книге Арендт не утверждается, что несчастная плоть, оставшаяся от человека в застенке, и есть «тоталитарная личность». Скорее получается, что тоталитарно сознание людей, постоянно живущих на пороге застенка и поэтому старающихся и обмануть идеологию, и поверить ей. Основу тоталитарного созна-

[1] Первыми употреблять термин «тоталитарный» стали в конце двадцатых годов критики Муссолини — сам будущий дуче считал его позитивной оценкой своей системы. Но широкое циркулирование понятия относится к более позднему времени.

ния составляет, по словам Арендт, сочетание крайнего цинизма и скепсиса с фанатизмом и слепой верой. Происхождение этого комплекса сложно и длительно: его генетические истоки автор ищет и в сакрализации власти, и в атомистичности буржуазного общества, и в романтизме, и в прагматизме. Но наличие некоего глубоко личностного синдрома как одновременно и причины, и следствия тоталитаризма для нее несомненно.

Критика модели Ханны Арендт поначалу носила непосредственно исторический характер. Ей указывали, что предложенная модель не пригодна для описания режимов и, главное, самой жизни общества в других фашистских странах — Испании, Италии, Португалии. Что касается СССР, сомнения в приложимости к этой стране определения «тоталитарная» были прежде всего связаны с ролью Советского Союза в борьбе с фашизмом.

После хрущевской оттепели, после вспышек сопротивления в Польше, Венгрии, Чехословакии представления о тотальности однопартийного коммунистического режима и о подлинной преданности ему народов в этих системах сильно поколебались. Если в 1952 году философский симпозиум в США определил теоретический статус тоталитаризма, обозначив его как строй, при котором общество закрыто для внешних влияний, и «все в нем — от выпуска продукции до воспитания детей контролируется из единого центра», то уже в энциклопедии 1968 года автор статьи о тоталитаризме замечает, что это скорее метафора, чем научный термин. С другой стороны, такие философы, как Альтюссер и Глюксман, не смущались (в конце шестидесятых годов) назвать Францию «тоталитарной» из-за «потребительского террора» ее богатых витрин и из-за «лживого плюрализма» газетных киосков. Тому, кто жил при реальном тоталитаризме, это, разумеется, не смешно.

Но нас ведь интересует другое: существует ли особым образом организованное тоталитарное сознание нации или этноса, или — нейтральнее — культуры, неизбежным политическим выражением которого становится соответствующая идеология, а социальным контекстом — тоталитарное государство?

Или просто люди, живущие в таком государстве, кажутся нам «тоталитарными», потому что они вынуждены подчиняться силе? Я убеждена в последнем. Убеждение это можно подкрепить следующими аргументами.

1. Аргумент времени.

Трудно себе представить, чтобы столь глубокие, тысячелетиями складывавшиеся структуры-процессы, как сознание, мышление, исчезали и появлялись, разрушались и крепли в такие сроки, как год или месяц. Невозможно предположить, чтобы судьбой таких феноменов управляла одна личность, что факт простой физической смерти одного человека, пусть и наделенного сверхчеловеческой волей к власти, оказывался здесь решающим. А между тем все помнят, что уже через месяц после смерти Сталина люди стали другими: изменилось их поведение, облик, слова, настроение. Помнят и другое: на глазах всего мира одна из самых цивилизованных наций Европы — немецкая — превращается в орду диких завоевателей, а потом — уже через год-два после гибели Третьего рейха — приезжавшие в Германию не могли взять в толк: эти ли доброжелательные, воспитанные люди были фашистами, эти ли здравомыслящие бились в пароксизме страсти к фюреру? Поведение человека бесконечно пластично, но, если столь же пластично его сознание, можно ли вообще говорить о сознании как самотождественном объекте?

2. «Эффект третьего лица».

Социально-психологической подпоркой концепции тоталитарной личности была и остается (хотя уже не столь авторитетная, как тридцать лет назад) концепция «социального характера», разработанная известным американским психологом, фрейдо-марксистом Эрихом Фроммом на основе сенсационных в начале века трудов французского социолога Эмиля Дюркгейма. Гипотеза Дюркгейма, что человек не может не быть внутренне согласен с господствующими нормами, что альтернатива конформизму — самоубийство (именно так — «Самоубийство» — называлась ключевая книга Дюркгейма) превратилась у Фромма в теорию «интериоризации» — вживления в человека господствующих ценностей и превращения личности в «социальный характер» — кальку социальной структуры.

Нетрудно догадаться, что увидеть этот процесс может только тот, кто сам сохранил свое мышление, свой характер не тронутыми этим процессом и вместе с тем не стал самоубийцей. Размышляя об этом, приходишь к мысли, что концепции тоталитарного сознания соответствует некая особенность художественного творчества, художественного мышления, которую отрефлексировали наиболее щепетильные и чуткие к творческому эгоцентризму писатели. Так, Джордж Оруэлл не случайно отказался от первоначального названия своего романа-дистопии «Последний человек в Европе». Герою романа, интеллигенту Уинстону Смиту, кажется, будто он один сознает абсурд и ужас окружающего, остальные же настолько одурманены пропагандой, что не понимают своего положения. Но, оказавшись в тюрьме, он с удивлением обнаруживает там и своего образцово-показательного соседа Парсонса (кричавшего, оказывается, во сне «Долой Старшего Брата!»), и знакомого поэта-одописца и многих других, таких же, как он, внутренних диссидентов, со стороны казавшихся вполне «тоталитарными личностями». В романе, изображающем «сверхтоталитарный» мир, нет ли одного «социального характера», соответствующего этому миру!

А лагерная литература? Там есть герои и подонки, жулики и юродивые, фанатики и циники, но «внутренних конформистов» — нет.

Между тем в обычной романистике и драматургии фон главных героев всегда составляют персонажи, готовые, казалось бы, завтра стать идеальными винтиками в тоталитарной машине. Именно они, простаки Меркуцио и простушки Варвары, призваны оттенять своей примитивностью, стереотипностью, послушанием необычность и мятежность центральных персонажей. Объясняя это явление, Оруэлл писал, что «первое лицо» романа — неизбежно и первое в грамматическом смысле: это всегда скрытое «я» автора, всегда отождествляющего себя с одним лицом. В «Улиссе» Джойса, пишет Оруэлл, репортер Блум менее тонок, чем поэт Стивен, потому что Стивен написан на самом деле «от первого лица». Искусство не может сделать всех героев «первыми лицами», но, подчиняясь зову художественной правды, оно не может сделать ни одного из героев абсолютно «третьим» лицом, стопроцентным конформистом, поэтому мы и имеем блистательные образы тоталитарного мира и ни одного образа тоталитарной личности.

В философии, психологии, социальной критике, то есть в областях творчества менее интуитивных, непосредственных, менее подчиненных объективным законам воображения, сконструировать тип сверхконформиста, описать тоталитарное мышление и сознание оказалось проще. И делалось это с большим энтузиазмом, поскольку разделение людей на необыкновенных и обыкновенных соответствует иерархическим притязаниям авторов.

3. Аргумент социологии.

Уже первые серьезные исследования бюрократических организаций не обнаружили среди массы составляющих их служащих никаких конформистов, а тем более сверхконформистов, а ведь именно этот созданный индустриальным обществом тип должен, как полагала еще Ханна Арендт, при благоприятных политических условиях стать основой тоталитарного сознания. «Человек в организации,— писал автор ныне известного у нас исследования «Феномен бюрократии» Мишель Крозье, — это не конформист, а скорее ретреатист, существо себе на уме, находящееся во взаимовыгодной сделке-игре с профессиональными и социальными структурами».

По-своему опровергло концепцию «тоталитарной личности» знаменитое исследование под руководством Теодора Адорно «Авторитарная личность».

Обследовав сразу после второй мировой войны тысячу рядовых американцев, исследователи обнаружили у двух третей граждан этой демократической, антифашистской страны... фашистский синдром — основу тоталитарного строя. Реакционность политических взглядов, расовые предрассудки, манипуляции с собственной памятью, культ сильной личности, подавленно-извращенная сексуальность, антисемитизм или поиск каких-нибудь врагов на роль «евреев» (например, пьяниц) — все было при них. Может быть, люди в массе тоталитарны? — вопрошает книга.

Разница между человеком, живущим в тоталитарном обществе, и гражданином свободного мира — в поведении, а не только в уровне и образе жизни — очевидна. Что касается «натуры», «внутреннего человека», социологические исследования ни разу не смогли зафиксировать эту разницу. И только преданностью концепции можно объяснить тот факт, что наши интеллектуалы либо не интересуются зарубежными исследованиями, либо игнорируют их. Но в одном из номеров журнала «Родина» я с радостью увидела, что Сергей Васильцов взял на себя труд сопоставить результаты социологических исследований по выявлению политико-идеологических установок в СССР и в развитых капиталистических странах. Результаты выразительны! Почти половина жителей стран ЕЭС разочарована в де-

мократии, треть считает, что в условиях кризиса диктатура была бы эффективнее, каждый второй житель Италии и Испании настаивает на кардинальном сокращении числа партий, — правда, это постфашистские демократии, — но от трети до половины населения стран ЕЭС делает ставку на личность лидера, а во Франции де Голль опять стал идеалом политического деятеля...[3]

Сопоставим это с результатами опроса по теме: «Перестройка, политическое сознание, социальные отношения» — 1200 человек отвечали на вопросы о политике, экономике, доходах, партии, советах, об отношении к различным политическим деятелям (включая Гитлера, Сталина, Фиделя Кастро, Лигачева, Ельцина). По заключению авторов, 15 процентов из них — «абсолютные демократы» и две трети — относительные демократы, на «обывательском» или «эклектическом» уровне. Где же «гомо советикус» в массе?

4. Аргумент эмиграции.

Ничто не должно было бы так разрушить образ «гомо советикус», существа чуть ли не физиологически приуготовленного для тоталитаризма, персонажа острой публицистики и блистательной сатиры, как эмиграция советских граждан на Запад. И даже не так называемая еврейская эмиграция, а та невольная стихийная эмиграция, которая возникла в связи с войной, репатриациями, депортациями и т. д. Это был средний срез населения — люди разных слоев, возрастов, национальностей. Американскому исследователю удалось опросить часть этих людей, и в 1959 году вышла книга Алека Инкельса «Советский гражданин». Это были разные люди — сильные, слабые, хитрые, простодушные. Но ничего специфического, кроме биографии, в них не было. Многие из них любили деньги, были ориентированы на успех, предрассудки и стереотипы были смешаны у них со здравым смыслом. Бывший председатель образцового колхоза, отнюдь не проявляя идейного антикоммунизма, рассказывал о системе «заначки» зерна, о способах обмана начальства, которое, по его словам, тоже зачастую было «себе на уме».

На вопрос о себе интервьюируемые прежде всего указывали, где сейчас работают: этот коренной, по Ханне Арендт, порок индустриального общества — идентифицировать себя по служебной роли — был у них налицо. Инкельс (побывавший и в нашей стране и здесь тоже опросивший — насколько это тогда было возможно — некоторых представителей различных социальных групп) пришел к выводу: СССР — индустриальное общество, сильно деформированное политикой и идеологией господствующей группы, его модернизация поверхностна и противоречива, но серьезной деформации личности не произошло. Да, люди в нем далеко не всегда разумны и рациональны, но они всюду таковы.

5. Аргумент структурализма.

Среди научных факторов разрушения концепции тоталитарного сознания главным представляются достижения структурной антропологии, и в первую очередь — школы Леви-Стросса. Если мы сопоставим парадигмы Леви-Стросса с тезисами статьи Л. Гозмана и А. Эткинда «От культа власти к власти людей»[4], мы ясно видим, что все приписываемое авторами нашему человеку — «черно-белое» восприятие мира, восприятие его как неподвижного и в конечном счете справедливого и т. д. — у Леви-Стросса есть просто характеристика человеческого мышления вообще.

Воспитанные в школе формационного анализа, исходящего из того, что ненаучные, мифологические фазы в развитии человечества сменяются научно-рационалистическими, изжившими миф, мы с большим опозданием узнали о достижениях структурной лингвистики, структурной антропологии, а узнав, приняли их, ничего между тем не изменив в прежнем подходе. Революция знания, проведенная Леви-Строссом, состояла в том, что рабочий предмет своей профессии — миф — из экзотического, примитивного, детского феномена он превращает в парадигму существования. Вся жизнь с ее представлениями о правом и левом, верхнем и нижнем, черном и белом, высоком и низком, хорошем и дурном предстает как гигантский миф о реальности, в которой, может быть, нет ни правого, ни левого (или правое — лево, как в зеркале). Миф — не утешение дикарей, писал Леви-Стросс, «задача мифа — создать логическую модель для преодоления противоречий». В эпилоге книги «Грустные тропики» Леви-Стросс пишет: «Так

[2] Васильцов С., Синдром политической «Робинзонады».

[3] «Век XX и мир», 1989 год, № 3.

[4] «Нева», 1989 год, № 7.

А. Ситников, «Черный бык».

что же я узнал от мастеров, которыми любовался, от философов, которых читал, обществ, которые изучал, от самой науки, которой так гордится Запад? Один-два урока, соединив которые можно стать на уровень дикаря, сидящего в безмолвном созерцании под деревом. Историческое сознание не разрушило мифов, опыт не разрушает предрассудки. Потребность в снятии противоречий сильнее всех тех орудий, которыми пытаются снять саму эту потребность». По Леви-Строссу, тоталитарно всякое мышление, ибо оно всегда стремится к целостности, и все мыслительные конструкции полярны, ибо мысли нужно как-то ориентировать. Отношения человека со временем не могут опираться только на хронологию и фактографию. Предрассудки своих соотечественников мы часто объясняем закрытой статистикой. Но вот в странах, где люди привыкли к статистике, где каждый знаком, например, с цифрами увеличения продолжительности жизни за последние сто лет, массы опрошенных утверждают, что «раньше люди жили дольше». Образ «золотого века» живет в сознании людей, как и образ грядущего «черного дня».

6. Аргумент антропологической истории.

Почти целый век мы воспринимаем мир в терминах исключительно социальной истории — истории классов и государств. Термин «тоталитарное сознание» — побочное дитя социальной истории. Эта история необходима, но она должна дополняться изучением того, что на Западе называют «ментальностью». Один из ярких представителей советской антропологической истории, А. Я. Гуревич определяет ментальность как «уровень индивидуального и общественного сознания». Под догмами и клише он призывает увидеть «магму жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений»[5]. Ни одной системе нельзя верить на слово — и ее официальные трубадуры, и ее оппоненты оперируют концепциями, сквозь которые протекает реальная картина мира его современников. «Идеологические сред-

[5] Гуревич А., Ментальность. 50/50. Опыт словаря нового мышления. Москва, 1989 год.

ства (в том числе контридеологические.— *В. Ч.*) способны активизировать определенные аспекты ментальностей, но они, по-видимому, в большей мере их высвечивают и выявляют, нежели создают, ибо пускают корни в обществе преимущественно лишь те стороны идеологии, которые находят себе почву в ментальностях, перерабатываясь в соответствии с ними»,— эти слова А. Я. Гуревича я вполне отношу и к концепции тоталитарного сознания.

Да, видимо, что-то было в «почве», если свойственный всякому человеческому сознанию тоталитарный потенциал актуализирован в нашей истории. Но это — поверхностная актуализация, она не означает, что люди, которые говорят некие слова и разделяют архетипичные общечеловеческие мифы равенства и справедливости, действительно, не смогут жить при рынке и парламенте, что они вымрут без агитпунктов и политзанятий.

7. Нонсенс «тоталитарного народа».

Говорить о «тоталитарной нации» невозможно хотя бы потому, что славу Сталину равно громко пели и на туркменском, и на молдавском. Но и «тоталитарного народа» не может быть по определению. Доказать, что дважды два — пять, может только интеллектуал, ему свойственная любовь к абстракциям и жажда тотального упорядочения мира. Тотализирующая мысль — такое же редкое свойство, как способность усваивать десятки языков или множить в уме трехзначные числа. Если уж есть что-либо подобное тоталитарному мышлению или сознанию, источник его надо искать там, где мыслительное измерение сформировано, а не в стихийной, так называемой обывательской реакции на мир. Не случайно роман Г. К. Честертона «Человек, который был Четвергом» изображает не вообще заговор с целью создания тоталитарного строя, а заговор группы интеллектуалов против жизни и здравого смысла, да и в романе Оруэлла «1984» простые люди — пролы — абсолютно свободны от идеологии Ангсоца: «Они верны не идее, а друг другу». Мы не можем игнорировать также свидетельства такого незаурядного по уму и судьбе человека, как Надежда Яковлевна Мандельштам, показавшая в своих мемуарах, что чем дальше от писательских приемных и светских салонов, чем глубже в толщу народной жизни, тем свободнее люди от пресса идеологии, тем они скептичнее относительно всяких «измов».

Все это не означает, что концепции тоталитарного сознания, тоталитарного мышления, тоталитарной личности были в науке пустым местом. Эвристическая сила, ассоциативность, психологическая правдоподобность, может быть, обеспечат им долгую жизнь. Конкретная социология и житейский опыт не всегда могут противостоять идеологии и публицистике. Судьба гуманитарно-научной концепции не должна в принципе зависеть от эмпирического подтверждения. Веберовская концепция «протестантской этики» не потеряла своего авторитета и после публикации данных, показавших, что пионерские торговые дома в Европе были не протестантскими, а католическими — важен принцип зависимости материальной и духовной сторон развития общества.

Сегодня критически оценить концепцию тоталитарного сознания нашего народа понуждают сугубо политические обстоятельства. Выразительный символ, принятый на вооружение средой демократической оппозиционной интеллигенции в шестидесятых — семидесятых годах, оказался похищенным противниками демократизации и модернизации нашего общества. Теперь, сопротивляясь той или иной конкретной реформе, ее противники уже не говорят, что лежащие в ее основе идеи пришли с «гнилого Запада», и даже остерегаются утверждать, что они «противоречат марксистско-ленинскому учению», поскольку совершенно не представляют себе, как придется толковать это учение завтра. Нет, они говорят: «Да, идея хороша, но не для нашего народа с его тоталитарным мышлением».

Странно это слышать, но еще более странно было видеть, как недели за две до выборов в Верховный Совет СССР крупные ученые утверждали, что радикальные кандидаты не имеют шансов, особенно в заводских районах, поскольку «народ тоталитарен» и «ненавидит интеллигенцию». Теперь все знают, что произошло на самом деле. Разумеется, в условиях дефицита агрессия всегда наготове, но пока ни один опрос не фиксирует в большинстве населения тоталитарные установки.

Жизнь символов открыта времени. Открыта и дискуссия о них. ●

Публикация Г. ЧАЛИКОВОЙ

Р. Магрит. «Вопрос без ответа».

С. Сперанский, *доктор биологических наук*

Кажется, мы меняемся

Постскриптум к статье «Болото или Вселенная?»

«На ловца и зверь бежит»... Странная пословица, не правда ли? Зачем это зверю бежать на ловца? Однако в языке не может быть ничего случайного, и вековая мудрость наверняка отражает реальную, часто повторяющуюся связь явлений: сделан запрос — тут же на него приходит ответ, хотя нет никаких внешних признаков его детерминированности фактом запроса.

Едва я успел отправить в редакцию журнала статью «Болото или Вселенная?»*, как получил от А. Орловского из Киева предложение провести совместное исследование на белых мышах. Орловский — биолог, почетный доктор (Doctor of Science) международной организации «Medicina Alternativa».

* «Знание — сила», 1991 год, № 10.

У себя в Киеве в опытах на белых мышах он установил факт, противоречащий обнаруженной ранее фундаментальной закономерности. Сформулированная В. Бианки, она известна как «правило право-левого смещения условного рефлекса». Суть «правила» состоит в том, что у животных разных видов в ходе обучения, неважно какого, неизменно прослеживается тенденция к усилению функции левого полушария. Эта тенденция может быть абсолютной (когда правополушарное доминирование сменяется левополушарным) или относительной (смена правополушарного доминирования на межполушарную симметрию или слабого левополушарного доминирования на более выраженное). Однако направленность сдвигов во всех случаях постоянна.

Для исследования функциональной асимметрии полушарий используют разные способы. Например, учет спонтанных перемещений белых мышей в специальном лабиринте, где мыши в узловых точках могут выбирать, куда им повернуть — по часовой стрелке или против. Если мышь поворачивает по часовой стрелке, она проходит больший путь левыми конечностями, и наоборот. А поскольку в мозгу «представительство» конечностей переворачивается, то есть левые представлены в правом полушарии, а правые — в левом, то преобладание поворотов по часовой стрелке свидетельствует о правополушарном доминировании.

Впрочем, детали здесь не так уж важны. А важно вот что: с помощью простой методики — мышь в лабиринте — можно проверить в двухдневном эксперименте, работает ли сейчас универсальное «правило Бианки». Орловский проверил (на пятидесяти шести «киевских» мышах) и обнаружил совершенно четко: не работает. Первоначально он предположил, что это связано с особо неблагоприятными экологическими условиями в районе Киева (близость к Чернобылю, повышенный радиоактивный

фон). Именно поэтому Орловский обратился ко мне, чтобы посмотреть, как обстоит дело в относительно чистом Новосибирске. Он взял короткую командировку, приехал в Новосибирск с лабиринтом, обучил методике меня и мою помощницу Г. Кухаренко. Вместе мы провели опыты с первыми десятью мышами. А после его отъезда Кухаренко исследовала еще семьдесят мышей.

Ответ был предельно определенным, хотя и не соответствовал первоначальной гипотезе: у новосибирских мышей «право-левое смещение» тоже не наблюдалось. (Правда, тонкие методы статистического анализа все же выявили большую степень правостороннего доминирования у киевских мышей.)

Итак, было смещение и исчезло. Разумеется, нет никаких оснований не доверять исследованиям Бианки и его фундаментальному обобщению. Но это правило базируется на опытах восьмидесятилетней давности, а возможно, и более ранних (последний труд автора «Асимметрия мозга животных» датирован 1985 годом, первые публикации по теме относятся к середине семидесятых годов). С тех пор произошло изменение.

В статье «Болото или Вселенная?» я писал о лавинообразном нарастании разного рода «чудес», то есть необычных явлений, относящихся к компетенции парапсихологии: «Я не могу назвать причину этого процесса, может быть, действуют какие-то космические факторы или непознанные законы эволюции человека, ноосферные изменения или промысел Божий». И вот теперь причина приоткрывается! Она состоит в биологических изменениях, происходящих не только с человеком, но и с животными, даже столь далекими от человека, как белые мыши. А ведь у человека правое полушарие «отвечает» за этику, эстетику, интуицию, религиозные убеждения, за всю область паранормальных явлении. Исчезновение же «право-левого смещения» связано с ослаблением левополушарного доминирования, то есть с усилением функций правого полушария.

Значит ли это, что гипотетические причины, которые были высказаны мною в цитированном абзаце, отменяются? Никоим образом! Только между ними и следствием, о котором речь, встраивается еще одно звено причинно-следственной связи: гипотетические причины вызывают биологический сдвиг, а уже он в свою очередь приводит к тому, что мы наблюдаем в обществе.

Знаю, что мне могут возразить (и наверняка возразят): разве можно от нескольких десятков опытов переходить к столь грандиозному обобщению? Вдруг в какой-нибудь третьей точке, скажем, во Владивостоке или Нью-Йорке, у тех же мышей все-таки будет найдено «смещение»? Или, может быть, оно будет обнаружено при иной форме эксперимента? А где гарантия, что это справедливо для других видов животных, включая человека?..

Согласен. Со всеми возражениями подобного рода заранее согласен. Потребуются многие тысячи опытов, чтобы подтвердить возникшую гипотезу или опровергнуть ее. Но право заявить ее существует уже сейчас, чем я и воспользовался при написании «Постскриптума».

В заключение хочу подчеркнуть еще раз, что идея опытов и методика их проведения принадлежит А. Орловскому.

Этот «Постскриптум» был уже написан и дожидался публикации, когда Орловский сообщил мне, что он проанализировал данные по раку легких за 1976—1991 годы. На большом материале — более семи тысяч случаев со всей Украины — он показал, что за последние годы (после чернобыльской аварии) процент правосторонних поражений легких достоверно увеличивается. Это объективно свидетельствует об увеличении относительной активности правого полушария у людей. ●

МОЗАИКА

Не забыты и автомобили

Человек любил рисовать всегда. Уже на заре туманной юности он, как мог, стремился украсить свое жилище, то бишь пещеру. Ну а когда он научился рисовать по-настоящему, то уже не смог удержаться и начал разрисовывать все, что только мог. Не были забыты и автомобили.

Сегодня многие владельцы любят украшать свои машины. Темы рисунков самые разные. Вот так украсили свои автобусы их владельцы на Гаити. Колумбийский художник расписал заднюю стенку автобуса, позаимствовав идею из старого рекламного календаря. А на борту панамского автобуса художник изобразил дракона. Страшно, аж жуть!

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Дж. Р. Р. Толкиен

Сильмариллион

Главы из книги

Глава 9. Исход Нолдоров

Непроглидная ночь окружала Круг Судеб. Валары сидели в креслах Совета, и высоко в небе горели над ними чистые звезды Варды. Ветры Манвэ разогнали мертвящую мглу, развеяли промозглые морские туманы.

На темную вершину Эзéллохара поднялась Йаванна. Она возложила руки на стволы Дерев, но темными и мертвыми оставались стволы, она трогала ветви — ветви ломались и падали к ее ногам. Велика была скорбь Валаров. Но еще не до дна осушили они чашу горя, поднесенную Мелькором.

Вот что сказала Йаванна Валарам:

— Свет Дерев погас, и живет теперь только в Сильмариллах Феанора. Провидцем оказался сын Финвэ. Даже самым могучим из нас выпадает в жизни Час Творения. Он приходит лишь однажды и не повторяется на просторах Эа. Мне не создать Света Дерев вновь, но будь у меня хоть капля Света, я вернула бы их к жизни. Корни еще можно исцелить, тогда раны затянутся и зло Мелькора будет забыто.

Тогда зазвучал голос Манвэ:

— Феанор, сын Финвэ! Ты слышал слова Йаванны. Готов ли ты выполнить ее просьбу?

Тишина повисла над Кругом Судеб. Молчал Феанор. Пылкий Тулкас вскричал:

— Говори, о Нолдор! Да или нет? Кто откажет Йаванне? Разве не ею создан свет, заключенный в Сильмариллах?

Аулэ-Мастер остановил его:

— Не спеши! Мы просим о большем, чем ты думаешь. Пусть решает сам.

Долго молчали все. Наконец Феанор с горечью произнес:

— Не только могучим Валарам выпадает Час Творения. Для малых сил он тоже наступает однажды, и тогда они способны на дела, в которых успокаивается их сердце. Да, я могу отдать вам Сильмариллы, но никогда не сотворить мне подобных им. Чтобы вернуть Свет, придется разрушить Камни, но тогда погибну и я — первым из Эльдаров Амана.

— Нет, не первым, — подал голос Мандос, и многие удивленно посмотрели на него.

Снова стало тихо. Феанор напряженно думал. Ему казалось: он окружен врагами; вспоминались речи Мелькора о том, что Валары хотят завладеть чудесными Камнями. «Ведь и Мелькор — Валар, — думал он, — разве не доступны ему их замыслы? Как видно, вор выдает вора!» И тогда вскричал он:

— Нет! Не отдам я по своей воле Сильмариллы! А если меня принудят, что ж, это только докажет, что и Мелькор — из рода Валаров!

— Ты сказал, — бесстрастно произнес Мандос.

* Продолжение. Начало — в № 9

Ниэнна поднялась на вершину Эзеллохара, отбросила серый капюшон, и слезы полились из ее глаз. Слезами смыла она грязь, оставленную Унголиантой. Плакала Ниэнна и пела о жестокости, пришедшей в мир, пела о прекрасной Арде, оскверненной злом.

Но беды злосчастного дня на том не кончились. Плач Ниэнны еще звучал над Кругом Судеб, когда явились гонцы из Форменоса, неся новые страшные вести. Они поведали, как на северные земли хлынула тьма, в сердце тьмы крылась неведомая сила. Укрытый Тьмой, Мелькор подступил к дому Феанора. Он убил Финвэ, не отступившего перед темным ужасом, разрушил Форменос, опустошил сокровищницы и похитил Сильмариллы. Так в Благословенном Краю пролилась первая кровь.

При этих нестерпимых словах встал Феанор перед Манвэ и проклял Мелькора, впервые назвав его Моргóтом, Черным Врагом Мира. Он проклял день и час, когда откликнулся на призыв Манвэ и пришел сюда, на склоны Таниквэтил. Видно, в ослеплении подумалось Феанору, что, останься он в Форменосе, Сильмариллы удалось бы отстоять и предотвратить убийство. Выбежал Феанор из Круга Судеб и исчез в ночи. Дороже света Валинора, дороже ненаглядных камней был для него отец...

Все собравшиеся разделяли горе Феанора. Йаванна плакала — на ее глазах гас во тьме Свет Валинора. Еще не полностью осознали Валары случившееся, ясно было лишь, что Мелькор призвал на помощь силу, пришедшую на Арду извне. Исчезли Сильмариллы, и теперь казалось неважным, как ответил Феанор на просьбу Йаванны. Но если бы он сказал «да» до прибытия гонцов, его собственная судьба была бы иной. Теперь же рок навис над народом Нолдоров.

Тем временем Моргот, уйдя от погони, явился в пустыни Арамана. Бесплодный этот край лежал далеко на севере, между Пелорами и Великим Морем. Холод сковывал здешние земли. Моргот и Унголианта вихрем пронеслись над туманами и льдами пролива, разделяющего Араман и Средиземье, и двинулись дальше на север. Моргот никак не мог избавиться от Унголианты. Опутанный ее тьмой, он чувствовал на себе пристальный, немигающий взгляд множества глаз. Так они достигли залива Дрэнгист; неподалеку отсюда лежали развалины Ангбанда, давней твердыни Мелькора. Но Унголианту нелегко было провести. Она поняла, что ее соучастник попытается удрать, воспользовавшись знакомыми местами, и тогда она потребовала от Мелькора исполнения обещанного.

— Эй, злосердечный! Я исполнила твою просьбу. Но мой голод не утолен.

— Чего же ты хочешь?! — воскликнул Мелькор.— Неужели ты способна сожрать весь мир? Ну так я не обещал скормить его тебе! Я ведь владею им.

— Мне и не надо так много,— ухмыльнулась Унголианта.— Отдай мне сокровища, прихваченные тобой в Форменосе, отдай сполна, как обещал.

Пришлось Морготу скормить ей сокровища Форменоса. С великой неохотой, по одному, отдавал он жемчуга и алмазы. Все пожирала ненасытная утроба. Унголианта росла как на дрожжах. Мрак, окружавший ее, становился все непрогляднее, но не ослабевал мучительный голод.

— Не очень-то щедра твоя левая длань,— укорила она Мелькора.— Давай-ка теперь то, что в правой.

В правой руке Враг держал Сильмариллы. Даже заключенные в хрустальном ларце, они страшно жгли ему ладонь, но он терпел и ни за что не хотел отдавать чуда.

— Хватит с тебя! — надменно воскликнул он.— Ты свое получила. Если бы не моя сила, не видать бы тебе и этого. Ты не нужна мне больше. И не зарься на то, что у меня в руке. Оно навеки принадлежит мне и только мне.

Мелькор не учел, что Унголианта уже переросла его самого, он же, наоборот, потерял часть своей силы. И тут Унголианта бросилась на него, накрыла темной тучей и вмиг сдавила толстыми, как канат, плетями. Именно тогда и исторг Мелькор вопль, отзвуки которого навсегда вросли в окрестные скалы. С тех пор край этот зовется Лáммот, и любой громкий звук пробуждает здесь странные стенания, полные ярости и муки. Страшен был вопль, сотрясший горы, заставивший потрескаться землю. Далеко разнесся он окрест, достиг Ангбанда, и там, в развалинах, под которые не удосужились заглянуть когда-то Валары, его услышали Барлоги, все это время ожидавшие возвращения хозяина. Крик пробудил их. Подобно огненным смерчам перенеслись они к месту жуткой схватки, багровыми мечами разрубили сети, опутавшие Мелькора, и обратили Унголианту в бегство. Выпустив огромное черное облако, помчалась Унголианта на юг, в Белерианд, и затаилась у подножия Эред Горгората, в темной долине, получившей позднее имя Нан Дунгорфеб, Долина Жуткой Смерти. Еще когда Мелькор строил Ангбанд, долину эту населяла нечисть в паучьем обличье. Здесь и поселилась Унголианта. Она выбирала самцов, спаривалась с ними, а после пожирала. Спустя много лет, когда сама Унголианта затерялась в неведомых краях на юге, ее многочисленное потомство все еще населяло долину, плетя свои мерзкие сети. Ни одно предание не сохранило сведений о судьбе Унголианты, однако кое-кто полагает, что сгинула она давным-давно, сожрав в неутолимом голоде самое себя.

Да, Сильмариллы избежали участи сгинуть в ненасытном брюхе Унголианты, но оставались во власти Моргота. Теперь, на свободе, он собрал прежних своих слуг и вернулся на руины Ангбанда, заново отрыл обширные подземелья, выстроил стены, а над вратами вознеслась угрюмая тройная башня Тонгородрима. Отныне и навсегда вершины ее окутал клубящийся дым.

Стремительно множилось воинство тварей, демонов и орков. Так был затемнен Белерианд, и потому темна повесть тех лет. В Ангбанде выковал Моргот железную корону и провозгласил себя Королем Мира. Тяжела была корона и год от года все тяжелела, но Моргот никогда не снимал ее, ибо в ней сияли Сильмариллы. Руки Врага так навек и остались черными и обугленными. Ожоги не заживали, причиняя Морготу сильную боль и тем приводя его в ярость. Теперь он управлял своим воинством, не покидая подземелий. Только однажды вышел он из Ангбанда и только однажды взялся за оружие сам.

Поражение в Утумно поубавило его спесь, но зато прибавило ненависти. Теперь он упивался властью над многочисленными рабами, творя из них беспрекословные орудия злой воли. Величие и мощь Айнуров, изуродованные злобой, сделали его облик столь ужасным, что немногим из живущих дано было, не теряя разума, созерцать владыку Ангбанда.

Теперь и в Валиноре поняли, что Мелькору удалось скрыться. Погруженные в раздумья, в Круге Судеб сидели Валары, поодаль плакали Майа и Ваниары, а Нолдоры вернулись в Тирион, горько сетуя на темноту его молчаливых улиц. На склоны погруженной во мрак Калакирьи наползали промозглые туманы, и тускло мерцал во тьме луч маяка Миндон.

Потом неожиданно явился Феанор. Он не избыл сроков изгнания, и его приход стал прямым вызовом воле Валаров. Феанор призвал Эльфов во дворец Финвэ на вершине Туны, и вскоре улицы, лестницы и даже окрестные склоны заполонила огромная толпа с факелами. Замечательным оратором был старший сын Финвэ. Речь его приковывала внимание и заставляла прислушиваться даже тех, кто не соглашался с ее смыслом. Слова Феанора, сказанные в ту ночь, Нолдоры запомнили навсегда. Вдохновенно и страшно говорил Феанор, гордость и гнев звучали в раскатах его голоса, и Нолдоров, внимавших ему, охватывало то же безумие. Феанор обвинял Моргота в вероломстве, обличая ложь, посеянную Врагом, не замечая и не думая, что все происходящее и есть исполнение главного вражьего замысла. Он словно обезумел от гибели отца и потери Сильмариллов. Не признавая воли Валаров, Феанор требовал, чтобы Нолдоры избрали его вождем народа.

— Почему, о великий народ,— восклицал он,— почему мы должны служить замыслам алчных Валаров?! Они не в состоянии оградить ни своих границ, ни нас, живущих на их земле, от козней Врага! Да, сейчас они тоже называют Мелькора врагом, но разве он — не один из них? Я ухожу, чтобы отомстить, но я бы и без того не стал жить в одной земле с родичами убийцы моего отца и похитителя наших сокровищ! Среди народа отважных я — не единственный храбрец. Нолдоры! Вы лишились своего Короля, вы лишились исконных своих земель и ничего не приобрели взамен. Мы словно в заточении живем на этой узкой полоске земли между морем и горами. Прежде здесь был Свет, в котором Валары отказали Средиземью, но теперь тьма уничтожила разницу. Доколе будем мы прозябать в Амане — сумеречный народ под покровом мглы,— роняя напрасные слезы в равнодушное море? Что мешает нам вернуться домой? Сладки спокойные воды Куивиэнен, чистые звезды сверкают над привольными землями нашей милой родины. Она ждет нас, глупых детей, покинувших мать. Я призываю вас вернуться, а слабые пусть остаются и охраняют этот город.

Долго еще говорил он, убеждая Нолдоров следовать за собой, обрести свободу, вернуться на Восток и владеть землями, принадлежащими им по праву. Сам не замечая того, он вторил речам Мелькора, заявляя, что Валары обманом увели их на Запад, чтобы отдать Средиземье Людям. Тогда многие Эльдары впервые услышали о Приходящих Следом.

— Да, дорога трудна,— говорил Феанор,— но конец ее будет радостным. Сбросьте оковы! Забудьте о слабости! Оставьте свои сокровища! Мы создадим еще большие. Идите налегке! Пусть только мечи отягощают ваши пояса. Мы пройдем дальше Оромэ и не прекратим погоню, как Тулкас, пусть нам придется идти хоть до края земли. Я объявляю Морготу войну, войну, которая кончится только с возвращением Сильмариллов. Тогда мы и только мы будем владеть непорочным Светом, и тогда Нолдоры станут первыми среди народов Арды.

И вот Феанор на мече поклялся страшной клятвой. Сыновья, стоявшие рядом с отцом, повторили слова клятвы, и мечи их кроваво заблестели в свете факелов. Клятву, данную Феанором, нельзя нарушить, никто не в силах освободить от нее, потому что клялись они перед Илуватаром Вековечной-Тьмой. В ослеплении безумия, призывая в свидетели Владыку Манвэ, и Варду, и священную вершину Таниквэтил, клялись они ненавидеть и преследовать любое существо, будь то Валар, демон, Эльф или Человек еще не рожденный, будь то любое создание — великое или малое, доброе или злое, овладевшее Сильмариллами или только вознамерившееся овладеть ими. Так говорили князья Нолдоров: Маэдрос, Мáглор, Келегóрм, Карафи́н, Каранти́р, Амрод и Амрос, а Нолдоры в ужасе внимали роковым словам. Все понимали, какой обет приняли безумцы. Теперь, независимо от исхода, не уйти им до конца мира от собственной страшной клятвы. Финголфин и его сын Тургон попытались образумить собравшихся, но тщетно. Дело опять чуть не дошло до мечей. Спокойный и рассудительный Финарфин пытался унять Нолдоров, призывая остановиться и подумать, пока не поздно. Ородрэф поддержал отца, а Финрод — своего друга Тургона. Но Галадриэль, единственная женщина среди воинственных князей, напротив, поддержала Феанора и призывала Нолдоров выступить немедля. Правда, клятвы она не давала, но слова о безграничных просторах Средиземья, где можно править по своему усмотрению, глубоко запали ей в душу. О том же думал и Фингон, сын Финголфина, хотя и не жаловал он Феанора в последнее время. К нему, как обычно, присоединились Ангод и Аэгнор, сыновья Финарфина, но им удалось сохранить спокойствие и подождать решения старших.

Долго спорили Нолдоры. Наконец Феанору удалось убедить большую часть собравшихся и разжечь их воображение картинами новых земель. Когда Финарфин снова попытался уговорить Нолдоров не торопиться, в ответ ему понеслись крики: «Хватит! Не хотим! Идем скорее!», а Феанор с сыновьями призвали, не теряя времени, готовиться в путь.

Да, не отличались прозорливостью избравшие сомнительный путь. Феанор торопил Нолдоров, он опасался, что многие передумают и останутся. Как бы ни были горды его слова, он не забывал о мощи Валаров и втайне страшился их гнева. Но из Валмара никто не приходил. Манвэ молчал. Он не считал себя вправе удерживать Нолдоров против их воли. Валары хотели для Эльфов только добра и не могли действовать принуждением. Да и не верилось Владыкам, что вздорные слова Феанора отвратят сердца Нолдоров от Благословенного Края.

Отчасти они были правы. Стоило Феанору начать командовать подготовкой к походу, как пошли раздоры. Далеко не все Нолдоры согласились признать сына Финвэ правителем народа. Финголфин, как оказалось, пользовался куда большим уважением. И он, и его родичи, а с ними большая часть жителей Тириона не хотели подчиняться Феанору, хотя от участия в походе не отказывались. Так случилось, что Нолдоры выступили в путь двумя большими отрядами. Феанор со своими сторонниками шел впереди, а следом Финголфин вел другой большой отряд. Сам он не хотел идти, но еще больше претило ему оставлять народ на произвол Феанора. К тому же он не забыл своего обещания, данного перед троном Манвэ. Неохотно уходил и Финарфин, но и его звали в дорогу те же причины, что и брата.

Уходили многие. Оставалась едва ли десятая часть народа Нолдоров. Никто не убоялся неизвестного пути, просто одни остались из любви к Валарам, и в первую очередь к Аулэ, другие — потому, что не хотели покидать Тирион, где столь многое было создано их руками.

Но вот пропела труба. Из ворот Тириона вышел во главе отряда Феанор, вышел и был остановлен вестником. Звучным голосом гонец поведал слово Владыки Манвэ. Вот что услышали Нолдоры:

— Народ Нолдоров, поддавшийся глупым затеям Феанора! Выслушайте мой совет. Не уходите. Зол час, и путь ваш — к скорби. Не надейтесь на помощь Валаров — ее не будет, как не будет и помехи. По своей воле вы пришли сюда, так же можете и уйти. Но ты, Феанор, сын Финвэ, изгнан отныне собственной клятвой. Уходи. Но знай, что в гневе не распознал ты коварной лжи Мелькора. Ты говоришь: «Он — Валар», тогда напрасна клятва твоя, ибо никогда и нигде на Эа не одолеть тебе Валара, даже если Эру, имя которого ты помянул, утроит твои силы.

Рассмеялся Феанор, повернулся спиной к вестнику Манвэ и громко сказал:

— Вот, значит, как! Доблестным Нолдорам предлагают изгнать своего правителя и вернуться к оковам? Вот что скажу я тем, кто пойдет со мной. Вам предрекли скорбь? Так мы узнали ее здесь. В Амане мы пришли от счастья к горю, а теперь уходим от скорби к радости, и если не встретим радости на пути, то обретем хотя бы свободу.

Он повернулся к посланнику и воскликнул:

— Передай Манвэ, Верховному Владыке Арды: может, и не суждено Феанору одолеть Моргота, но он не станет сидеть, сложа руки, понапрасну расточая слезы. И еще скажи: кто знает? Может быть, Эру зажег во мне куда больший огонь, чем думает Повелитель. Я настигну Врага, где бы он ни был, и тогда даже Валары, сидящие в Круге Судеб, будут дивиться моему мщению. Посмотрим, что скажут они тогда. Я сказал. Прощай!

Столько властной силы было в голосе и словах Феанора, что вестник Манвэ невольно поклонился ему, словно получил достойный ответ, и ушел.

Феанор торопил отряд. Многие оглядывались назад, где в отдалении еще виднелись стройные башни Тириона, а уж Эльфы Финголфина шли и вовсе неохотно. Во главе их шагал Фингол, а замыкали колонну Финарфин и Финрод. И они часто оглядывались на свой любимый город. Но вот уже и маяк затерялся в ночи. Эльфы шли, унося в памяти светлые годы Валинора. Многие, вопреки советам Феанора, захватили кое-что из любимых вещей, надеясь найти в них утешение на долгом, многотрудном пути.

Феанор вел Нолдоров на север. Главное, к чему он стремился,— настичь Моргота, и потому шел на север, где земли Амана и Средиземья разделял неширокий пролив. Когда первое возбуждение спало, Феанор задумался: как переправить отряд через море? Нужны были корабли, но будь даже Нолдоры искусными корабелами, строительство флота займет слишком много времени. Оставалось только одно: уговорить Тэлери присоединиться к походу и воспользоваться их кораблями. Тем самым Феанор намеревался умножить силы для предстоящей борьбы с Морготом и нанести ощутимый удар блаженным Валарам. И он повернул отряды к Альквалондэ. Придя туда, Феанор говорил перед Тэлери так же, как недавно в Тирионе. Однако Тэлери не тронули его ораторское мастерство и страстные речи. Они были опечалены уходом Нолдоров и, отказав в кораблях, принялись отговаривать друзей и сородичей восставать против воли Валаров. Тэлери не думали о других землях, кроме побережья Эльдамара, и не желали другого правителя, кроме Ольвэ. Ольвэ у себя в Альквалондэ не привечал Моргота, не слышал его коварных речей, он по-прежнему верил Владыкам Арды и не сомневался, что Ульмо и другие Валары сумеют залечить раны, нанесенные врагом, и новый рассвет засияет над Благословенным Краем.

Феанор был разгневан неожиданным препятствием. В сердцах он крикнул Ольвэ:

— Мы в нужде! И именно сейчас ты рвешь узы старой дружбы. Когда твой народ пришел на эти берега, растерянный, не имевший ничего, разве Нолдоры не помогли вам? Разве не строили эту гавань, эти стены, эти дома вместе с вами?

Удивленный Ольвэ отвечал на это:

— Мы не хотим разрывать старую дружбу. Но если друг поступает опрометчиво, только враг будет потакать ему. Да, Нолдоры помогали Тэлери обосноваться на этих берегах, но тогда ты говорил по-другому и предлагал жить в землях Амана вечно, как братья, чьи дома стоят рядом. Ты говоришь, что Нолдоры дали нам все, но

вот — корабли. Разве у вас учились мы строить их? Нашими учителями были Владыки Моря. Им обязаны мы нашими знанием и умением. Корпуса кораблей из белого дерева сработаны нашими руками, их белые паруса сшиты руками наших жен и дочерей. Мы не можем отдать корабли, не можем и продать их. Они дороги нам, как Нолдорам — их камни. Мы вложили в них свою душу, и вряд ли нам удастся создать еще такой флот.

Феанор получил решительный отказ. Ему пришлось удалиться под стены Альквалондэ, и там он мрачно ожидал подхода основных сил своего отряда. Когда же вокруг собралось его воинство, он отдал безумный приказ, послав вооруженных Нолдоров силой захватить корабли. Однако Тэлери не собирались уступать, и вскоре на причалах, на стенах гавани и на палубах кораблей засверкали мечи. Трижды отбрасывали воинов Феанора от кораблей, но в это время подошли передовые отряды Финголфина и, не разобравшись, бросились в сражение, видя, как гибнут их родичи и друзья. К тому же по рядам прокатился слух, что Тэлери хотят силой помешать походу Нолдоров и действуют по приказу Валаров.

Нолдоры, встретив сопротивление, совсем обезумели, и Тэлери были разбиты. Множество моряков Альквалондэ погибли. Их оружие составляли только небольшие охотничьи луки, они не собирались сражаться и не думали о войне. Нолдоры поднялись на корабли и на веслах повели их вдоль берега на север. Ольвэ в отчаянии взывал к Оссэ, но тот не пришел, остановленный запретом Валаров, и теперь не желавших останавливать Нолдоров силой. Но никто не мог запретить Уинен оплакивать безвинно убитых мореходов из Альквалондэ. Так велика была скорбь Уинен, что море сначала грозно зашумело и нахмурилось, а потом в ярости обрушилось на братоубийц и разбило множество кораблей, поглотив всех, кто был на них.

Подробнее о сражении в Альквалондэ сказано в «Нолдоланте», плаче о падении Нолдоров, сложенном Мэглором.

Буря кончилась, и уцелевшие Нолдоры продолжали путь. Они двигались вдоль берега, а по суше шли остальные, для кого не хватило места на кораблях. Долго шли они, и чем дальше, тем труднее становился путь во мраке. Так достигли отряды северных пределов Благословенного Края — холодных нагорий Арамана. Там на вершине одинокой скалы их ждала темная величественная фигура. По рядам Нолдоров прокатилось передаваемое шепотом имя Владыки Мандоса. Многие изменились в лице, когда холодные скалы вздрогнули от раскатов могучего и мрачного голоса. Застыло воинство Нолдоров, и в тишине пали медленные тяжкие слова Проклятья. Они навеки остались в памяти народа как Северное Пророчество, или Жребий Нолдоров. Многое было предсказано в нем, но в то время Нолдоры не поняли большей части, и только спустя годы, когда на этот эльфийский народ обрушились тяжкие беды, смысл Проклятия дошел до них. Голос призывал мятежников остановиться, вернуться и просить прощения у Валаров, и это поняли все.

— Опомнитесь, безумцы! — гремело в горах.— Моря слез прольете вы, но ни единый звук ваших стенаний не достигнет Валинора. Вы теряете его навеегда. Гнев Валаров лежит на доме Феанора и падет на всякого, кто последует за ним. Ни Восток, ни Запад не скроют вас от Стихий Арды. Клятва, в ослеплении данная вами, будет вести и предавать вас, а сокровище, ради которого она дана, всегда будет ускользать из ваших рук. Все, что начиналось добром, окончится злом. Брат будет предавать брата, и страх предательства погубит вас. Изгоями станут Нолдоры навек. Вы запятнали кровью земли Амана. Да падет она на ваши головы! Отныне и навсегда за пределами Амана Тень Смерти простирается над вами. Эру оградил вас от болезней и других напастей, вам не суждено умирать подобно Смертным, но оружие, пытки и скорбь властны над вами. Рано или поздно ваш бездомный дух придет в Чертоги Мандоса и восплачет по телу и не найдет ни тела, ни сочувствия, хотя бы все, погубленные вами, просили за вас. Участь тех, кого минует гибель в Средиземье, будет еще горше. Им суждено смертельно устать от мира, истомиться от тяжкого бремени жизни и стать скорбными тенями в глазах юного народа, придущего вам на смену. Таково слово Валаров!

В смятение повергло многих услышанное. Только Феанор, отбросив страх, нашел в себе силы сказать:

— Мы не шутили, когда давали клятву, и мы ее сдержим. Многими бедами пугали нас, сулили и предательство, но никто не сказал, что нас погубит страх, что гибель нам принесет трусость. Мы пойдем вперед, и я говорю вам: дела наши будут воспеты в песнях, и память о них будет жива до последних дней Арды!

Горды были слова Феанора, но не всех убедили они продолжать поход. Ушел Финарфин, бывший в родстве с Домом Ольвэ,— в гневе на Феанора и в великой печали от содеянного в Альквалондэ,— и с ним ушли многие. На обратном пути их вел свет Миидона. Они пришли в Валмар, были прощены Валарами и Финарфину доверили править остатками народа Нолдоров в Благословенном Краю. Но его сыновья не последовали за ним, они не захотели расстаться с сынами Финголфина, чей отряд продолжал гибельный путь, влекомый волей Феанора и стыдом за пролитую кровь Тэлери. Отвага и гордость не позволяли Фингону и Тургону бросить начатое дело незаконченным, как бы горек ни был конец. Снова Нолдоры шли вперед, навстречу предсказанной судьбе, и вскоре она начала сбываться.

Нолдоры подошли к проливу, далеко на севере разделявшему земли Амана и Средиземья. Огромные ледяные глыбы качались в стылых волнах, над водой висели густые туманы, и мгла дышала смертным холодом. До сих пор пролив пересекали только Валары да еще Унголианта в своем бегстве с Мелькором.

Феанору пришлось остановить отряд. Холод и липкие туманы причиняли Эльфам жестокие страдания. Даже лучи звезд не проникали сквозь морозную стынь. Среди Эльфов то и дело раздавался ропот, слышались проклятья Феанору: его винили в бедах, постигших Эльдаров. Феанор советовался с сыновьями, но отыскал лишь два способа переправиться на тот берег: по льду или на судах. Стоило взглянуть на залив и становилось ясно: пешком не пройти. Кораблей на всех не хватало, но никто не хотел остаться, подождать второго рейса — страх предательства уже поселился среди Нолдоров. И вот Феанор с сыновьями замыслили захватить корабли и отплыть внезапно с теми Эльфами, которые находились на борту и были преданы Феанору. Тут, словно по их зову, поднялся ветер, и корабли вышли в море, бросив Финголфина на берегу Арамана.

Пролив пересекли быстро и без потерь, и вот Феанор первым из Нолдоров снова вступил на берег Средиземья. Высадились они в заливе Дрэнгист.

Вскоре к Феанору подошел его старший сын Маэдрос. Он беспокоился о друге своем Фингоне, оставшемся на том берегу, и спросил отца:

— Кто из гребцов поведет корабли назад и кого ты прикажешь привезти первым? Может быть, Фингона Храброго?

Феанор в ответ так расхохотался, что Маэдрос отступил на шаг.

— Никого! — вскричал Феанор.— Я не считаю потерей то, что осталось на том берегу. Они были недовольны мной, ну и пусть остаются со своим недовольством или возвращаются под руку Валаров! Корабли сжечь!

Маэдрос молча отошел и долго стоял в стороне, глядя, как горят гордые белые корабли Тэлери. Перед ним гибли в огне прекраснейшие создания эльфийского народа. Морским волнам никогда уже не качать столь совершенных судов, ибо совершенство не часто приходит в мир.

Финголфин с отрядом видели зарево в той стороне, куда ушли корабли, и все поняли: их предали. Так начало сбываться Проклятие Мандоса.

Финголфину оставалось либо сгинуть в Арамане, либо со стыдом возвращаться в Валинор. Горько было у него на душе. Но теперь он, как никогда, хотел добраться до Средиземья и повстречаться с Феанором. Эльфы долго шли вдоль берега, и чем труднее был путь, тем достойнее переносили они лишения. Могучим народом были Старшие Дети Илуватара, тяготы земной юдоли еще не сломили их дух, юный огонь пылал в сердцах и вел вперед по жестоким морозным окраинам севера. Впереди шли Финголфин, Финрод и Галадриэль. Когда не осталось иного пути, отряд вступил на вздыбленный лед пролива. Немногим из грядущих свершений Нолдоров дано было превзойти доблестью этот отчаянно тяжелый переход. Таяло воинство Финголфина, погибла жена Тургона Эленвэ, и все же Эльфы вступили на берега Внешних Земель. Едва ли надо говорить, как мало любви к Феанору и его сыновьям осталось в сердцах тех, чьи трубы услышало Средиземье при первом восходе Луны.

*Перевод Н. ГРИГОРЬЕВОЙ
и В. ГРУШЕЦКОГО*

ЗНАНИЕ — СИЛА 10/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 10 (784)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 14.09.92
Подписано к печати 03.11.92
Формат 70×100 1/16
Офсетная печать
Печ. л. 8,0
Усл.-печ. л. 10,37
Уч.-изд. л. 13,37
Усл. кр.-отт. 42,6
Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1054

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6.
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Министерства печати и массовой
информации РФ

142300, г. Чехов
Московской области

Цена свободная.

Индекс 70332.

В НОМЕРЕ

Р. Магрит. «Память».